ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1954 год 9

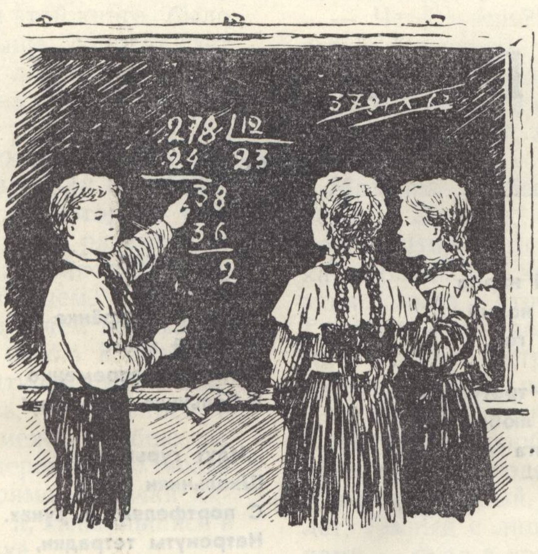

— Здесь вы будете учиться, — говорят старшеклассники малышам, впервые пришедшим в школу. В городе Павловский Посад, в школе № 18, существует хороший обычай: перед началом учебного года учащиеся старших классов проводят новичков-первоклассников по всей школе, рассказывают о ее традициях, о хороших делах, о тех, кто учился здесь раньше.

Фото Л. Данилова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 9 сентябрь 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ШКОЛУ

Я. Аким

Сегодня
Маленький народ
Встречает новый
Школьный год.

С утра по тротуарам,
По улице любой
Идут ребята
Парами,
Цепочкою,
Гурьбой.

Кто тащит
На занятия
Приёмник-самоделку,
Кто бабочек
Засушенных,
А кто — живую белку.

Вот с братом-первоклассником
Сестра шагает рядом.
Девочке поручено
Смотреть
За младшим братом.

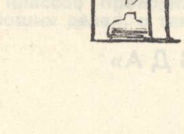
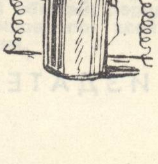
Да он и сам
Ещё не раз
К своей сестрёнке
В пятый класс
Заглянет непременно
В большую перемену!

...Идут гурьбою
Школьники
С портфелями в руках.
Нетронуты тетрадки,
И чисто в дневниках.

Они к звонку торопятся
И весело галдят.
А взрослые
Из окон
С улыбкою глядят:

У нас в почёте
Всякий труд —
Трудиться
Школьники
Идут!

Отважное сердце

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Алексей Югов

Рисунки Петра Павлинова.

Часть первая

Глава первая

То, о чём рассказано в этой книге, было очень, очень давно: свыше семисот лет тому назад, в страшные для русского народа времена, во времена татарского ига на Руси.

Было на исходе знойное лето 1250 года. Яркое солнце щедро сияло над скорбным городом Владимиром, в котором ещё немало виднелось пустырей и развалин от недавно минувшего нашествия татарской орды во главе с ханом Батыем.

Речка Клязьма как ни в чём не бывало вилась и сверкала под горою в зелёной, сочной луговине. И ребятишки, как в добрые времена, купались, брызгались и звонко перекликались между собою на отмели возле большого деревянного моста в город. Иные из них прямо из речки кидались на горячий песок и, вывалявшись в нём, грелись на солнышке.

Один только мальчик не купался. Он сидел отдельно от всех на противоположном, низком бережку, на жердяном поперечном затворе, что закрывал въезд на мост. С виду он казался не старше восьми лет, худенький, белобрысый, взъерошенный. Лицо у него было измождённое, однако живое и сметливое. Он был босой, ножонки в «цыпках». Одет в рваную выцветшую рубашку с пояском и в жёсткие — трубами—штаны из голубой в синюю полоску пестряди.

Вот он сидит на мостовом затворе, заграждающем мост, болтает босыми ногами и подставляет солнышку то одно, то другое плечо. Время от времени встаёт на жердину и всматривается в даль просёлочной дороги.

— Дяденька Акиндин, возы хочут через мост проезжать! — кричит он куда-то вниз, в тень большой, раскидистой ветлы возле самого моста.

Грубый, ленивый голос отзывается ему из-под берега:

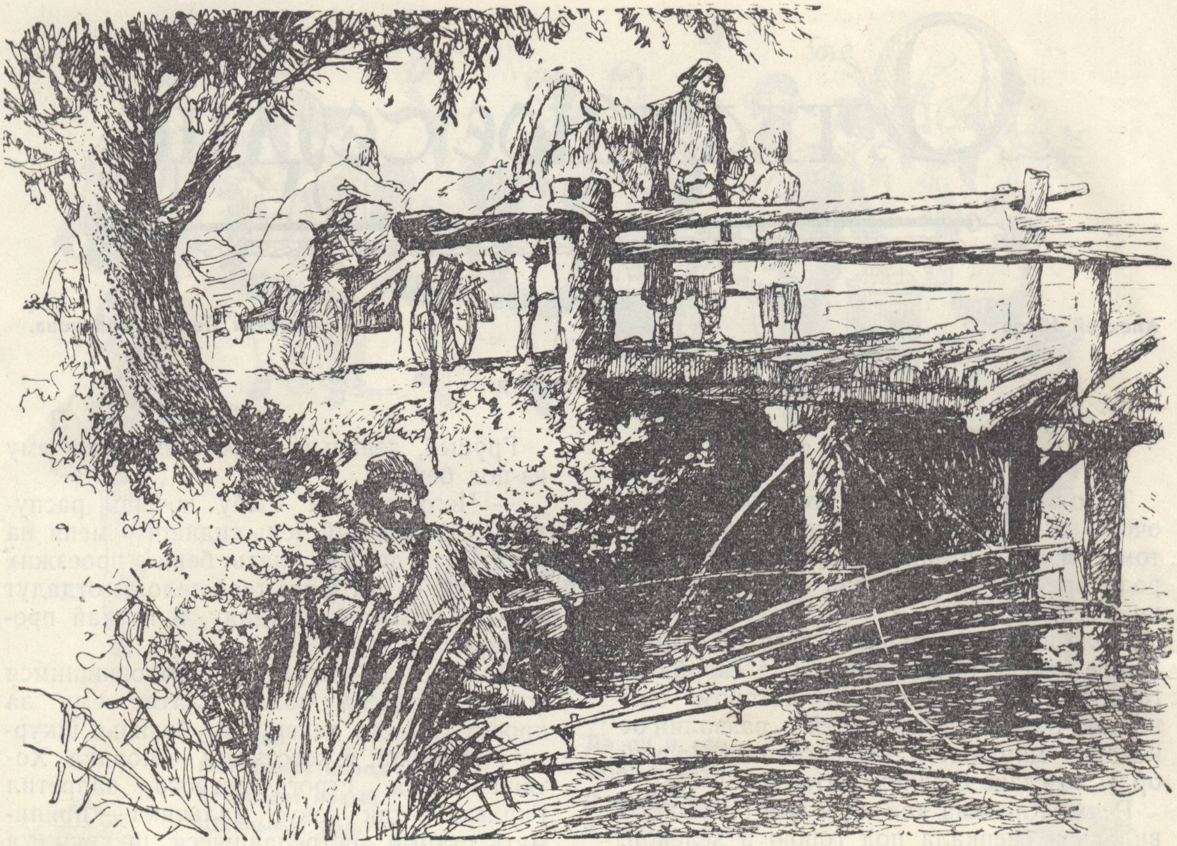
— Чего орёшь?! Рыбу хочешь распугать?.. Не первый день сидишь у меня на мосту, сам должен знать: бери с проезжих мостовое — вот и всё твоё дело. А отдадут куны,— подымай жердину, и пускай проезжают...

Мальчик подбегает к остановившимся возам. Хозяева возов платят ему за проезд. Вместо денег идёт беличья шкурка с головкой и коготками — мордка. Хозяин моста строго-настрого запретил Гриньке — так зовут мальчика — принимать старые, истрепавшиеся шкурки, а требует, чтобы платили совсем новыми.

— Отдали! — кричит Гринька хозяину.

Акиндин Чернобай — богатый купчина, ростовщик и содержатель моста через Клязьму, жирный, сырой мужчина средних лет, тёмный с лица, с заплывшими глазками, — сидя в холодке под ветлою, лениво поднимает правую руку и тянет снизу за верёвку. Верёвка эта болтается над его плечом. Мостовой затвор там, наверху,

Акиндин Чернобай решил потешиться рыбной ловлей.

медленно подымается, как колодезный журавель, и возы проезжают через мост. Но Чернобай даже и глазом не ведёт. Он попрежнему неотрывно глядит на воду: влажный песок берега возле мостовщика весь утыкан удилищами, и Чернобаю надо следить за поплавками: не клюёт ли?..

Гринька мчится и передаёт своему злому хозяину проездное.

Сегодня воскресенье, и только потому купец и сидит сам возле моста: Акиндин Чернобай решил потешиться рыбной ловлей. А так вовсе не от мостовых сборов богатеет купчина!

Ещё покойный князь Ярослав Всеволодич, отец и великого князя владимирского Андрея и Александра Невского, что княжит в Новгороде, обогатил Чернобая. Старый князь запродал купцу и весь хмель в окрестных лесах, и ловы бобровые, да в придачу ещё и мостовой сбор на Клязьме. А без хмеля как жить крестьянину? Ведь и тесто не взойдёт, если горстку хмеля не кинет хозяйка в квашонку! И вот, когда приходило время крестьянам драть хмель в лесах, то пойди сперва поклонись купцу Чернобаю да заплати ему куны, а то приказчики его и в хмельники тебя не пустят. А давно ли ещё хмель весь был общественный!

Худо стало и охотнику-звероловy.

Уж не знают мужики, куда и податься от такого житья. Многие стали в дальние северные леса уходить: там, в глухих дебрях лесных, и татарские баскаки да и княжеские приказчики — тиуны — долго ещё не отыщут!

А то ведь и княжеские поборы одолели, и на татарина дань князья требуют, и церковную десятину подай, а тут ещё Чернобаю плати!

Были и другие недобрые доходы у купца Чернобая: он отдавал свои куны в долг обедневшим людям. А после, как придёт срок платить, в три раза больше сдирал с должника. А коли не уплатишь, то забирал к себе в холопы: отрабатывай!..

По воскресеньям сам любил Акиндин Чернобай получать мостовое. Большая кожаная сумка с медной застёжкой и сейчас висела у него на боку.

Иной раз проезжающий отстранял Гриньку — не хотел платить. Тут, заслышав такое, словно жирный, чёрный паук-мизгирь, почуявший муху в своей паутине, выбегал из-под моста Чернобай.

И тогда — горе жертве!

Простые владимирские горожане и окрестные пахари — смерды, везущие во Владимир хлеб и овощи на продажу или что другое, те и не пытались спорить с купцом-мостовщиком. Они боялись его. «Змий, чисто змий!» — горестно говорили они о Чернобае.

Безмолвно, с тяжёлым вздохом отдавали они ему за проезд из любого товара, отдавали с лихвой. А проехав мост и не вдруг-то надев шапчонку, нет-нет, да и оглядывались и принимались хлестать кнутом изребрившиеся, тёмные от пота бока своих лошадей.

Того, кто пытался миновать мост и незаконно проехать бродом, Чернобай останавливал и возвращал. С багровым, потным лицом, поклёванным оспой, вразвалку приближался он к возу бедняги и, опершись о грядку телеги, кричал тонким, нечистым, словно у молодого петуха, голоском:

— Что, провинился, дружок?.. Теперь плати, тряси кошель!

Если крестьянин упирался, то Акиндин Чернобай тащил его с воза. Да ещё и кулаком ударит в лицо...

Но так как сиживал он возле моста лишь по праздникам, то решил принять меры, чтобы и без него никто не смел переезжать речку бродом. И вот какое лихое дело измыслил купчина. Приказал он своим работникам утыкать всё дно и справа и слева от моста острыми обломками кос и серпов.

Сколько лошадей перепортили из-за него мужики!..

Один раз народом сбросили его с моста в Клязьму. Он выплыл.

Пьяный бахвалился Чернобай:

— Мне княжеской дворецкой — кум. Он у меня дитя крестил... У меня многие сыны боярские в долгу. А платить им нечем. Охо-хо-хо! Да и сам великий князь Андрей свет Ярославич знает меня, худо-го! Ну, а не поладим мы с князем, то я не гордец: подамся в Новгород Великий. И там меня, убогого, знают. Меня и там в купцы запишут.

...К мосту через Клязьму близился высокий, могучий всадник на статном вороном коне с жёлтыми подпалинами. Он был в красном шёлковом плаще с золотыми разводами, без головного убора, в сафьяновых зелёных сапогах с загнутыми носками.

Весь его облик был исполнен высокой, резкой и мужественной красоты. Волнистые светлые, золотого отлива волосы откинуты назад. Глаза большие, грозно-голубые, с длинными чёрными ресницами. По виду он только что вступил в пору первого мужества. Небольшая русая бородка опушала его подбородок. Щёки сквозь загар пылали алым румянцем...

Изредка всадник привставал на стременах и бросал взгляд назад: далеко отстав, за ним мчалась его свита — несколько конников в сверкающих на солнце кольчугах и шлемах и несколько человек в богатых плащах.

Город всё близился, раздвигался, крупнел. На своём высоком, крутояром берегу столица Северной Руси похожа была издали на огромный белый и золотой мыс, испещрённый синими, алыми и лазоревыми пятнами.

Белой и золотой была широкая и возвышенная часть мыса, а идущий книзу его угол был тёмным и почти совсем лишён белых и золотых пятен.

Белое — это башни и стены кремля, храмов, монастырей. Золотое — кресты и купола церквей и обитые золочёной медью гребенчатые кровли княжеских палат и боярских теремов. Эта часть Владимира называлась Верхний город, Гора, Кремль.

Тёмным же углом исполинского мыса виднелся издали совсем не огражденный стенами городской посад. Здесь обитали

ремесленники, владимирские огородники да пригородные смерды монастырских и боярских земель.

Теперь могучий всадник вместе со своим конём казался против города не больше макового зёрнышка...

Вот на той стороне, у подошвы крутого откоса, на зелёной кайме приречья хорошо стали различимы сизые большие, словно кованые, кочаны капусты, гогочущие раскормленные гуси и даже яркие разводы и узоры на платках и сарафанах женщин, работающих на огороде.

Через Клязьму слышны стали звонкие, о́кающие и, словно бы где-то в лесу, перекликавшиеся голоса огородниц.

Вот и мост. Витязь попридержал коня. С седла ему стало видно, что мост худой: конь может оступиться. Всадник нахмурил брови и покачал головой. Потом спешился и взял коня под уздцы.

Мостовой затвор был опущен и преграждал въезд. Витязь остановился в недоумении: ведь вот как будто только что сидел тут похожий на воробышка малец, сидел на этой самой перекладине, и вдруг как ветром его сдуло!

А между тем внизу, под ветлою, происходило вот что. Когда Гринька завидел всадника, то сразу понял, что это едет кто-то из знатных. А потом и признал его. Да и как было не признать, когда столько раз, бывало, глазел мальчуган на этого человека в его частые приезды во Владимир, жадно смотрел вместе с другими ребятишками, уцепясь где-либо за конёк крыши или с дерева. Стремглав ринулся Гринька с моста под берег, прямо к хозяину, дремавшему над своими удочками. С разбегу малец чуть не сшиб купца в воду.

— Дяденька Акиндин!.. Отворяй мост скорее! — задыхаясь, выкрикнул он.

Купчина вздрогнул и открыл глаза.

— Ты что, Гришка?! — вскричал он. — Ох ты, леший проклятый! Ты мне всю рыбу распугал, весь клёв испортил!..

Акиндин Чернобай грузно привстал, ухватясь за плечо мальчугана, да ему же, бедняге, и сунул кулаком в лицо. Гринька дёрнул головою, всхлипнул и облился кровью. Кричать он не закричал: он знал, что за это ещё хуже будет. У него даже хватило соображения отодвинуться от хозяина, чтобы как-нибудь не окапать кровью, текущей из носа, белую чесучовую рубаху Акиндина. Гринька, пошатываясь, подошёл к воде и склонился над ней. Вода возле берега побурела от крови.

Чернобай неторопливо охлопал от песка широкие, заправленные в голенища штаны, поправил шерстяной вязаный поясок на пузе и вдруг сцапал руку Гриньки и разжал её: никакой выручки у мальчика не было. Тогда хозяин ещё больше рассвирепел.

Но только он открыл рот для ругани, как сверху, с моста, послышался страшный треск ломаемой жерди, и в тот же миг и сама толстенная мостовая затворина со свистом прорезала воздух и шлёпнулась в Клязьму. Во все стороны полетели брызги.

Купца охлестнуло водой.

С грозно-невнятным рёвом: «А-а» — Акиндин Чернобай кинулся на расправу.

Проезжий был уже снова в седле.

Не видя всадника в лицо, остервеневший мостовщик сзади схватил его за стременной ремень и рванул к себе стремя.

Рванул и оцепенел: он узнал князя.

Долгие навыки пресмыкания перед вышестоящими подсказали рукам Чернобая совсем другое движение: он якобы не стремя схватил, а обнял ногу всадника:

— Князь!.. Олександр Ярославич!.. Прости... обознался!— забормотал он, елозя и прижимаясь потной, красной рожей к запылённому сафьяну княжеского сапога.

Александр Ярославич молчал. Он только сделал движение ногой, чтобы высвободить её из объятий мостовщика. Тот отпустил сапог и рукавом рубахи отёр лицо.

— Подойди!—негромко произнёс князь.

Этот голос многие знали в народе. В битвах и на вече народном голос Александра Невского звучал, как труба. Он перекрывал гул и рёв сражений...

Купец мигом подскочил к самой гриве коня и выбодрился перед очами князя.

Обрубистые, жирные пальцы Чернобая дрожали, суетливо оправляя поясок и шёлковую длинную рубаху.

— Что же ты, голубок, мосты городские столь беспутно содержишь? — громко спросил Александр.

— Я... я... — забормотал, заикаясь, Акиндин.

Александр указал ему взглядом на изъяны моста:

— Проломы в мосту... Тебя что, губить народ здесь поставили? А?

Голос князя всё нарастал.

Чернобай, всё ещё не в силах совладать со своим языком, бормотал всё одно и то же:

— Брёвен нет, свай... сваи мне не везут, сваи...

— Сваи?! — вдруг всем голосом налёг на него Александр. — Да ты паршивец!.. Дармоед!.. Да ежели утре не будет у тебя всё, как должно, то я тебя, утроба, самого по самые уши в землю вобью... как сваю...

При этом витязь слегка покачнул над передней лукой седла крепко стиснутым кулаком. Чернобай похолодел от страха. Ему невольно подумалось, что, пожалуй, кулак этого князя и впрямь может вогнать его в землю, как сваю.

Лицо у купца ещё больше побагровело. Губы стали синими. Он храпнул. Судорожным движением руки оторвал пуговицы душившего его ворота рубахи...

Не глядя больше в его сторону, Ярославич позвал к себе мальчугана. Гринька уже успел унять кровь из расшибленного носа, заткнув обе ноздри кусками лопуха. Услыхав голос князя, мальчик выскочил из-под берега. Вид его был жалок и забавен.

Александр Ярославич улыбнулся...

— Ты чей? — спросил он мальчика.

— Я Настасьин,— отвечал глухим голосом, ибо лопухи ещё торчали у него в носу, Гринька.

— Да как же так Настасьин? Отца у тебя как звали?

— Отца не было.

— Ну, знаешь!.. Да этакого и не бывает!.. — И князь развёл руками. — А звать тебя Григорий?

— Гринька.

— А сколько тебе лет?

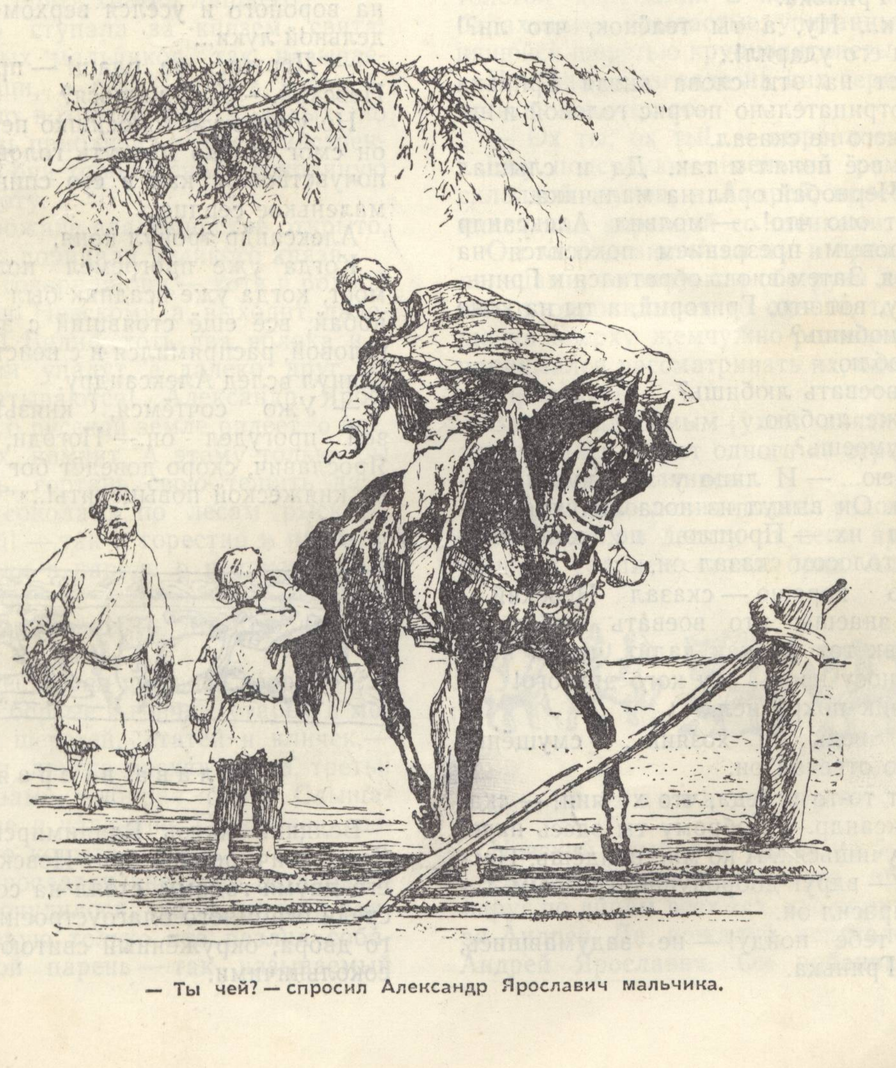
Этого вопроса мальчуган не понял. Тогда князь переспросил иначе:

— По которой весне?

— По десятой.

Александр Ярославич удивился:

— А я думал, тебе лет семь, от силы — восемь. Что ж ты так лениво рос? Да и худой какой!

— Ты чей? — спросил Александр Ярославич мальчика.

Гринька молчал.

— А чего ж ты это лопухом ноздри себе заткнул? — спросил князь и слегка приподнял его подбородок. — Вот и голос у тебя невнятный!..

Мальчик смутился.

— Ну? — повторил свой вопрос Александр.

— Лопухи эти кровь останавливают!..— отвечал наконец Гринька.

— Ишь ты!.. — произнёс с оттенком изумления князь Александр. — А в какой же это ты битве кровь свою пролил, а?..

Мальчуган опустил голову: грозный хозяин стоял тут, рядом, и всё мог услышать! Гринька молчал. Слёзы стали наполнять ему глаза...

— Ну, это, брат, никуда не годится!— голосом, дрогнувшим от жалости, проговорил Александр Ярославич.— Воину плакать! В битве мало ли что может случиться!..

— Ударили меня, — пробормотал еле слышно Гринька.

— Так... Ну, а ты телёнок, что ли?! И ты бы его ударил!..

В ответ на эти слова князя Гринька только отрицательно потряс головой и ничего, ничего не сказал.

Князь всё понял и так. Да и слышал он, как Чернобай орал на мальчика.

— Вот оно что!.. — молвил Александр и с суровым презрением покосился на Чернобая. Затем вновь обратился к Гриньке. — Ну, вот что, Григорий, а ты на коне ездить любишь?

— Люблю.

— А воевать любишь?

— Тоже люблю.

— А умеешь?

— Умею... — И лицо у мальчугана повеселело. Он вынул из носа лопухи и отшвырнул их. — Прошло, не каплет! — бодрым голосом сказал он.

— Это хорошо,— сказал Невский.— Только знаешь: кто воевать любит да умеет, так тот уж так ладит, чтобы не у него из носу кровь, а у кого другого!

Мальчик покраснел.

— Да ведь он хозяин... — смущённо и угрюмо отвечал он.

— Вот то-то и беда, что хозяин! — сказал Александр.— Доброму ты здесь ничему не научишься... А ко мне пойдёшь, Настасьин?..— вдруг добродушно-грозным голосом спросил он.

— К тебе пойду! — не задумавшись, ответил Гринька.

Невский удивился.

— Да ты, что же, знаешь меня? — спросил он.

— Знаю.

— Ну, а кто я?

Лицо мальчугана расплылось в лукаво-блаженной улыбке.

— Ты Невшской, — по-детски шепелявя, произнёс он.

Ярославич расхохотался.

— Ах ты, опёнок! — воскликнул он, довольный ответом мальчугана. И вдруг решительно приказал: — А ну, садись!..

Вздрогнув от внезапности, Гринька спросил растерянно:

— Куда садись?

— Куда? Да на коня, за седло. А ну, дай помогу.

И Александр Ярославич протянул было вниз левую руку. Однако опоздал. Быстрее, чем белка на ствол ели, Настасьин, слегка лишь придержавшись за голенище княжеского сапога, мигом вскарабкался на вороного и уселся верхом позади седельной луки...

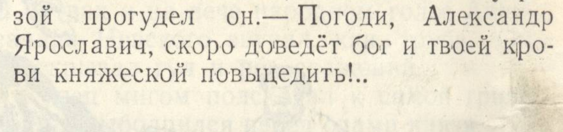
— Держись за плащ! — приказал ему Невский.— Удержишься?

Но у того уж голосишко перехватило, и он смог только мотнуть головой. Невский почувствовал, как в его спину колотится маленькое сердце...

Александр тронул коня.

Когда уже прогремел под копытами мост, когда уже всадник был далеко, Чернобай, всё ещё стоявший с запрокинутой головой, распрямился и с неистовой злобой глянул вслед Александру.

— Ужо сочтёмся, князь! — с угрозой прогудел он.— Погоди, Александр Ярославич, скоро доведёт бог и твоей крови княжеской повыцедить!..

Глава вторая

Великий князь Владимирский Андрей Ярославич, родной брат Невского, младше его двумя годами, стоял на солнышке посреди огромного благоустроенного псарного двора, окружённый свитою, псарями и сокольничими.

Это был ещё молодой человек, не достигший и тридцати. Снеговой белизны сорочка с распахнутым на смуглой, крепкой груди воротом, заправленная под синие узорные шаровары, лёгкие лимонного цвета сапожки — весь этот домашний наряд ещё больше молодил князя. От его тёмных вислых усиков, от резкого, тщательно выбритого подбородка веяло удалью и стремительностью.

Андрей Ярославич гневался. Перед ним смиренно, без шапки, стоял старый ловчий, правитель всей княжей охоты.

— Обучать собаку надо голодную! — бешено кричал на него князь.

Старик-ловчий даже и не пытался оправдываться:

— Проступился, княже, прости!

Но князь великий Владимирский сегодня что-то долго не унимался. По этому крику да по нетвёрдой походке Андрея Ярославича слуги и псари уже знали, что князь, опохмеляясь утром после вчерашней попойки, опять хватил лишнего.

Безмолвно ступала за князем свита: двое нарядных мальчиков, так называемые меченоши, и пять — шесть знатнейших бояр, по возрасту ещё молодых, но которых князь приблизил к себе единственно за то, что они хорошо знали соколиную и псовую охоту.

За это горожане владимирские открыто, на площадях порицали великого князя.

— Нет,— говорили они,— хотя и родной брат он князю Невскому, а, выходит, далеко не родня! Видно, хоть два яблока и с одной яблони упадут, а далеко друг от дружки откатываются!.. Александр Ярославич — тот о русской земле радеет, о нас, о крестьянах, помнит. А этому только бы пьянствовать, гортань свою тешить да с псами да с соколами по лесам рыскать. Мимоходный! — так и горестно и насмешливо говорили в народе о великом князе Владимирском.

И это прозвище — Мимоходный — утвердилось за ним.

...Князь шествовал по своей псарне.

Собаки — борзые и гончие, старые и молодые, всех шерстей, статей и кличек,— одни лежали, другие расхаживали, третьи клацали зубами, выбирая блох. Слышалось лакание и чавкание. Плескался разливаемый по корытам корм.

Андрей Ярославич внезапно остановился. Князю почудилось, что от жидкой болтушки, которую только что разлил собакам молодой парень — так называемый корытничий,— исходит пар: значит, болтушка не остужена?!

Великий князь Владимирский соизволил обмакнуть палец в самое месиво. И тотчас же с ругательством отскочил от корыта. Лицо князя даже и сквозь смуглоту побагровело.

— Что творите?! — неистово заорал он.— Я вам носа велю урезать, мерзавцы!

Один из отроков подбежал и поспешно, но бережно отёр княжеский палец шёлковым платком.

— Что же вы, негодяи,— продолжал кричать князь,— али вы не знаете, что от горячей пищи у собаки желудок портится и чутьё?!

Старый хитрец-ловчий понял, что дело сегодня может окончиться плохо и для него и для многих. Он подал многозначительный знак одному из псарей.

И тот с почтительным поклоном поднёс князю широкую отлогую корзину, обтянутую изнутри белым полотном поверх толстой подстилки. В корзине играли и барахтались брыластые, упитанные, с лоснящейся шерстью крупнопятнистые щенки.

При одном взгляде на них сердце великого князя отошло.

— Ох ты, ох ты!.. — вырвалось у него.

Ему подсунули низенькийременчатый складной стулец, и Андрей, присев, склонился над корзиной со щенками.

Он то подсвистывал им и прищёлкивал пальцами, то запускал обе руки до самого дна и, опрокидывая то одного, то другого щенка кверху жемчужно-розовым пузом, принимался рассматривать их, оценивать и распределять.

Вдруг над самым ухом князя Андрея послышался шёпот одного из отроков:

— Князь, оглянись...

Андрей Ярославич поднял голову и обомлел: шагах в десяти от него, ярко освещённый солнцем, стоял брат Александр.

Глава третья

Невский улыбался, глядя на брата.

Словно дуновение испуга пробежало вдруг по лицам всех тех, кто окружал князя Андрея. Да, пожалуй, испугался и сам Андрей Ярославич. Он побаивался-таки

старшего брата, хотя Александр Невский считался всего лишь удельным князем Переславля-Залесского на Владимирщине, а Андрей — великим князем Владимирским.

Русь была под татарским игом. Татарские ханы определяли, кому быть старшим князем на Руси. И Александру Невскому они опасались отдать великое княжение. Они знали, что он, ещё юношей будучи, разгромил и шведских и немецких рыцарей, знали, что он умён и храбр, а потому боялись, что, став главным князем во всей северной и восточной Руси, Невский слишком усилится и начнёт подымать русских против орды.

Александру пришлось уехать на княжение далеко — в Новгород на Волхове. Татарские ханы прогнали бы его и оттуда, но Новгород Великий не признавал ещё татарской власти. Он уцелел в 1238 году от страшного Батыева нашествия. Могучей татарской коннице не удалось пробиться тогда сквозь тысячевёрстные густые леса, сквозь гиблые топи и болота.

Однако в одном Новгороде Невский всё равно не смог бы собрать большое войско против татар. Там правили богатые купцы и бояре. Князей они приглашали только в качестве военачальников. Если же князь пытался захватить власть, они его выгоняли с княжения.

Так было неоднократно и с Александром Невским. Татары знали про это. Знали они и про то, что немцы и шведы чёрной тучей нависают над Новгородом. Стоит Невскому подняться против татар, как сейчас же шведские, немецкие, датские рыца-

— Саша?! — растерянно, но в то же время и радостно вскричал князь Владимирский...

ри двинут на Новгород своё огромное войско.

Вот почему татарский хан Батый и его брат Берке спокойно смотрели на то, что Александр Невский княжит в Новгороде.

Когда же Александр, властный и крутой, ссорился с боярами новгородскими и они отымали у него княжение, он уходил в своё маленькое княжество — в Переславль-Залесский. А тогда уж он и вовсе не мог поднять большой силы против татар: маленький удельный князёк на Владимирщине, под рукой у брата Андрея!

...И всё ж таки Андрей побаивался грозного Александра. По древним русским обычаям младший брат обязан был повиноваться старшему брату, как повиновался отцу. Так и говорилось: «Старший брат — в отца место!»

— Саша?! — растерянно, но в то же время и радостно вскричал князь Владимирский и выронил щенка из рук на дно корзины. Тот только пискнул.

Андрей Ярославич поднялся на ноги и подставил одному из слуг-отроков левое плечо. Отрок накинул ему княжеский плащ-ко́рзно.

Однако застегнуть самому пряжку плаща Андрею никак не удавалось: руки тряслись.

Заметив это и сразу же догадавшись, что братец его опять под хмельком, Невский произнёс и добродушно и насмешливо:

— Да полно тебе! Не смущайся: ведь на работе же застаю, на деле...

Оторопь у Андрея прошла. Он раскрыл объятия:

— Саша, милый мой! — вскричал он.— Свет ты очей моих!.. Прости, что не в хоромах принимаю тебя!..

— Давно бы так! — отвечал Невский.— Давай же наконец поцелуемся!..

Братья обнялись и троекратно поцеловались. От Андрея пахло вином. Невский сурово глянул брату в глаза.

Тот несколько суетливо старался отвлечь мысли старшего брата в сторону. Взгляд его остановился на Гриньке. Мальчик, оробевший, растерянный, стоял позади Александра Ярославича.

— А это что у тебя за оруженосец новый? — удивлённо и с явной насмешкой над жалким видом Гриньки спросил князь Андрей.

— А! — И Александр на мгновение оборотился к мальчугану и одобряюще глянул на него: не трусь, дескать!

Жалобная улыбка появилась на лице у Настасьина.

— Ещё и какой будет оруженосец! — ответил, рассмеявшись, Невский.— Он воевать любит.

Андрей расхохотался:

— Воевать — дело доброе, мужское,— сказал он.— А только что ж ты этого витязя столь худо одел?

От этой грубой шутки князя Гринька чуть не заплакал. Княжеская челядь так и воззрилась на него. Настасьин потупил голову. Ещё немного — и слёзы хлынули бы из его глаз.

Вдруг он почувствовал, как отечески-ласково на его голову легла сильная, мужественная рука. Гринька глянул вверх из-под этой ладони, не смея шевельнуть головой, и увидел, что это Александр Ярославич. Вслед за тем послышался добродушно-густой голос Александра:

— Да, пожалуй, одет мой воин небогато. Ну, ничего: одёжу богатую он в боях добудет!..

Тем временем Андрей Ярославич подозвал к себе одного из пышно одетых своих отроков, того, что был ростом поменьше, и что-то негромко сказал ему. Отрок отошёл в сторонку, а вскоре уже стоял перед Настасьиным, держа на вытянутых руках свой золотом расшитый кафтанчик. Настасьин отодвинулся от него. Тот повёл головой, показывая, что надо, дескать, надеть, что такова воля князя Андрея.

Гринька вскинулся, сверкнул глазами.

— Не хочу я ходить в чужой одёже! — выкрикнул он, закрыл ручонками лицо и заревел...

Глава четвёртая

Невский приехал во Владимир по очень важному государственному делу. И в то же время это было дело семейное: Невский задумал женить вдового брата Анд-

рея на дочери могущественного князя всей Карпатской Руси — Даниила Романовича. Звали эту княжну Аглая Дубравка.

Во времена татарского нашествия Русь состояла из множества отдельных княжеств. Княжества эти были плохо связаны между собой, а князья враждовали и воевали друг с другом. Потому и не выстояла Русь против татарского нашествия.

Когда же утвердилось татарское иго, то Батый и Берке уже насильно стали мешать русским князьям соединить свои силы. Они зорко следили за этим!

Татары сразу поняли, что через женитьбу князя Андрея на княжне Дубравке Карпатская Русь в лице Даниила и Владимиро-Суздальская Русь в лице Андрея и Александра как бы вступают в тайный союз.

Запретить этот брак ханы не могли: русские князья, хотя и были данниками Орды, возили туда слитки серебра и драгоценные меха,— но в своих семейных, междукняжеских делах были свободны.

Однако страшный гнев овладел ханом Батыем, когда он узнал о предстоящей свадьбе Андрея и Дубравки. Уже одряхлевший в то время Батый даже заболел от гнева и слёг. Люто ненавидевший русских, хан Берке всячески разжигал гнев своего старшего брата против Андрея и Александра. Он подбивал Батыя немедленно двинуть татарское карательное войско на Владимир. Однако Батый побоялся сделать это: как раз в то время волжскому татарскому царству грозила трудная война с другими татарскими царствами — в Персии и на Кавказе. Поэтому Батый страшился новым военным вторжением ожесточить русский народ. Он отказался до поры до времени послать карательное войско против князя Андрея.

— Пусть свершится эта свадьба! — сказал старый хан.— Но мы будем бдительны.

Тогда коварный и злобный Берке тайно снарядил во Владимир своего племянника хана Чагана во главе большого отряда. Он приказал Чагану всячески выслеживать проступки и провинности князя Андрея против татар.

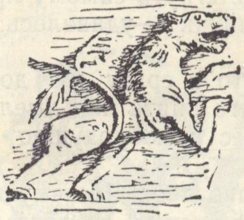
Ночью в глубокой тайне старый Берке принял в своей кибитке Чагана. Они сидели, поджав по-татарски ноги, на ковровых подушках, пожирая бараний плов и запивая его кумысом. Берке давал племяннику наставления, а Чаган, как младший, только кивал головою да изредка произносил по-татарски «да».

— Ты будешь зорко следить за этим князем Андреем,— наказывал Чагану старый Берке.— Андрей-князь ненавидит силу нашу и имя наше. Александр-князь тоже ненавидит. Но этот мудр. Он ступает неслышно, как барс! Андрей же шумлив и заносчив. Расставь для него силки, и он сам ворвётся в них. Сделай так, чтобы он оскорбил имя царёво или осквернил то, что священно в народе нашем.

Вдруг какая-то ехидная, коварная мысль пришла в голову хану Берке. Он злорадно прищёлкнул языком и многозначительно показал рукою на деревянную чашу с кумысом.

Царевич Чаган понял своего дядю не вдруг. Тогда старый хан приказал ему придвинуться ещё ближе и наклонить ухо. И хотя в шатре и так не было никого из посторонних, да и подслушать их никто не мог: шатёр бдительно охранялся,— тем не менее старый Берке перешёл на шёпот.

Чаган понял. Он кивнул головой, и наглое лицо его расплылось в злой усмешке.

Глава пятая

Свадебный пир Андрея Ярославича и Дубравки гремел в старинном белокаменном дворце, созданном ещё при дедах Невского дивными владимирскими зодчими, каменотёсами, резчиками и живописцами.

Чуден был этот дворец извне!

Недаром же «умельцами» звал в древности русский народ своих архитекторов и художников! И впрямь: всё умели они. С гордостью говорит о них летописец: «И не искали мастеров от немцев, но свои пришли делатели и камнездатели. И одни умели лить олово и медь, другие — крыть кровлю и белить известью стены, и дивному каменному резанию и рыхлению...» Были среди них и живописцы.

Выстроен был дворец из больших плит и брусьев, ослепительно белых, тёсаных. Снаружи стены были покрыты чудной резьбой; издали эта каменная резьба казалась кружевом.

Два обширных крыльца несли свои золотые островерхие крыши на бочковатых, толстых столбах-балясинах из того же белого камня.

Там и сям виднелись каменные изваяния диковинных, сказочных зверей.

Но чудеснее всего в этом каменном здании было то, что оно казалось не из камня, а как бы из дерева, но только особого, небывалого, как снег, белого.

Это был дворец-терем.

Русская красавица-изба с её резными из дерева полотенцами, серьгами, подвесками и боярские бревенчатые хоромы с их балясинами, крылечками, коньками, драконами и, наконец, княжий златоверхий терем — всё это воплотилось в белом камне.

...Пир был в разгаре. Некоторые из бояр упились уже так, что тихонько опустились под стол и там похрапывали, укрытые скатертью от всех взоров.

Гриньку Настасьина это и смешило и удивляло. «Вот ведь чудно! — думал он, стоя позади кресла Александра Ярославича с серебряным топориком на плече, как полагалось меченоше. — Ведь уж старые, седые, а напились-то как!»

Однако он и бровью не повёл и стоял чинно и строго, как его учил старый княжеский дворецкий. Гринька исполнен был гордости. Как же! Сам Невский сказал ему: «Ну, Настасьин, будь моим телохранителем, охраняй меня: времена ныне опасные!»

Издали Гринька напоминал сахарное изваяние: он весь был белый. На голове его высилась горностаевая шапка, похожая по очертаниям на опрокинутое белое и узкое ведёрко. Кафтан со стоячим воротом тоже был из белого бархата.

И за креслом Андрея Ярославича тоже стоял свой мальчик-меченоша. Но разве сравнить его с Гринькой!

Для Настасьина всё было внове, всё его поражало: и яркое убранство палат, и настольная богатая утварь, и шёлковые, унизанные золотом и драгоценными каменьями одеяния князей и княгинь, бояр и боярынь. Свет многочисленных свешников — бронзовых и серебряных — был ослепителен.

Изображения людей и зверей, писанные прямо на стене, зеркальный камень, резная мамонтовая кость, различные цветные выкладки дивно украшали пиршественную палату.

Однако своды и стены обширной палаты были невысоки. Александр, тот при его огромном росте мог бы легко достать рукою до расписного потолка. Невелики были и окна палаты со свинцовыми перегородчатыми рамами, похожими на соты.

Столы огромного чертога были расставлены в виде буквы «П». Во главе стола сидел сам князь-жених на открытом, без балдахина престоле из чёрного дерева, с прокладкою из золотых пластин и моржёвых клыков.

Рядом с женихом, слева, на таком же престоле, только поменьше, сидела молодая княгиня Дубравка.

Самое почётное место — рядом с женихом — занимал Невский.

До сотни достигало количество яств, подаваемых на пиру. Необозрим и неисчерпаем был питейный княжеский поставец...

Обеду положили начало закусками: икрой, стерлядью, осетрами. Затем поданы были горячие щи. А дальше пошли жаркие: и говядина, и баранина, и гусь, и индейки, и тетерев, и рябчик. Подавали и жареных лебедей. Исполинские птицы испечены были так, что как бы неповреждённой оставалась вся белизна и красота оперения. По двое слуг несли каждую птицу на золочёном поддоне...

...Пир шёл заполночь. Уж стали подавать груши, виноград и всевозможные усладеньки и заедки: груды пряников, винных ягод, изюму, коринки, фиников, лущёных грецких орехов, миндальных ядер и, наконец, арбузные и дынные полосы, сваренные в меду.

На хорах почти непрерывно гремела музыка, пели на разные голоса серебряные и медные трубы, свиристели малые, одним человеком надуваемые через мехи серебряные органы, бряцали арфисты и гусляры.

Словом, всё шло, как издревле полагалось на княжеских свадьбах.

Вдруг от внешнего входа, из сеней, послышались глухие голоса большой ссоры, шум борьбы, топот и, наконец, жалобный вскрик. Затем, покрывая шум, донёсся гортанный, с провизгом, голос, кричавший что-то на чужом языке.

Бороды бояр так и позастывали над столами.

Невский вслушался. Затем глянул на брата и в гневном недоумении развёл руками.

— Татарин кричит! — проговорил он. Гриньке было с его места видно, как выпрямилась и застыла княгиня Дубравка. У неё даже губы стали белыми, как мел...

В свадебные чертоги стремительно ворвался в сопровождении вооружённой охраны молодой татарский вельможа. Он вошёл быстро и властно, как в свою собственную кибитку. В наступившей внезапно тишине слышен был свистящий шелест его цветного шёлкового халата. Татарин был высокого роста, с надменным смуглым лицом, на котором справа белел рубец от вражеской сабли. Высокомерно и с вызовом остановился он прямо перед главным столом, перед князем Андреем и Дубравкой.

— Здравствуй! — по-татарски произнёс он, с озорной наглостью обращаясь к Андрею Ярославичу.

Меховые уши треухой шапки татарина были полуспущены и торчали в стороны, слегка покачиваясь, словно чёрные крылья летучей мыши.

Александр и Андрей — оба сразу же узнали его: это был татарский царевич Чаган, богатырь и военачальник, прославленный в битвах, но злейший враг русских, так же как дядя его хан Берке.

«Ну, видно, не с добром послан!» — подумалось Невскому. И, ничем не обнаруживая своей суровой настороженности, Александр приготовился ко всему.

Всеобщее молчание было первым ответом татарину.

Гринька Настасьин кипел гневом. «Вот погоди! — в мыслях грозился он Чагану.— Как сейчас подымется Александр Ярославич да как полыснёт тебя мечом,— так и раскроит до седла!»

Правда, никакого седла не было, Гринька знал это, но так уж всегда говорилось в народе про Александра Ярославича: «Бил без промаха до седла!» «А может быть, он мне велит, Александр Ярославич, обнажить меч? Ну, тогда держись, татарская морда!..» — подумал Гринька и стиснул длинную рукоять своего серебряного топорика, готовясь ринуться на Чагана.

А тот, немного подождав ответа, продолжал с ещё более наглым видом:

— Кто я, о том вы знаете. У нас, у татар, так повелено законом Ясы́: когда проезжаешь мимо и видишь, едят, то и ты слезай с коня и, не спрашивая, садись и ешь. И да будет тому худо, кто вздумает прогнать тебя от котла!

И тут вдруг, к изумлению и обиде Настасьина, не Александр Ярославич выступил с гневной отповедью татарину, а Андрей. Он порывисто встал со своего трона и с налитыми кровью глазами, задыхаясь от гнева, крикнул Чагану:

— А у нас... у народа русского... с тех пор, как вы, поганые, стали на нашей земле, такое слово живёт: «Незваный гость хуже татарина!..»

Рука Андрея сжалась в кулак. Ещё мгновение, и князь ринулся бы на Чагана. Тот видел это. Этого ему и нужно было, за этим татарский хан и ворвался так нагло! Его тайный расчёт был очень прост: если русские оскорбят его в ответ на наглое вторжение, то в его лице они подвергнут оскорблению и самого Батыя и даже великого хана Менгу, который там, в Монголии; русские прекрасно знают, что Чаган — родич не только Батыя и Берке, но и самого великого хана. И если оскорбят его, Чагана, он будет прав перед глазами Батыя, когда прикажет своим телохранителям пролить кровь русских. Тогда ему всё позволено. Он поступит с ними так, как при взятии мятежного города. Тогда и эту юную и прекрасную княгиню он прикажет пленницей, рабыней доставить в свою кибитку!..

И Чаган продолжал стоять посреди пиршественного чертога, озирая надменно и бесстыдно всех, кто сидел за столами.

В распахнутую дверь следом за своим предводителем уже вломилась целая толпа его вооружённых телохранителей. Это был всё могучий и рослый народ со свирепыми лицами. Оружием их были луки и сабли. Из колчанов торчали оперения страшных татарских стрел; стрелы были огромны — на двести шагов они насквозь пробивали панцыри!..

И телохранители Чагана ждали только знака своего повелителя, чтобы обнажить сабли и ринуться на русских...

Когда Андрей Ярославич огибал кресло Невского, двигаясь на Чагана, Невский незаметно для других могучей рукой стиснул запястье опущенной руки брата. Это был тайный приказ старшего: утихни, дескать, остановись. И князь Андрей подчинился. Всё ещё с багровым от гнева лицом, тяжело дыша, он всё же возвратился на своё место.

А тогда спокойно и величественно поднялся сам Невский.

Благозвучным голосом, заполнившим всю палату, он на татарском языке обратился к Чагану:

Тогда спокойно и величественно поднялся сам Невский.

— Я вижу,— сказал Александр,— что ты далёк, царевич, от пути мягкости и скромности. И я о том сожалею... Лучше проложи путь дружбы и согласия!.. В тебе мы чтим имя царёво, и кровь, и кость царскую... Но и тебя самого мы знаем: ты сказал справедливо! Ты — Чаган. У нас, у русского народа, также есть мудрые изречения. Одно из них гласит: «Годами молод, зато ранами стар!» Это я прилагаю к тебе.

При этих словах Невский величественным движением руки указал на белевший на щеке Чагана рубец от сабли.

И сразу преобразилось лицо юного монгола. Уже и следа не было в нём от той оскорбительной наглости, с которой он только что глядел на Дубравку, и того вызывающего высокомерия, с которым он озирал всех.

Ропот одобрения словам Александра донёсся из толпы телохранителей Чагана.

А Невский, после мгновенного молчания, закончил слово своё так:

— У нас тоже не в обычаях народа отлучить от котла даже случайно забредшего путника. А ты на свадебный пир пожаловал. Так войди же в застолье наше и прими от нас вот эту чашу дружбы и почёта!..

Александр поднял серебряный, полный до краёв кубок, отпил от него по обычаю сам и протянул ордынскому царевичу. Затем он сошёл со своего места, дабы уступить его незваному гостю.

Чаган, как видно, сильно взволнованный словами и поступком Невского, склонился перед ним в поясном поклоне, приложа руки к груди.

Потом он снова выпрямился, обвёл взором весь пиршественный чертог и ответил Невскому на своём языке, придавая своей речи торжественность и высокопарность. Так полагалось по ордынским обычаям беседовать знатным.

— Русские — это народ великий, многочисленный. А ты, Искандер (так называли Александра татары), и среди такого народа выделяешься изо всех! И нашему народу известно прозвание твоё: «Тот, кто на Неве победил». Имя твоё среди четырёх морей уважается. И недаром Батый — да будет имя его благословенно! — держит тебя возле сердца своего!..

В этот миг княгиня Дубравка решительно и гордо поднялась со своего трона и покинула свадебное застолье. Тётка её княгиня Олёна последовала за ней.

Татарин заметил уход Дубравки и понял, что этим юная княгиня выразила свой гнев и своё отвращение к нему, к Чагану. У него злобно сощурились глаза. Но, хитрый и вероломный, он тотчас же подавил свою ярость.

Однако он с досадою понял, что Невский перехитрил его. Теперь Чаган был гостем, принявшим приглашение за стол, и уж не мог учинить кровопролитие: этим бы он осрамил честь своего рода!

Невский был тоже разгневан самовольным уходом Дубравки. Но совсем другая причина была для этого гнева. Александр знал, что свадьба Андрея и Дубравки вызвала раздражение в Орде! Он знал, что если Батый не ответил на сближение двух русских княжеств немедленным карательным походом на Владимир, то лишь потому, что силы его в этот год были связаны борьбой с ханом персидской орды — Хулагу.

Однако Александр Ярославич не сомневался, что Чаган послан с дурной целью. Если бы сейчас вот ему, Александру, не удалось потушить ссору и пролилась бы кровь, то, быть может, отряды хана Неврюя, кочевавшие поблизости, уже назавтра громили бы Владимировщину... Уход Дубравки с пира, несомненно, озлобил и оскорбил Чагана. «Девчонка, строптивица!..— думал в негодовании Невский.— Да если бы ты знала, сколько безвинных жизней может загубить этот дьявол, только бы дать ему причину! Знала бы ты, какая сатанинская сила повинуется одному слову этого кумысника!.. Нет, сколько разумения моего хватит, не дам я им снова реки русской крови пролить! А с тобою, великая княгиня Владимирская, я потолкую ещё...»

Такие мысли пронеслись в голове Александра. Но внешне он был попрежнему спокоен и обходился с Чаганом, как гостеприимный хозяин.

Хитрый татарин, оскалив в улыбке зубы, осведомился у Александра, куда исчезла молодая княгиня и не напугалась ли она его прихода. В ответ Александр заверил его, что княгиня Аглая Дубравка слабого здоровья; к тому же она только недавно совершила тяжкий и длинный путь — от Карпат до Клязьмы. А сейчас она почувствовала-де крайнюю усталость, и поэтому та, что ей вместо матери, и увела её отдыхать.

Чаган показал вид, что поверил Невскому. А про себя подумал:

«Нет, правильно говорит Берке, что Батый — старая баба. Он одряхлел и покинул путь войны, путь, завещанный ему великим дедом. Яса́ говорит, что врага лучше всего дорезать. Этот русский князь обошёл Батыя, околдовал! С таким, как Искандер,— подумал он, искоса глянув на Невского,— разве с мягкостью надо обходиться? Это барс, но со всей хитростью лисицы...»

Но вслух Чаган сказал, вежливо улыбаясь и нагнувшись к самому уху Александра:

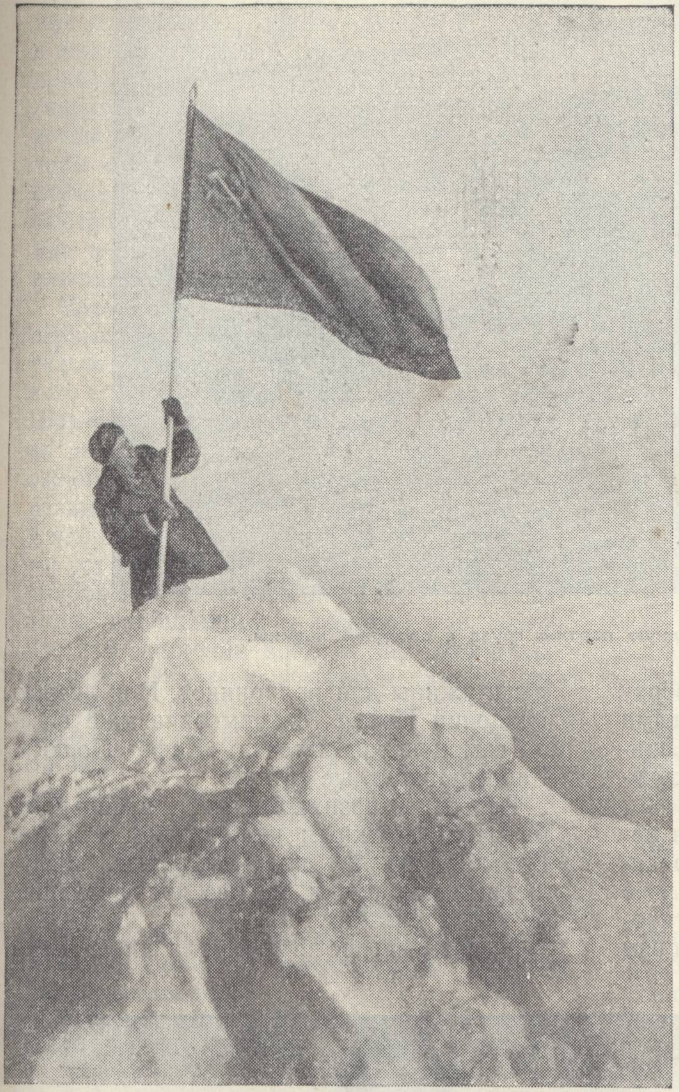
— А ты прикажи ей, Дубравке-хатун, супруге князя Владимирского, чтобы она пила кумыс; от кумыса она станет здоровой и цветущей. Кумыс — это напиток богов!

Невский в знак благодарности наклонил голову. Андрей последовал его примеру.

Внезапно ордынский царевич поднялся со своего места и торопливо обернулся к удивлённому Александру.

— Прости, Искандер-князь,— сказал он,— я должен уйти. Не обижайся. Прошу тебя, передай Дубравке-хатун, что мы весьма сожалели, что не смогли дождаться восхождения луны лица её над этой палатою, где стало так темно без неё. Скажи ей, что я буду присылать для неё лучший кумыс от кобылиц своих. Прощай!

(Продолжение в следующем номере).

Герой Советского Союза Иван Иванович Черевичный водружает советское знамя на полюсе.

НА ДРЕЙФУЮЩИХ ЛЬДАХ ОКЕАНА

П. Барашев **Фото автора.**

Посмотрите на карту Арктики. Там, где сходятся в тесный пучок все меридианы, лежит точка, через которую проходит воображаемая ось вращения нашей планеты. Эта точка называется Северным полюсом.

Туда, к полюсу, люди с давних времён устремляли свои пытливые взоры. Десятки отрядов смелых путешественников пытались проникнуть в суровый Арктический край, в страну вечных льдов. Но им так и не удалось достигнуть цели.

Первыми завоевали полюс и водрузили на нём знамя своей Отчизны советские люди. В мае 1937 года на полюсе приземлился небольшой отряд отважных исследователей Арктики. Так начала работать дрейфующая станция «Северный полюс-1».

Советские полярники не раз совершали смелые экспедиции в центр Полярного бассейна. В 1950—1951 годах во льдах Центральной Арктики больше года действовала научная станция «Северный полюс-2». Участники экспедиции изучали законы движения льдов, вели наблюдения за погодой.

Под толщей океанских вод гидрологи обнаружили гигантский подводный хребет, разделивший Ледовитый океан на две глубоководные впадины. Этот хребет назвали именем первого русского учёного, занимавшегося изучением Севера,— Ломоносова.

Геофизики изучали особенности магнитных склонений северного полушария. Сложные навигационные приборы требуют очень точного учёта магнитных склонений в каждом месте земли, а особенно на севере. Иначе трудно было бы водить и корабли и самолёты.

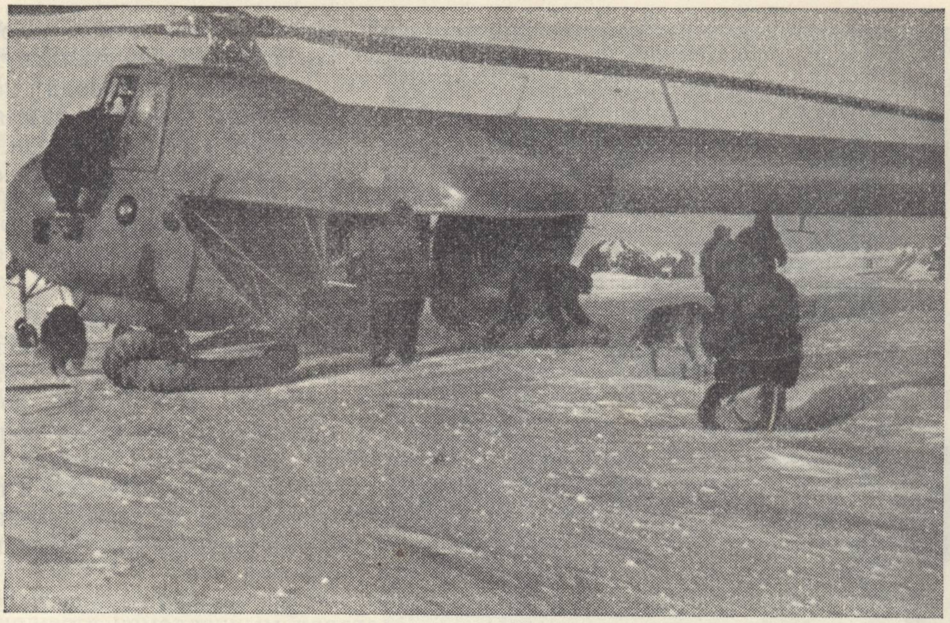
И вот весною этого года на льдах Арктики были организованы ещё две постоянно действующие дрейфующие станции: «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4».

Мне довелось принять участие в организации станции «Северный полюс-3».

...Транспортный самолёт, за штурвалом которого сидел один из опытнейших лётчиков, Герой Советского Союза Илья Спиридонович Котов, несколько часов подряд летел и летел над белым, безжизненным простором Ледовитого океана. Когда уже казалось, что льдам и нагромождениям торосов не будет ни конца, ни края, кто-то из членов экипажа сообщил притомившимся от долгого полёта пассажирам:

— Лагерь под нами!

Внизу на белом поле льда чернело не-

Вертолёт привёз очередную партию груза с соседней льдины.

сколько куполообразных палаток. Сверху они выглядели одинокими, затерянными среди безбрежных ледяных полей и причудливых нагромождений торосов, сверкающих на ярком солнце.

Мы прилетели в лагерь всего через несколько дней после того, как там появилась первая палатка радистов, но уже застали на льдине целый городок. В просторном камбузе у газовых плит орудовал высокий и широкоплечий кок Иван Максимович Шариков. По профессии Иван Максимович — метеоролог, опытный полярник, но когда он узнал, что собирают экспедицию, должность метеоролога была уже занята. Свободной оставалась лишь должность кока. Не раздумывая, Иван Максимович согласился стать поваром. Со своей работой справлялся он превосходно. Иван Максимович то и дело выходил из палатки, нарезал лопаткой крепкие плиты снега и приносил их в камбуз. Тут он их растапливал и готовил завтраки, обеды и ужины для полярников. Над дверью владений Ивана Максимовича уже висела самодельная вывеска: «Кафе «Полюс». Работает круглые сутки».

Вскоре я познакомился с небольшим, но очень дружным коллективом «СП-3». Большинство из них — бывалые, заслуженные полярники, не раз дрейфовавшие во льдах океана.

Жизнь в лагере не замирала ни на один

Начальник станции «Северный полюс-3» Герой Социалистического Труда Алексей Фёдорович Трёшников обходит свои владения.

час. День и ночь прилетали самолёты. Из них выгружали газовые плиты и баллоны с жидким газом, многочисленные научные приборы для наблюдений, лебёдки для гидрологов, разборные домики и паровые котлы для их отопления, гусеничные тракторы «КД-35» и автомобили «ГАЗ-69». В случае, если разойдётся лёд, эти машины быстро перевезут всё ценное оборудование и жилые домики на более крепкую площадку.

Сразу же, как только были разбиты первые палатки, учёные приступили к научным наблюдениям. Гидрологи под руководством Владимира Александровича Шамонтьева пробурили несколько лунок во льду и принялись измерять глубину океана под лагерем, температуру воды на разных глубинах и её химический состав. Аэрологи дважды в сутки выпускали в воздух радиозонды. Поднимаясь вверх, приборы этих зондов посылали радиосигналы, сообщавшие о температуре, влажности и давлении воздуха на различных высотах. Это ценные данные для тех, кто составляет прогнозы погоды не только для Заполярья, но и для всей нашей страны. За время дрейфа аэрологи выпустят более тысячи таких радиозондов. Чтобы не перевозить на самолётах газ, нужный для наполнения зондов, учёные построили на льду походный газовый завод.

В лагере отважных полярников есть собаки Блудный и Мамай, которые охраняют станцию от непрошенных визитов белых медведей.

Блудный и Мамай быстро сдружились с полярниками, особенно с Иваном Максимовичем Шариковым, который никогда не забывает припасти для своих четвероногих друзей лакомый кусочек. Собаки долго не могли привыкнуть к необычной жизни. Очень тосковал по далёкой земле лохматый Мамай. Он с радостным визгом мчался навстречу самолётам, прилетавшим в лагерь, прыгал на лесенку и устремлялся внутрь машины. Однажды он даже едва не улетел на материк: в последний момент его обнаружил притаившимся за ящиком бортмеханик, проверявший машину. Под дружный смех полярников Мамай с позором был изгнан из самолёта.

Но постепенно собаки свыклись с новой обстановкой.

Пёс Мамай несколько раз пытался удрать со льдины.

Гидрологи станции готовят гидрологическую лунку.

Кинооператор Евгений Петрович Яцун сегодня дежурит по лагерю.

Дрейфующий лагерь с каждым днём становился всё более обжитым. На льдине вырастали всё новые палатки, прибывали новые хозяева.

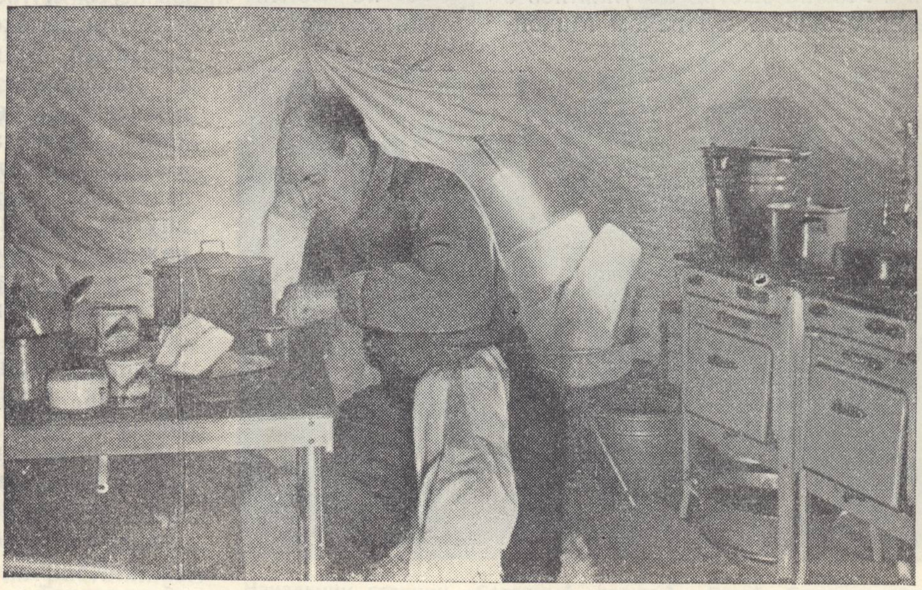
День и ночь кипит жизнь во льдах Арктики.

...Далеко от берегов земли, среди дрейфующих льдов трудятся советские люди. Они не чувствуют себя оторванными от земли: к ним регулярно прилетают самолёты, привозят продукты питания, свежие овощи и фрукты. Из Москвы с ними постоянно держат радиосвязь, передают все новости Большой земли.

А полярники сообщают в Москву результаты новых наблюдений в Ледовитом океане, сообщают о погоде, о дрейфе льдов в Центральном Арктическом бассейне.

Минуло короткое полярное лето. За это время дрейфующие станции советских учёных прошли вместе со льдами сотни километров. Не раз льдины ломало, заливало талыми водами. Станция «Северный полюс-3» значительно продвинулась к самому Северному полюсу и недавно, как говорят полярники, «разменяла» последнюю, 89-ю параллель.

Над Арктикой опускается долгая полярная ночь, с её стужами, снегопадами и свирепыми бурями. Но полярники продолжают своё дело, несмотря на все трудности. Изучение капризной арктической природы продолжается.

Повар Иван Максимович Шариков в своём камбузе.

С ПЕРВОГО ДНЯ

Первая перемена. Ожили школьные коридоры.

Бывают школы, где после начала учебного года долго не идут на лад пионерские и школьные дела, где отрядные вожатые и члены совета дружины ходят и раздумывают: «С чего бы начать работу? Какой составить план да какие в него записать пункты?»

Ходят ребята и вздыхают об ушедшем лете, забывая, что от них самих зависит сделать школьную жизнь весёлой, кипучей, интересной.

Здесь вы прочитаете о школе, в которой с первого дня занятий жизнь кипит, как в трудовом улье. Это средняя школа № 18 города Павловский Посад.

В этой школе споро и весело идут дела, потому что все ученики, мальчики и девочки, дружат между собою. Они вместе учатся, вместе работают и отдыхают.

Ребята приходят в школу и сразу же попадают в водоворот интересных дел. И всюду, на каждом шагу видны следы умелых, деятельных ребячьих рук.

Школа утопает в цветах. По всем этажам разносится звонкий голос пионерского диктора школьного радиоузла. Из мастерских десятками, сотнями выходят физические приборы, простые и сложные действующие модели, наглядные пособия по механике, электричеству, оптике. Добрая половина всех мальчиков и девочек школы с увлечением строит эти модели.

Пионеры дружат с малышами из соседнего детского сада. Ребята всегда готовы придти на помощь малышам. Надо починить забор, сломанный стульчик или игрушку — умелые мастера тут как тут.

Идут горячие, азартные бои у волейбольной сетки и на баскетбольной площадке. На стенах классов уже появились насмешливые и занозистые «Ёжики», «Иголки», «Колючки» — отрядные стенгазеты, которые не дают спуску ни лентяям, ни озорникам.

Из школьного сада, с юннатских грядок несут ребята в школу корзины румяных яблок, пылающих помидор и огромные золотистые тыквы.

С первого дня видно, что ребята готовились к началу занятий, ждали их, как праздника.

И даже самые маленькие ребята, едва переступив порог школы, чувствуют, что они вошли в дружный, крепкий коллектив. У новичков дружба со школой началась задолго до первого сентября.

Ещё в июле учитель физкультуры повёл будущих школьников вместе со второклассниками в поход. Правда, поход этот был такой же маленький, как они сами. Но для них и игрушечные рюкзаки, и переправа через мелководную Клязьму, и подъём на Лысую гору,— в сущности, невысокий песчаный пригорок — всё казалось цепью необычайных и романтических приключений. И, может быть, в этот день у них впервые зародилась мечта о больших походах, в которые они обязательно пойдут, когда станут постарше.

А теперь предоставляем слово ученикам 18-й школы. Пусть они сами расскажут хотя бы о некоторых своих делах.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ШКОЛЕ

У нас в школе издавна существует такой обычай. В первый день занятий кто-нибудь из десятиклассников ведёт малышей-новичков по всем этажам школьного здания, показывая им самое интересное, что у нас есть. Нам хочется, чтобы малыши с первого дня полюбили школу, гордились её славой, знали её историю, чтобы им сразу захотелось ценить и беречь то, что сделано до них другими ребятами, и чтобы сами они умножали хорошие школьные дела. Мы ведём первоклассников по нарядной, украшенной цветами лестнице и показываем им галерею портретов. Это портреты ребят, окончивших нашу школу с золотой и серебряной медалями, в нашей школе их знает каждый ученик. Мы рассказываем, кем они стали сейчас. А сейчас уже многие из них—хорошие инженеры, рабочие, врачи, лётчики, агрономы. Некоторых, чьи портреты висят здесь, ребята встретят в школьных коридорах. Это те, которые, окончив институты, вернулись в родную школу и стали учителями.

Мы ведём малышей в кабинеты физики, химии, биологии, где им предстоит учиться, когда они станут постарше, показываем им наш школьный музей, собранный руками многих поколений ребят в путешествиях и походах.

Мы ведём их в школьный сад, где ветви клонятся под грузом плодов, и рассказываем о том, как сажали эти яблони и сливы школьники перед войной и как выхаживали их, помороженных, объеденных козами, после войны другие ребята, и мы в том числе.

Мы поднимаемся с ними на второй этаж, где на стенах висят дипломы и грамоты, присуждённые спортсменам и туристам. Пусть малыши с первого дня мечтают о том времени, когда и они, сильные и ловкие, будут отстаивать спортивную честь школы.

Мы ведём малышей и думаем о том, что вот мы уйдём из школы, а они останутся вместо нас, и школа будет всё такой же: нашей замечательной, родной школой.

Валерий Бибиков,
ученик 10-го класса «В».

НАША МАСТЕРСКАЯ

Каждый год с самых первых дней занятий у нас в школе начинают работать мастерские, в которых ребята делают приборы и наглядные пособия.

Когда я была в шестом классе, я делала приборы по физике. А для этого я вместе с другими ребятами научилась паять, работать молотком, напильником. Это было очень интересно. Но ещё интереснее оказалось работать в химическом кружке. Это началось уже в седьмом классе, когда у нас прибавился новый предмет—химия. Она мне сразу очень понравилась. Особенно когда мы на уроках делали опыты.

В химическом кружке у нас было десять человек. На первом занятии кружка мы составили план нашей работы, на втором учились резать и сгибать стеклянные трубки. Резали мы трубки напильником. Сделав лёгкий надрез, ломали руками. Чтобы сгладить острые края, приходилось их оплав-

лять, опуская конец трубки в пламя спиртовки.

Потом мы научились гнуть трубку. Это дело требует терпения и осторожности. Сколько мы трубок переломали, пока наловчились, не сосчитать!

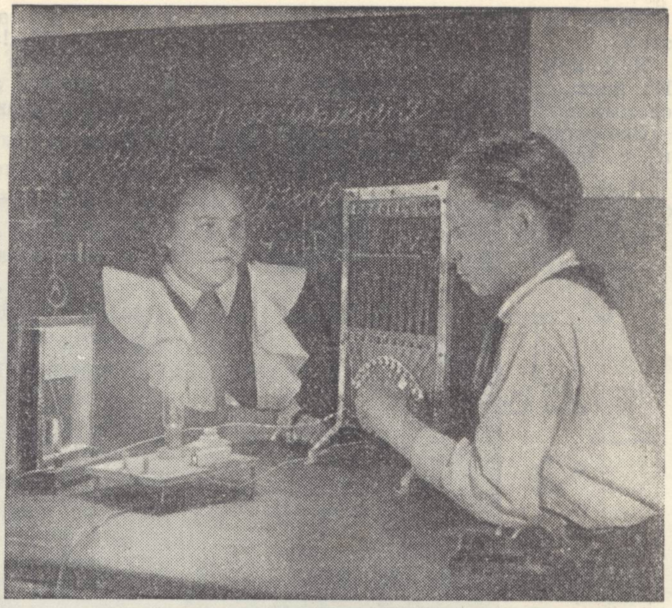
На третьем занятии учились оттягивать трубки, сверлить пробки.

Когда мы приобрели все эти навыки, стали делать приборы. Первым мы сделали прибор для получения водорода. Он простой: пробирка, закрытая пробкой, а в пробку вставлена отводная трубка.

На следующих занятиях конструкции наших приборов усложнялись. Мы уже делали приборы для электролиза воды и для сухой перегонки дерева.

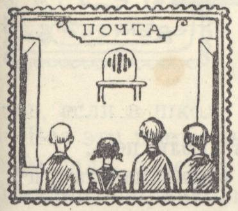
Готовые приборы мы испытывали, и было очень приятно видеть, что они действуют. Все сделанные нами приборы мы отдали в химический кабинет. На экзаменах ими пользовались даже десятиклассники.

Алла Менчинская,
ученица 8-го класса «А».

На уроке физики. Опыты по электричеству.

В ШКОЛЬНОМ ЭФИРЕ

«Внимание! Внимание!.. Говорит школьный радиоузел. Дорогие ребята, поздравляем вас с началом нового учебного года!» Эти слова звучат одновременно на всех четырёх этажах школы, в коридорах, в зале, в библиотеке, во всех нарядно убранных классах.

В первый день занятий по радио выступали учителя, пионервожатая, ребята. Ребята рассказывали о том, как они провели летние каникулы, как жили в лагерях. Туристы рассказывали о своих ближних и дальних походах; краеведы — о находках и открытиях, которые они сделали, путешествуя по родному краю; юннаты — о том, что вырастили за лето на школьном участке и в саду. Не прошло и часа, а в каждом классе ребята уже знали все школьные новости.

Два года назад с помощью инженера, бывшего ученика нашей школы, ребята построили радиопередатчик, сделали проводку, во всех коридорах и в каждом классе поставили репродукторы. Сначала мы передавали на переменах музыку, беседы, разные объявления. Постоянных передач у нас не было. И вот в прошлом году совет дружины решил организовать радиогазету и каждый понедельник рассказывать обо всех интересных школьных делах.

В седьмом «Е» прошёл интересный сбор «О твоей маме». Радиогазета рассказала об этом. Как-то в воскресенье шестой «Б» устроил хорошую лыжную прогулку за город. На другой день и об этом узнала вся школа, и в следующее воскресенье уже не один шестой «Б», а несколько отрядов, словно сговорившись, отправились, каждый по своему маршруту, на лыжах в лес.

Особенно полюбили ребята радиопередачи «Письма друзей». Друзей у нашей школы много. К нам приходят письма с Украины, из Армении, из Сибири, из стран народной демократии. Ребята пишут о своей школьной жизни, о своём родном городе, республике. Очень интересное письмо прислали нам школьники из Верхоянска. Мы словно побывали в далёких краях. Вот что было в письме:

«Город Верхоянск очень старинный, стариннее Ленинграда на двадцать лет. Он со всех сторон окружён горами и лесом. Недалеко протекает река Яна, по которой ходят пароходы и сплавляется лес.

Верхоянск известен вам своими морозами. Зимой у нас мороз достигает 60°.

Когда-то царское правительство ссылало сюда на вечное поселение революционеров. Здесь были в ссылке Бабушкин, Лядов, Ногин и другие. Сейчас им в нашем городе поставлен памятник.

Теперь Верхоянск стал промышленным городом, у нас есть заводы и фабрики, 14 укрупнённых колхозов. Верхоянская порода лошадей славится своей выносливостью. Зима у нас очень длинная, с октября до апреля. Целый месяц длится полярная ночь. Бывает и северное сияние.

Лето у нас очень короткое, но такое же тёплое, как и у вас. И всё же летом иногда выпадает снег, хотя он скоро растаивает. А на Верхоянском хребте снег не тает и летом.

В тайге много зверей: олени, волки, песцы, горностаи, белки...»

Разве не интересно было узнать обо всём этом?

У нашей радиогазеты сотни глаз и ушей. Из всех классов к нам приходят ребята со своими новостями.

Все ребята полюбили наше школьное радио и с нетерпением ждут, когда прозвучат слова: «Внимание! Говорит школьный радиоузел!» В этом году радиогазета продолжает свои передачи. Мало того, теперь мы ещё будем устраивать на переменах концерты по заявкам ребят.

Валя Седова,
член совета дружины.

«Внимание! Говорит школьный радиоузел...»

НАШ ХОР

Я занимаюсь в хоровом кружке уже давно и очень люблю петь.

В прошлом году наш кружок начал заниматься с самого начала учебного года, раньше всех других кружков.

На первом занятии мы просто «распевались» — пели старые, всем знакомые песни. Потом поговорили о том, какую программу мы будем готовить к Октябрьским праздникам. Решили разучить весёлые спортивные и школьные песни.

Выступает наш хор не только по праздникам. Как-то мы устроили концерт для родителей, потом мы пели на традиционном вечере встречи выпускников нашей школы.

А весной на общегородском смотре всех школьных хоров наш хор занял первое место, и мы получили почётную грамоту.

Элла Моргенштерн,
ученица 9-го класса «Б».

«ИГОЛКА»

В прошлом году у нас в классе дела сначала как-то не клеились. На уроках было шумно, ребята разговаривали, подсказывали, смеялись.

Тогда мы решили выпускать классную стенгазету, которая поддевала бы всех нарушителей дисциплины, неряx, грубиянов, лентяев. Мы хотели, чтобы наша газета была острой, колючей, потому и назвали её «Иголкой».

Написали маленькие заметочки, нарисовали карикатуры. Хороших художников у нас в классе нет. Но мы как могли, так и рисовали. Протянули в газете Зою за то, что она стёрла двойку в тетради. Нарисовали карикатуру на Галю, потому что она, как получит двойку, так рвёт тетрадь,

будто это поможет. А одного мальчика, который часто опаздывал, мы изобразили бегущим со всех ног в школу, да только после звонка.

«Иголка» вышла хорошей. Нашу газету приходили смотреть ребята из всех классов. Те, кого мы протянули в газете, сначала ужасно обиделись. Одна девочка так рассердилась, что даже взяла и разорвала газету. Пришлось с этой девочкой серьёзно поговорить на совете отряда о том, что критику надо уважать. А газету мы склеили и снова повесили.

Только Витя делал вид, что ему нет дела до карикатуры. И всё-таки заметно было, что ему тоже неприятно, когда на переменках ребята из других классов смотрят на него и смеются.

Но, несмотря на обиды, скоро все полюбили «Иголку», потому что она никому не даёт спуску и всех критикует справедливо.

Теперь наш класс куда дружнее и дисциплинированнее, и учиться мы стали лучше.

Мы постараемся, чтобы в этом году газета у нас выходила с первых дней занятий.

Валя Леонова и Валя Костерева,
ученицы 6-го класса «В».

ЦВЕТЫ

Первого сентября мы приходим в нашу школу, а школа вся украшена цветами. На всех окнах коридоров и классов стоят цветы, и даже на лестницах вдоль перил на каждой ступеньке красные, розовые, белые, лиловые астры. Подумайте, сколько же это нужно цветов, если в школе четыре этажа!

Все эти цветы вырастили наши юннаты в школьном саду, а перед началом занятий пересадили в горшки и принесли в школу. Зимой, когда астры отцветут, в школе всё равно много зелени. В коридорах стоят в ряд большие фикусы, целый лес фикусов. Герани, фуксии, кактусы, лимоны стоят и на окнах, и на подставках, и просто на полу.

Вокруг школы у нас разбиты красивые цветники и большой фруктовый сад. Первые яблони в этом саду ещё до войны посадили ребята, которые учились здесь до нас. Потом другие добавляли и добавляли новые деревья. Мы любим свой сад, бережём его и ухаживаем за ним.

Слава Хренков,
ученик 6-го класса «А».

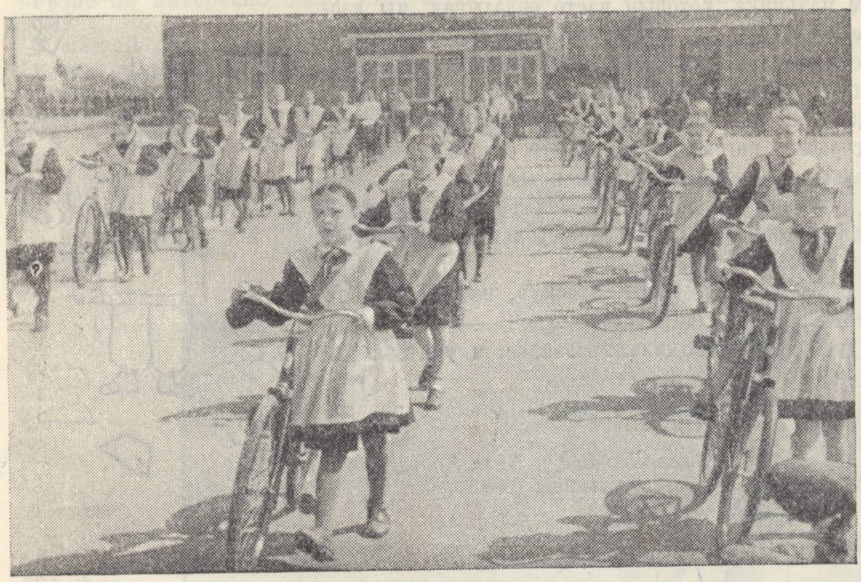

На юннатских делянках созрели томаты.

СПОРТИВНАЯ ОСЕНЬ

В хорошие, солнечные дни сентября после конца уроков первой смены на окраинных улицах нашего города можно увидеть большую группу мальчиков и девочек. То они идут шагом, то бегут бегом, то опять переходят на шаг. По берегу Клязьмы выходят за город. Вереницей друг за другом взбираются с пригорка на пригорок, пересекают овражки и лощины. Это наш пионерский отряд. У нас в отряде все очень любят спорт, а особенно лыжи. Мы начинаем лыжные тренировки не тогда, когда выпадет снег, а с самого начала учебного года, с первых дней сентября. А если нет ясных осенних денёчков и моросит дождь, приходится проводить наши кроссы и под дождиком. Конечно, это неприятно, когда ноги скользят на мокрой земле, а дождевые капли пробираются за воротник. Но ведь от того, как мы тренируемся, зависит результат соревнований.

Вернувшись из летних походов, велосипедисты школы продолжают тренировки до глубокой осени, а весной ровным строем идут в первомайской колонне.

— Внимание! — говорит наш школьный диктор. — Объявляем результат лыжных соревнований. Первое место занял отряд шестого класса «Б».

Это и есть наш отряд. Ох, как мы обрадовались!

На втором этаже в школьном коридоре висят шестьдесят почётных грамот и дипломов, которые получила школа за различные хорошие дела. Среди них тридцать четыре грамоты за личные и командные победы спортсменов школы. У самых старых грамот, которым лет по пять, даже чернила выцвели от солнца. Но в начале коридора висит совсем новенькая грамота. Её получила сборная команда школы, заняв первое место в городских лыжных соревнованиях школьников. В этой команде было много ребят из нашего отряда, в том числе и мы. В этом году наш отряд тоже тренируется с самого начала занятий и не намерен уступать первенства, завоёванного в прошлом году.

Спорту в нашей школе придают большое значение. Тренировку отрядных спортсменов поручают комсомольцам-старшеклассникам... Нашим тренером в прошлом году был ученик восьмого класса Алик Хахалин. Мы очень хорошо готовились: не только кроссы проводили, но и в волейбол и баскетбол играли. Когда настал день соревнований, наш отряд собрался дружно, и настроение у всех было очень весёлое. Мы старались пройти дистанцию как можно лучше, а потом с нетерпением ждали, кто окажется победителем. Приходим в школу и вдруг слышим, что по школьному радио передают последние новости.

Дел по горло и у тех ребят, которые любят другие виды спорта: волейбол, баскетбол, лёгкую атлетику. Ведь сразу с начала учебного года в школе проходит осенняя спартакиада, и все к ней готовятся.

Света Степанова, Ива Калинина,
ученицы 6-го класса «Б».

НА ЛЫСУЮ ГОРУ

Летом в нашей школе была площадка. Этой площадкой руководил учитель Михаил Семёнович Сафронов.

Как-то один раз Михаил Семёнович сказал:

— Мы завтра пойдём на Лысую гору.

Все были рады.

И вот настал этот день. Мы с рюкзаками пошли в поход. Подошли к Клязьме. Михаил Семёнович говорит:

— Как нам быть? Надо переехать на другую сторону. Ну-ка, ребята, посоветуйте, что делать!

Все закричали:

— На лодке! На лодке! Вон лодки стоят!

А там стояло много лодок, а одна была моего папы. Я быстро побежал домой, попросил ключ и вёсла. Мама мне дала. Мы переехали через речку на папиной лодке и пошли дальше, на Лысую гору. Когда пришли, сели и позавтракали. Потом из бумажек от завтрака разожгли костёр. Потом мы затушили его песком, чтоб лес не сгорел. Потом мы катались с Лысой горы по песчаному откосу.

Я бы ещё мог много чего рассказать про это путешествие, да уже устал писать. Вот когда окончу третий класс, тогда напишу подлиннее.

А в походе были ребята ещё младше, которые вовсе писать не умеют, нынче только в первый класс пошли и палочки да крючочки учатся писать. А поход им тоже понравился.

Володя Соколов,
ученик 3-го класса.

Светлана

Н. Артюхова

Рисунки Б. Винокурова.

I

— И почему это все Гали беленькие, а чуть Светлана,— чёрная, как галчонок?

Девочка подняла на капитана огромные, чёрные, без улыбки глаза.

Странная маленькая фигурка. На вид лет десять, не больше. А глаза старше, гораздо старше. Платье слишком короткое: давно из него выросла. Сверху надета женская вязаная кофта с какими-то необычными пуговицами. Она слишком широка и длинна — доходит почти до подола платья. К этой нелепой кофте аккуратно подшит белый отложной воротничок. Крупнокудрявые волосы, как широкая чёрная папаха, над худеньким лицом.

Капитан придвинул к столу табуретку и сел. В избе ни одного целого стекла. За окнами кое-где ещё дымятся кучи пепла и обгорелых брёвен. Фронт уже передвинулся далеко на запад, деревня стала глубоким тылом — деревня или то, что осталось от неё... Около уцелевшего здания школы санитарные машины и сёстры в белых халатах. Пожарище зарастёт, дома отстроятся... Но эти детские глаза без улыбки!

Хозяйка поставила на стол чугун с картошкой и тихо сказала:

— Кушайте, милые! Больше вас угостить нечем.

Морщинистое лицо, бледноголубые, будто вылинявшие от слёз глаза...

— Спасибо, мать,— ответил капитан. — Садись, мы тоже угощать будем. Ну-ка, Федя, чем сегодня богат? Подсаживайся, Ромашов.

Лейтенант с чёрными усиками сел на скамью у окна, молоденький белобрысый ординарец наклонился к вещевому мешку.

На столе появились консервы и сахар, толсто нарезанные хлеб и колбаса.

Капитан сделал приглашающий жест.

Хозяйка сказала:

— Спасибо вам... товарищи!

Она как-то особенно бережно выговорила это слово. Капитан опять повернулся к Феде:

— Сладкого, сладкого дай! Ведь у нас шоколад был... Светлана, где же ты?

Но девочка, покосившись на стол, уже выскользнула из комнаты и стояла за окном, на крыльце, обхватив тоненькой рукой деревянные перила. Федя с запасом провизии в руках вышел вслед за ней и уселся на верхней ступеньке крыльца.

— А ну, садись! — он показал на ступеньку рядом. — Мы, товарищ капитан, здесь поужинаем. На свежем воздухе.

— Стеснительная она,— сказала хозяйка.

Капитан спросил:

— Внучка?

— Нет,— понизив голос, ответила хозяйка,— её мать учительницей у нас... была... А отца ещё в сорок первом году... на фронте.

— У себя оставите?

— Не знаю, как и быть. Сами видите, какая у нас жизнь. Я всё хвораю. Да и учиться ей нужно.

— В детский дом надо устроить.

— Да, конечно.

— Странное дело,— сказал Ромашов,— как будто мы сегодня в тылу и на отдыхе, а Лебедев в медсанбате побывал.

— Какой Лебедев? — удивился капитан. — Наш Костя? Так ведь он в штаб пошёл за документами.

Молодой белокурый офицер со свежей повязкой на руке шёл, чуть заметно прихрамывая, через улицу от дверей школы. Федя вскочил со ступеньки крыльца.

— Товарищ младший лейтенант! Что это с вами?

Костя Лебедев вошёл в избу, смущённо улыбаясь.

— Что у тебя с рукой? — спросил капитан.

— Пустяки, товарищ капитан. Возвращался из штаба... Там два домика в лесу стоят, на отлёте. И вдруг бегут девушки: «Товарищ военный! У нас в погребе гитлеровцы!» Позвал ребят, взяли автоматы, кричим: «Хэнде хох!». Двое вышли, руки подняли, а третий, эсэсовец, гранату бросил.

— Сильно задело?

— Да нет, маленькие осколки...

— Некстати всё-таки перед поездкой. Документы получил?

— Всё в порядке, товарищ капитан.

Он вынул бумаги и положил на стол.

— Вот видишь, — сказал капитан, разглядывая документы, — с сегодняшнего дня ты уже и не в полку. Ты в Москву уехал, нет тебя уже здесь, ясно? Зачем тебя в этот погреб понесло, не могу понять! Без тебя никак не обошлись бы?

Костя опять виновато улыбнулся.

— А с машиной как?

— Утром, в пять часов, заедут за мной.

— Ладно, садись, поешь, отдыхай. Советую выспаться.

Хозяйка негромко сказала:

— У нас в избе тоже эсэсовец жил. Офицер ихний.

— Какой же он был? — спросил Ромашов.

— Ничего. Он как-то даже лучше других. Никаких особенных зверств не делал. Спокойный такой...

Она замолчала, будто вспомнив о чём-то очень страшном. Все смотрели на неё.

— Вот, помню, стоит как-то у крыльца, а на ступеньках Светланка сидела и мальчик соседкин, ещё поменьше. А он на них посмотрел и так спокойно, спокойно... даже как будто с жалостью говорит: «А ведь они не будут жить. Они нам не нужны. Нам ваша земля нужна. А люди нам не нужны...» И пошёл к себе в комендатуру...

Лицо капитана побагровело. Он стукнул по столу сжатым кулаком:

— Врёт! Гадина! Фашист! Будут жить наши дети!

Он резко отодвинул табуретку и заходил по комнате.

— Светлана, пойди сюда!

Быстрым шёпотом он сказал Косте:

— Костя, будь другом, девчурка тут одна, сирота, отца и мать убили. Захвати её с собой в Москву, в детский дом устрой... Сделаешь?

Девочка уже вошла в комнату и остановилась около капитана. Он провёл рукой по её волосам.

— Хочешь в Москву поехать, Светлана, в детский дом? Будешь учиться. Вот этот дядя утром уезжает и тебя отвезёт. Нравится он тебе? Поедешь с ним?

Теперь Светлана повернулась к Косте. Она увидела загорелое, румяное, совсем ещё мальчишеское лицо и приветливые глаза, светлокарие, с тёплыми золотыми искорками.

— Поедешь?

— Поеду.

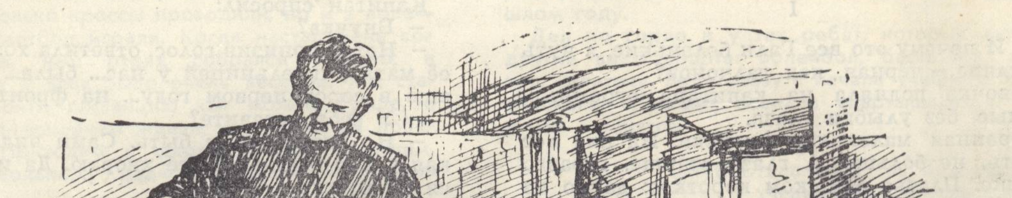
— Ну и прекрасно! Понравился, — значит, всё в порядке.

Капитан вынул трубку и чиркнул зажигалкой.

— Я пойду пройдусь немного. А потом — спать.

Он вышел на улицу. Федя, стоявший у окна снаружи, сочувственно поглядел ему вслед.

— Расстроился наш капитан, — сказал он хозяйке, — у него у самого жена и дочка неизвестно, живы ли, нет ли. Три года ничего о них не знает.

— Хочешь в Москву поехать, Светлана, в детский дом? — спросил капитан. — Вот этот дядя утром уезжает и тебя отвезёт.

— Его дочку Галей зовут, и она блондинка? — полувопросительно сказала девочка.

— А ты откуда знаешь? — удивился Ромашов.

— Так. Мне показалось.

Федя шутливо сказал:

— Ишь ты! «Блондинка»! Слова-то какие употребляет!

Девочка полыхнула на него чёрными глазищами:

— А вы разве этого слова не употребляете?

Федя с добродушным удивлением повторил:

— Ишь ты! Зубастая, как я погляжу! — Потом сказал: — Что же это ты, Светлана? Я только здесь, на крыльце, заметил. Эсэсовца твоего мы прогнали, а пуговицы у тебя на кофточке самые что ни на есть гитлеровские, фашистские!

Светлана молча подошла к комоду, схватила ножницы и с видом сосредоточенной, недетской ненависти одну за другой отрезала все пуговицы.

II

Светлана проснулась ночью. Это было очень приятно — проснуться.

Прежде бывало так: увидишь во сне что-нибудь хорошее, а откроешь глаза — и сразу всё, всё вспомнится!.. И хотелось опять заснуть поскорее. Теперь засыпать не хотелось. На печке было тепло и сухо, не то что в землянке-погребе.

Приятно было слушать дыхание спящих людей, шаги часового за окнами и думать: «Наши!» Это слово привыкли произносить с горячей надеждой, любовью и ожиданием: «Когда наши вернутся», «Наши идут», «Наши близко».

И вот наши здесь, совсем, совсем близко... рядом! Светлана вдруг почувствовала, что в комнате ещё кто-то не спит.

На кровати дышали ровно — там лежал капитан. В углу было тоже спокойно, там — Ромашов, тот, с тёмными усиками, а дальше Федя.

А вот на лавке у окна кто-то вздохнул и перевернулся с боку на бок... чуть слышно скрипнула доска. Не спит Костя, румяный лейтенант, с которым она завтра поедет в Москву.

Опять скрипнуло что-то, потом шаркнули о пол сапоги, значит, он не лежит, а сидит на лавке.

Осторожно, чтобы не разбудить хозяйку, спавшую рядом, Светлана подползла к краю печки.

В избе было темно: все окна заткнули и завесили. Но всё-таки кое-где в щелки пробивался лунный свет.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Светлана увидела, что Костя сидит, согнувшись, обхватив правой, здоровой рукой левую, завязанную, и раскачивается из стороны в сторону, будто баюкает её. Потом что-то чиркнуло, жёлтый огонёк зажигалки осветил на мгновение лицо, нахмуренное, с плотно сжатыми губами. Огонёк погас, осталась только красная точка папиросы, она беспокойно двигалась зигзагами туда и сюда.

В углу шевельнулся Ромашов, прислушался, тихо сказал:

— Ты что не спишь, Костя?

Костя ответил сердитым шёпотом:

— Рука что-то разболелась, будь она неладна!

— Сходил бы в медсанбат.

— Спасибо! Чтобы из-за этой чепухи опять в госпиталь положили! Належался!

— Ещё бы не обидно! — посочувствовал Ромашов. — Ни тебе повоевать, ни тебе маму повидать. Осколки-то все вынули?

— А кто их знает! Кажется, все.

Ромашов скоро заснул, а Косте, видимо, невмоготу стало сидеть на одном месте, он вышел в сени, осторожно прикрыв за собой дверь.

Светлана услышала, как на улице его негромко окликнул часовой.

То удаляясь, то приближаясь к дому, поскрипывали шаги.

Кажется, Светлана всё-таки задремала. Когда она проснулась опять, Костя уже снова сидел на лавке и курил, поджав под себя ноги, прикрывшись шинелью.

Он отодвинул немного одеяло, висевшее на окне, и смотрел в щель, как будто желая определить, скоро ли наконец начнётся рассвет. И всё перекладывал больную руку и так и этак и никак не мог найти удобное положение.

III

Шофёр открыл дверцу кабины.

— Садитесь, товарищ младший лейтенант!

— Нет, нет, — сказал Костя, — я не один еду, с вами девочка сядет, а я в кузов.

На крыльце Светлана прощалась с хозяйкой, обнимая её «в последний раз», и «ещё раз», и «в самый последний». Несмотря на ранний час, были провожающие. Клетчатый узелок с вещами девочки, совсем лёгкий вначале, увеличился почти вдвое: каждый из маленьких светланиных приятелей считал своим долгом сунуть ей что-нибудь «на дорогу» или «на память». Капитан нагнулся и поцеловал девочку в лоб:

— Ну, Светлана, счастливо тебе!

Она серьёзно ответила:

— И вам тоже.

Капитан протянул Косте руку:

— Так имей в виду, Костя, эту неделю мы ещё здесь, а дальше — догоняй!

— Догоню, товарищ капитан! Светлана, садись к шофёру.

Но клетчатый узелок уже полетел в кузов. Светлана подпрыгнула, стала на широкое твёрдое колесо и с ловкостью мальчишки перемахнула через борт.

— В кабину садись, тебе говорят! — уже строго сказал Костя.

— По-вашему, я буду в кабине сидеть, а раненый трястись в кузове?

Девочка преспокойно стала усаживаться поудобнее на сложенном брезенте.

— Ты слезешь или нет?!

— Нет.

Голова Светланы исчезла за бортом. Капитан усмехнулся.

— Я вижу, скучать в дороге ты не будешь, Костя! Федя, дай ей шинель какую-нибудь, ведь её продует, она совсем раздетая.

Костя, стоя на колесе, перешагивал через борт грузовика.

— Раненому всё равно придётся трястись в кузове.

— Зачем же вы-то сюда?

— Буду следить, чтобы тебя ветром на поворотах не выдуло.

Машина затряслась, загрохотала и поехала. У крыльца все махали ей вслед.

Светлана встала, держась руками за борт, и тоже замахала платком.

— А ну сядь! — сказал Костя. — Завернись в шинель хорошенько, благо, что она тяжёлая, придержит тебя хоть чуточку!

Светлана опустилась на коленки, ей хотелось ещё разок посмотреть на деревню отсюда, издали. Но дорога сделала крутой поворот, и теперь за холмом уже ничего не было видно, только изломанные верхушки жёлтых, осенних клёнов. На ветру было холодно, и оба уселись впереди на брезенте, под защитой кабины.

— Так,— сказал Костя,— значит, всякая кнопка рассчитывает, что ей удастся мной командовать?

— Где кнопка? — вызывающе спросила девочка.

— Вот она, кнопка! — Костя легонько щёлкнул Светлану по носу.

Девочка с негодованием отодвинулась от него:

— Не деритесь!

Машину качнуло на ухабе, Костя схватился за больную руку.

— Вот видите,— сказала Светлана,— не послушались меня, растрясёте руку, будет опять, как ночью!

— То есть что это будет, как ночью? — удивился Костя.

— А вот то самое!

— Уж очень ты глазастая!

Они выехали на шоссе. Светлана привстала опять.

— Ты что? — спросил Костя.

— Так. Посмотреть. Отсюда нашу школу видно...

Она села и больше уже не оборачивалась. Костя спросил:

— Ты здесь давно живёшь?

— Нет. Маму как раз перед войной сюда перевели.

— А в Москве бывала когда-нибудь?

— Была один раз... папа поехал и меня взял.

Костя замолчал. Это было, как с его рукой: с какой стороны ни дотронься, больно. Светлана сказала:

— Товарищ лейтенант, а вы в Москву в командировку едете?

— В командировку.

— А потом опять на фронт вернётесь?

— Потом опять вернусь.

Девочка кивнула головой, как бы успокаивая лейтенанта, что больше она его об этом расспрашивать не будет. Мало ли что! Может быть, военная тайна...

— Товарищ лейтенант, вот, наверное, мама ваша обрадуется, когда вас в Москве увидит!

— Откуда ты знаешь, что у меня мама в Москве?

— А я ночью слышала, как тот, другой лейтенант сказал, что вы маму в Москве повидаете.

— Не совсем точные сведения,— возразил Костя,— мама моя не в Москве, а под Москвой живёт — тридцать километров.

— Ну так что ж, увидитесь всё-таки с ней?

— Увижусь, конечно.

— Вот я и говорю, обрадуется. Товарищ лейтенант, вы мне скажите, как вашего капитана зовут, и адрес дайте.

— Зачем тебе?

— А как же? Он сказал, чтобы я ему писала из Москвы.

— Дело важное,— согласился Костя.— Вот тебе блокнот, вырви страницу и запиши номер полевой почты.

Солдатские карманы всегда набиты плотно. Вместе с блокнотом Костя вынул и положил себе на колени фотографию и два письма.

— Это вашей мамы карточка? — спросила Светлана и вдруг покраснела и смутилась, как смутился бы взрослый человек, совершивший бестактность: девушка, снятая на фотографии, не могла ещё быть ничьей мамой.

Костя засмеялся, тоже слегка покраснев.

— Нет, это просто одна знакомая. Нравится тебе?

— Нравится,— вежливо ответила девочка.— Красивая очень.

— А мама моя вот.

Светлана долго и внимательно разглядывала фотографию. Наконец, вздохнув, сказала с глубоким убеждением:

— Она очень хорошая, ваша мама! А вашу знакомую Надей зовут?

— Ты что: цыганка или Шерлок Холмс?

— Нет, я просто глазастая. Вот здесь на конверте написано: «Надежде Сергеевне Зиминой». Написали письмо, а отправить не успели — сами поехали.

— Почему всё-таки ты так уверена? Может, это маму мою Надеждой Сергеевной зовут.

— Не-ет! Вашу маму Зинаидой Львовной зовут, и фамилия — Лебедева, как у вас. Ей вот это, другое письмо, без конверта, треугольничком сложено!

«Ну и бес эта девчонка!» — подумал Костя, расхохотавшись и краснея всё больше и больше.

— Ладно, проницательная женщина, записывай адрес, вот тебе карандаш.

Когда адрес был записан, Светлана сказала:

— Странно всё-таки: вам руку только перевязали — и всё. Когда рука ранена, её полагается ещё чем-нибудь широким к плечу подвязать. А то вы её туда и сюда...

Костя усмехнулся:

— У нас в медсанбате врачи и сёстры тоже очень опытные, они так и сделали. Только я эту повязку снял и в сенях оставил.

— Ага,— понимающе сказала Светлана,— чтобы не так страшно было вашему капитану?

— Чтобы не так страшно.

— Вы бы хоть в карман её положили, повязку, теперь и подвязать нечем.

Светлана подумала с минуту, нагнулась к своему узелку, порылась в нём и решитель-

Светлана жадно смотрела в окно.

ным движением вытянула шёлковый вязаный шарф.

— Согните руку. Держите так... Ну, вот...

Она перекинула шарф ему на шею и завязала узлом.

— Ведь лучше, правда?

— Красота! И шарф у тебя какой нарядный... шёлковый, полосатенький!.. Откуда такой взялся?

Она ответила:

— Это мамин шарф.

IV

— Как здесь уютно, правда, товарищ лейтенант? Я так давно не ездила в поезде!

Светлана жадно смотрела в окно, сначала молча — уж очень грустно было видеть сожжённые деревни, вырубленные леса, разрушенные пристанционные здания. Но поезд бежал всё дальше и дальше на восток — и пейзаж менялся.

— Смотрите, смотрите, товарищ лейтенант! Здесь уже пашут! Трактором! Товарищ лейтенант, смотрите, а здесь новые дома строят!

Костя вставал, подходил к окну и с не меньшим любопытством и радостью, чем Светлана, смотрел и на трактор и на новые дома. Но день был свежий, от окна порядочно дуло через разбитое стекло, а Костю стало познабливать после бессонной ночи. Опять заболела рука, он сел в углу около двери, подложив под локоть вещевой мешок.

— Вы бы полежали, товарищ лейтенант.

— Вот что, Светлана,— сказал он,— хватит тебе меня лейтенантить. К тому же, заметь, ты каждый раз повышаешь меня в чине; я ещё не лейтенант, а только младший лейтенант.

— Хорошо, товарищ младший лейтенант, буду называть младшим.

— И это не обязательно. Ты человек гражданский, и такое чинопочитание тебе ни к чему.

— Как же мне говорить? Товарищ Лебедев?

— Слишком официально.

— Тогда скажите, как вас по отчеству? Константин... а дальше?

— Вот отпущу себе бороду лет через пять, тогда мне отчество потребуется, а пока можно без него обойтись.

— Так как же мне вас называть?

— Зови, как все люди зовут: Костей.

Ему хотелось пить. На столике у окна стоял жестяной чайник. Костя спросил у соседа:

— Это ваш?

Сосед показал на верхнюю полку. Там кто-то спал, накрывшись с головой. Виден был погон с тремя сержантскими лычками, из-под шинели торчали широкие подошвы сапог. Костя взял чайник, болтнул его, но чайник был пустой и лёгкий.

Они подъезжали к станции. Светлана прижалась к окну, высматривая что-то на перроне. Как только поезд остановился, она вдруг сорвалась с места, схватила чайник и, быстро сказав: «Я сейчас»,— исчезла в коридоре.

— Куда ты? Стой, стой!

Девочка мчалась по платформе, прямо к баку с кипячёной водой, около которого уже образовалась очередь.

Бежать за ней вдогонку было бы смешно и глупо. К тому же это было недалеко. Наполовину сердясь, наполовину забавляясь, Костя увидел, как девочка подошла к баку,

стала пробираться вперёд и как вдруг расступились перед ней со смехом парни в гимнастёрках, а один взял у неё чайник и налил кипятку.

Осторожно обмотав платком ручку, Светлана понесла чайник назад.

Когда она вошла с сияющими глазами и, поставив чайник на стол, сказала: «Вот! Пейте!», — у Кости даже не хватило духа бранить её.

— Ты всё-таки так не делай другой раз, — сказал он, — поезд уйдёт, а ты останешься. Ты что им говорила? Почему они вдруг тебя вперёд пустили?

— А я им сказала: «Товарищи военные, пустите ребёнка без очереди. А то поезд тронется, вы-то на ходу можете вскочить, а я нет!»

Костя засмеялся и стал развязывать свой мешок.

— Есть хочешь?

— Эге! — послышался голос сверху. — Я вижу, здесь чаёвничать люди собрались?

С верхней полки наклонилось добродушное лицо, такое загорелое, что брови и усы казались светлыми полосками на медно-красном фоне.

— Присоединяйтесь, товарищ сержант, — сказал Костя. — Мы тут похозяйничали у вас немножко.

— Хозяюшка у вас больно хороша, товарищ младший лейтенант!

Светлана поела с аппетитом, а Костя только выпил две кружки горячего чая и опять уселся, нахохлившись, в своём углу.

Сержант предложил ему лечь на верхнюю полку, но Костя отказался. Сержант подумал, покряхтел, спросил сам себя удивлённо: «Сколько может человек спать?!», — перевернулся на другой бок и опять заснул.

Костя думал с досадой, что без доктора всё-таки не обойтись, придётся сойти где-нибудь на станции и потерять несколько часов до следующего поезда.

Сегодня уж как-нибудь надо потерпеть, а завтра прямо с утра узнать...

Светлана сидела у окна, подперев руками подбородок. Большое багровое солнце скрылось за лесом. Закат был тревожным. Лохматые тучи метались по небу, как языки пламени, раздуваемые ветром.

На востоке небо было спокойное, прозрачно-синее, там медленно вставала луна, такая же большая и круглая, как солнце.

И казалось, что поезд убегает от тревожного зарева войны и торопится навстречу спокойной луне, в мирную жизнь...

В вагоне темнело, соседи дремали, кто сидя, кто лёжа.

— Ложилась бы ты, — сказал Костя.

Светлана зевнула и спросила:

— А вы?

— Я здесь посижу.

Она стала устраиваться, подложила вместо подушки под голову узелок.

— Где шинель твоя? — спросил Костя. — Накройся. Ночью холодно будет.

— Какая шинель?

— Которую тебе Федя дал.

— Так она же в машине осталась.

— Эх, ты! — с досадой сказал Костя. — И я, дурак, плохой нянькой оказался.

— Я же не знала, что мне её насовсем дали, — оправдывалась девочка, — не могла же я взять... казённое имущество!

— Ладно уж, спи! — Костя накрыл её своей шинелью и опять сел в угол.

— Что вы, зачем? Вам холодно будет.

— Не будет холодно. Спи.

— Нет, будет! Не возьму ни за что! У меня кофточка тёплая.

Она села и отодвинула шинель.

— Вот что, Светлана, — сказал Костя. — Хватит тебе своевольничать. Говорят, так надо слушаться. «Кофточка тёплая»! Без единой пуговицы! Нужно же было так откромсать неаккуратно, прямо с мясом!

— Вы знаете, почему я их отрезала!

Она легла, повернувшись лицом к стене.

Костя молча закрыл её шинелью до самого подбородка. Светлана молча отбросила шинель.

— Лежи смирно, кому говорят! — прикрикнул Костя. — Нянчиться с тобой!

На этот раз Светлана исчезла вся, с головой, и под шинелью стало совсем тихо. Потом послышалось приглушённое всхлипывание и начал вздрагивать левый погон, который пришёлся сверху.

Сержант кашлянул на своей полке. Костя поднял голову и встретил его неодобрительный взгляд. С независимым видом Костя закурил и вышел в коридор. Он вернулся очень быстро, не докурив папиросы.

Сержант молчал и деликатно смотрел в потолок. Костя присел на скамейку. Левый погон продолжал потихоньку вздрагивать. Костя положил на него руку и сказал:

— Ну, перестань, не обижайся на меня, Светлана!

Светлана всхлипнула, судорожно и громко.

— Ну-ну! — Костя просунул руку под шинель, нашёл и погладил горячую мокрую щёку.

— Честное слово, нечаянно вышло! Не сердись... Не сердишься?

Маленькая рука нашла его руку и ответила лёгким пожатием: «Нет!»

— Будешь спать, да? — спросил Костя.

Рука ответила: «Да, буду спать, вот доплачу ещё немножко и буду спать».

Светлана действительно очень быстро заснула.

Заснул и сержант, после того как Костя решительно отказался воспользоваться его шинелью и верхней полкой.

А для Кости это была очень длинная и очень беспокойная ночь. В особенности холодно стало перед рассветом. Костя то сидел, поджав под себя ноги, то выходил в коридор и шагал от окна к окну. Впрочем, в коридоре казалось ещё холоднее — от лунного света.

Костя старался думать о Москве, о скорой встрече, но рука болела так, что даже думать мешала.

К утру трава за окном стала серебряной, а картофельная ботва на полях почернела и съёжилась.

Косте иногда казалось, что он засыпает, он даже начал видеть сны.

Поезд подходил к Московскому вокзалу; мама и Надя встречали его и радостно гово-

БАЛТИЙСКАЯ РЕГАТА.

С картины Э. Калниньша.
Выставка произведений художников-маринистов СССР. 1954 год.

В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ КАМЫ.

С картины М. С. Агеева.
Выставка произведений художников РСФСР. 1953 год.

рили: «Костя! Костя!». И почему-то ещё мужским голосом: «Товарищ младший лейтенант!».

Костя открыл глаза. Поезд стоял. Светлана теребила его за плечо.

— Костя, идите, только сейчас же, как можно быстрее идите на станцию! Больница совсем рядом—вот она, отсюда видно! Там очень хорошая докторша. Василий Кузьмич ей всё рассказал про вас, что вы не хотите, чтобы вас в госпиталь. Она сказала: «Пускай приходит, я его не съем!».

Костя спросил:

— Какой Василий Кузьмич?

Ах, да! Сержант с верхней полки... Уже подружиться успели!..

— Спасибо, товарищ сержант, только как же я пойду? Тогда пойдём вместе, Светлана, и возьмём вещи, ведь поезд...

Сержант сказал:

— Здесь долго будем стоять—часа два.

Светлана перебила:

— Василию Кузьмичу сам начальник станции сказал. А докторша говорит, что у вас, должно быть, остался осколок в руке и может начаться нагноение. Она говорит, что это опасно!

Костя встал, сержант накинул ему шинель на плечи.

— Оденьтесь, мороз был утром. Вот этот белый дом, вторая дверь. Видите?

Костя только сейчас заметил, что на Светлане надет женский ватник, в котором она совсем утонула, как в шубе.

— Откуда это у тебя?

— Докторша дала. Она очень хорошая.

— Ты говорила, Василий Кузьмич к ней ходил?

— А мы вместе.

Костя вернулся нескоро и, улыбаясь, протянул Светлане руку, ладонью кверху:

— Вот. Посмотри. На память мне дала. Правда, что хорошая докторша!

На ладони лежал крошечный зазубренный кусочек металла. Светлана осторожно взяла его, лицо её было очень серьёзно.

— Такой маленький, а как больно от него было! Костя, как, по-вашему, кончится когда-нибудь война?

V

Костя спал. Он отсыпался за обе эти бессонные ночи и за много других бессонных ночей. Спал то сидя, то лёжа. Просыпаясь, удивлённо повторял слова соседа-сержанта: «Сколько может человек спать?!» — и сейчас же засыпал ещё крепче. Окончательно проснулся Костя, когда кто-то громко сказал в коридоре: «Через два часа Москва!»

Светлана, аккуратно причёсанная, с подвёрнутыми рукавами нового ватника, наглухо зашивала свою кофточку без пуговиц, превращая её в джемпер.

Сержант, услышав, что Светлану нужно устраивать в детский дом, сказал:

— Эх, знаю я один детский дом в Москве! Товарища моего ребятишки там живут. Заведующая уж больно хороша!.. Какие письма отцу на фронт писала! Вот бы тебя, Светлана, туда устроить!

Костя спросил:

— А вы адрес знаете?

— Как же, знаю, конечно, сколько раз на конвертах видел... Какой же адрес-то?

Он посмотрел в потолок и задумался:

— Сейчас вспомню, товарищ младший лейтенант... Директора Натальей Николаевной зовут... Душа человек!

Вечером того же дня директор детского дома Наталья Николаевна сидела у себя в кабинете с книгой в руках. Неожиданный поздний звонок. Она прислушалась. В дверь постучала дежурная няня:

— Наталья Николаевна, вас какой-то военный спрашивает... молоденький совсем... с девочкой.

Наталья Николаевна вышла в переднюю и увидела лейтенанта с подвязанной рукой и черноглазую девочку в ватнике. Костя, козырнув, почтительно сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ директор!

— Пожалуйста.

К ней совсем не подходило официальное слово «директор». Серебряные волосы, белый пушистый платок, накинутый на плечи. Спокойное, внимательное лицо. Она казалась бабушкой в большом и тихом доме, странно тихом, потому что ведь это был детский дом. Но дети набегались днём и теперь спят, а бабушка охраняет их сон.

— Зайдите сюда,— движением руки она приглашала Костю зайти в кабинет. — А вы, Тоня...

В передней было несколько стульев. Няня ласково наклонилась к Светлане:

— Садись, милок. Тебя как зовут?

Войдя в кабинет, Костя хотел прикрыть за собой дверь, но вдруг почувствовал, что дверь сопротивляется и не даёт себя закрыть.

Светлана стояла у него за спиной и даже за косяк ухватилась, всем своим видом показывая: «Вы не будете говорить обо мне без меня!».

Костя был обескуражен таким явным неповиновением. Но не только резкие, а даже обыкновенные строгие слова сейчас, при расставании, были невозможны.

Наталья Николаевна сказала: «Я вас слушаю»,— с таким спокойствием, как будто не было вовсе упрямой девчонки около двери.

После первых же коротких фраз Костя почувствовал, что Наталья Николаевна знает уже о Светлане, а может быть, и о нём самом гораздо больше, чем он мог бы ей рассказать. В её глазах мелькнуло сожаление.

— Вы прямо с вокзала?

— Нет, я заходил ещё в наркомат, потом мы искали долго...

— Видите ли, товарищ лейтенант, жалко, что вы не оставили девочку на вокзале, в детской комнате. Её бы направили в приёмник, а оттуда ей дали бы путёвку... Дело в том, что мы не имеем права сами, помимо гороно, принимать ребят. В приёмнике они проходят врачебный осмотр, оттуда их посылают в детские дома, в зависимости от возраста, состояния здоровья...

Костя и сам понимал, каким ребячеством

было с его стороны понадеяться на случайный адрес, данный случайным дорожным спутником.

Он нерешительно посмотрел на директора.

— Как же теперь быть?

Наталья Николаевна спросила:

— Вы говорите, ваша семья за городом живёт? Так что вам сейчас на вокзал нужно?

— Да, на вокзал.

Костя подумал, что ведь на каждом вокзале есть детская комната... И вдруг ему вспомнились слова капитана:

«Костя, будь другом, устрой её в детский дом!»

— Поезжайте, товарищ лейтенант. Девочка останется здесь.

— Но вы же говорили...

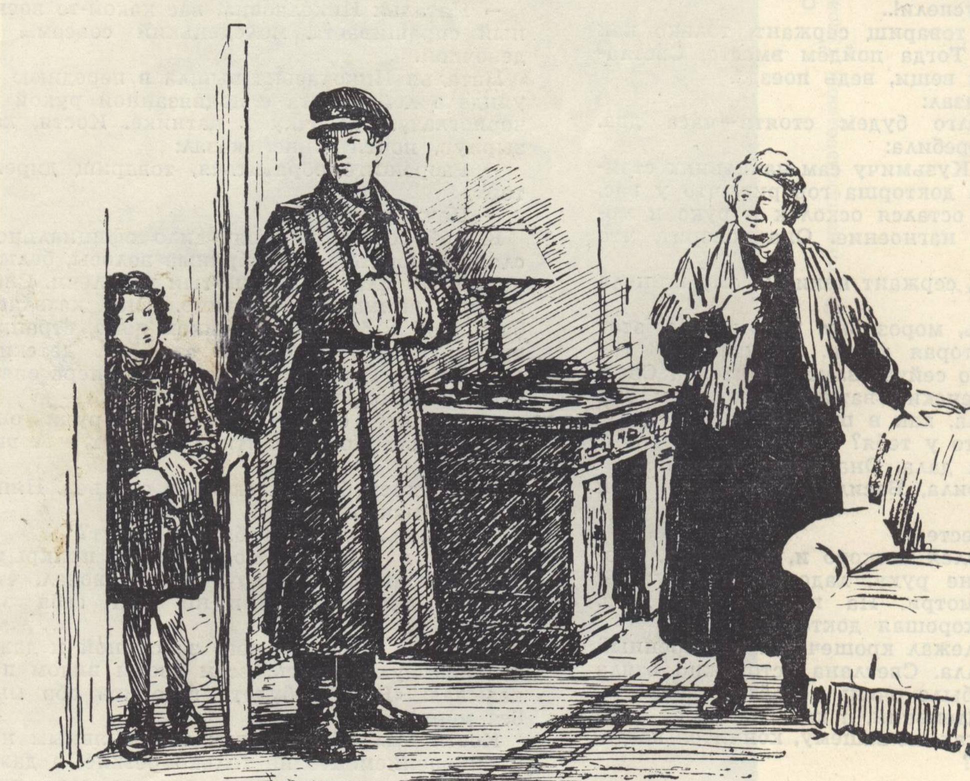
— Ничего. Сегодня переночует у меня в кабинете. Тоня, — она повернулась к девушке, открывшей им дверь, — будьте добры, затопите ванную.

— Спасибо вам! — горячо сказал Костя.

Он дал ей свой адрес — домашний и номер полевой почты.

— Ну, Светлана...

И тут случилось неожиданное. Когда Костя, радуясь, что всё наконец так хорошо уладилось, подошёл к девочке попрощаться, Светлана метнулась к нему, прижалась лицом к его шинели и зарыдала отчаянно, в голос. Невозможно было разжать цепкое кольцо маленьких рук. Костя повернулся к Наталье Николаевне, молчаливо взывая о помощи.

Светлана стояла за спиной у Кости, всем своим видом показывая: «Вы не будете говорить обо мне без меня!»

— Нет! — сказал он, как бы возражая самому себе. — Я хочу знать, куда она попадёт. Где этот... как его, приёмник?

— Довольно далеко, на двух трамваях ехать... боюсь, вы застрянете, не поспеете на поезд.

— Что ж делать, переночую в Москве. Пойдём, Светлана.

Наталья Николаевна посмотрела на костину забинтованную руку, потом встретилась глазами с девочкой.

— Светлана, сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Тринадцать? — удивлённо переспросила Наталья Николаевна. — Я думала гораздо меньше... Тебе хочется у нас остаться, да?

Светлана ничего не ответила.

Наталья Николаевна сказала серьёзно, как взрослой:

— Голубчик, ведь ты же не хочешь, чтобы лейтенант опоздал на поезд? Вы зайдёте ещё к нам, товарищ лейтенант, правда? И писать нам будете?

Слёзы прекратились так же внезапно, как и начались.

Светлана крикнула:

— Поезжайте скорее, Костя! Передайте от меня привет вашей маме!

Через полчаса, одетая в пушистый байковый халат, Светлана вышла из ванной. В передней было темно, а дверь в зал приоткрыта. Там горел свет. Светлана заглянула туда. Комната показалась ей огромной. Здесь было холодновато. Холодным блеском сиял гладкий паркетный пол. Гладкие стены холодновато-голубого оттенка. Гладкие холодные листья фикусов.

Тёплая рука взяла светланину руку. Ласковый голос сказал:

— Пойдём, тебе уже всё приготовили. Сегодня ляжешь у меня на диване...

VI

...Иван Иванович всегда входил в класс со звонком. Ни на полминуты раньше, ни на полминуты позднее.

А в конце урока последняя фраза объяснения, короткая пауза, и вместо точки звонок, возвещающий перемену. Каким образом, ни разу не взглянув на часы, Иван Иванович умел так точно рассчитывать своё время, было загадкой для всей школы.

Девочки из старших классов спорили, даже пари держали: может ли Иван Иванович опоздать или пропустить урок?

Утверждали, что может, только новички. Все хоть немного знавшие Ивана Ивановича понимали, что это случай невероятный.

Светлане казалось, что Иван Иванович иногда даже немного кокетничает своей аккуратностью.

Вот и сегодня: оборвался на высокой ноте звон, производимый в раздевалке старательной и старенькой тётей Маришей, а Иван Иванович уже в дверях.

Девочки как-то особенно дружно и чётко встают, садятся...

Вот уже неделю Светлана встаёт и садится вместе с почти ещё незнакомыми девочками, и каждый раз это доставляет ей острую радость.

Сначала было трудно привыкнуть к строгому распорядку дня и к тому, что она почти всё время на людях. Слишком долго Светлана была предоставлена самой себе, слишком большой перерыв был в ученье.

Поражала, трогала, а порой и утомляла забота о ней. О Светлане заботились не просто из жалости или по доброте, как было в эти страшные годы.

Воспитательницы и няни в детском доме, учителя в школе жили заботами о детях,— это было их любимое дело.

Ребята выходили каждое утро стайкой из детского дома — все, кто учился в первую смену. Уже в переулке мальчики сворачивали направо, а девочки налево — в свою школу. В широких, светлых коридорах, в просторных, светлых классах девочек из детского дома уже невозможно было отличить от других школьниц: они становились школьницами, как все. Почти все эти девочки уже давно жили в детском доме, у них не было такого большого пропуска в ученье, как у Светланы. Её сверстницы учились в шестом или седьмом классе. В четвёртый «А» вместе со Светланой входили только Аня и Валя Ивановы, неразлучные близнецы, тихие, скромные, похожие друг на друга.

Светлану очень угнетало, что почти все девочки в классе были на два, а то и на три года моложе её. Хорошо ещё, что ростом невелика, но она чувствовала себя настолько взрослее их! Ей сразу понравилась её соседка по парте — Галя Солнцева, с нежным профилем, ясными голубыми глазами и толстенькой короткой косой с золотистым завитком на конце.

Понравились Лена Мухина и Маруся Пчёлкина, объединённо называемые «Мухи»,— ещё одна неразлучная пара.

Галя Солнцева тоже очень дружила с ними. В классе Галю любили, её называли Галочкой, Солнышком, иногда «Мухой третьей».

На перемене Галя рассказывала Светлане о том, какие замечательные отличницы обе «Мухи». Туся Цветаева стояла в дверях, заглядывая в коридор, чтобы во-время крикнуть: «Иван Иваныч идёт!»

Эта румяная живая девочка тоже казалась Светлане очень привлекательной.

— Тебе нравится Туся? — спросила она.

Галя деликатно ответила:

— Не очень...

Если Галя говорит «не очень нравится», значит, «очень не нравится». Почему бы это? А тут как раз зазвенел звонок, вошёл Иван Иванович. Пришлось поскорее выбрасывать из головы всё, кроме арифметики. На уроке Ивана Ивановича не может быть никаких посторонних мыслей.

Даже на стул не присел, раскрыл записную книжку и прямо с места в карьер:

— Мухина.

Лена Мухина — «Муха чёрная», — невысокая девочка с умным и энергичным лицом, — отвечает на вопрос, как всегда, толково и точно.

— Цветаева!

Туся подскакивает и говорит, глотая слова: ей хочется рассказать как можно больше, даже то, о чём её не спрашивают.

Иван Иванович останавливает её движением руки.

— Пчёлкина!

Маруся Пчёлкина — «Белая муха» — всегда так страшно стесняется, отвечая урок... И до того она светленькая, голубоглазенькая и кроткая...

К доске Иван Иванович не вызывает. В начале урока ему отвечают с места, по вопросам, в разбивку. Весь класс в напряжении. Ивана Ивановича боятся, но любят.

Именно потому, что любят, боятся ещё больше.

Вот он шагает около столика и в проходах между партами, высокий и худой, очень подвижной, в неизменном своём костюме цвета перца с солью. Бородка и волосы у него тоже цвета перца с солью.

А если кто из девочек зазевается, не сразу ответит или напутает что-нибудь, так и посыплются разные обидные словечки, с перцем, с солью.

— Короткова!

Короткова встаёт, глаза её наполняются слезами. У этой девочки на фронте погиб отец, недавно только получили извещение. Она совсем не может разговаривать: сейчас же начинает плакать.

Другие учителя не вызывают её. Иван Иванович спрашивает на каждом уроке, и с каж-

дым разом голос Катюши Коротковой звучит увереннее и твёрже.

Иван Иванович подошёл вплотную к её парте, чуть наклонился и как-то особенно бережно выслушивает её ответ.

Не очень хорошо ответила Катюша, но Иван Иванович кивнул головой и поставил в записной книжке против её фамилии (так, чтобы соседки видели) одобрительную закорючку.

Да, его есть за что любить, но и бояться, конечно, тоже необходимо.

Вот он повернулся и встретился глазами со Светланой.

— Соколова!

Светлана встаёт, волнуясь больше, чем на всех других уроках. По арифметике её ещё не спрашивали ни разу.

— Ты уже училась в четвёртом классе?

— Нет, я только третий кончила. Со мной занимаются сейчас, я повторяю...

— Здорово перезабыла?

Теперь он подошёл совсем близко, и глаза у него оказались неожиданно светлыми и добрыми, издали они кажутся совсем другими из-за серых косматых бровей...

И совсем просто было ему ответить:

— Да.

— Попробуй решить задачу.

Когда Светлана стала писать на доске условие задачи, у неё было ощущение человека, когда-то в детстве умевшего плавать, но теперь не верящего в свои силы. А вода глубока, не выкарабкаться, сейчас придётся медленно погружаться «с головкой» и «с ручками».

Иван Иванович не торопит, вот так же отвечала ему Катюша Короткова — могла думать, сколько ей хочется. И вдруг оказалось, что задача совсем простая, даже как будто знакомая, что плыть не страшно. Светлана уже не боялась утонуть.

— Сначала узнаем... Во втором вопросе узнаем...

Ещё раз сложить центнеры, потом тонны... Но она забыла, сколько центнеров в тонне: десять или сто? Светлана писала одну цифру за другой. По лицам девочек она поняла, что ошиблась. Взяла тряпку и стёрла написанное. Нет, как будто правильно получается: 635 тонн 11 центнеров. А к ним прибавить...

И опять весь класс молчаливо подтверждает: «Неверно!»

Светлана положила мел и сказала с отчаянием:

— Забыла!

Обычно в таких случаях Иван Иванович вызывал другую девочку — на помощь, иногда у доски собирались трое или четверо.

Поднялось несколько рук. Туся Цветаева подняла выше всех, улыбалась и даже шевелила пальцами от нетерпения. «Мухи» и Галя Солнцева рук не подняли, на их лицах выражалось страдание.

Как будто не замечая поднятых рук, Иван Иванович сказал:

— Солнцева, напомни.

Галя подошла к доске и, подавая Светлане мел, сказала:

— Их десять, а не сто. Пиши один, а другой один прибавь к тоннам.

С точки зрения математической, это было очень несовершенно выражено, но Светлана поняла сразу. Всё вспомнила о центнерах и тоннах.

Она стёрла «635 т. 11 ц.» и написала «636 т. 1 ц.». Смущённо сказала:

— Я думала, что центнер от слова «сто».

— Правильно думала, — подтвердил Иван Иванович. — Почему же он так называется?

— Ах, да! — радостно вспомнила Светлана. — В нём сто килограммов!

Галя отступила к окну, стараясь показать, что Светлана отлично управляется и без её помощи. Она даже решилась спросить:

— Мне можно сесть, Иван Иванович?

Он усмехнулся:

— Садись, ясное солнышко!

Когда Светлана возвращалась на своё место, она была твёрдо уверена, что никогда в жизни не забудет, сколько центнеров в тонне и сколько килограммов в центнере.

Перед тем как рассказывать дальше, Иван Иванович дик-

Теперь Иван Иванович подошёл совсем близко к Светлане, и глаза у него оказались неожиданно светлыми и добрыми.

тует номера заданных на завтра задач и примеров; пока девочки пишут, ходит между партами и успевает проверить несколько домашних работ.

— «Мушка», дай промокашку! — шепчет «Муха белая» своей подруге.

Иван Иванович говорит сурово:

— «Мухи», не жужжите! — И добавляет, вышагивая длинными ногами по классу, растягивая одни слова и скороговоркой произнося другие: — Промокашки, зубные щётки, носовые платки и гребешки должны быть у каждого ин-н-н-дивидуальные!

Как опытный артист, он делает паузу — «на смех».

Иван Иванович любит пошутить и любит, чтобы оценили его шутки. Это короткие антракты — предохранительные клапаны, открываемые во время урока. Без них слишком велико было бы напряжение в классе.

Галя на беду смешлива. Другие давно уже отсмеялись и пишут дальше.

— Солнцева! Довольно веселиться, пиши внимательнее!

VII

На последней перемене в класс заглянула вожатая — девятиклассница Лида Максимова.

— Девочки, помните: у нас сбор!

Этой осенью Лида выросла сразу на целый каблук, стала подвязывать кренделькам тёмные косички и в первый раз надела платье с прямыми твёрдыми плечиками. Девочкам из четвёртого «А» она казалась совсем взрослой.

После звонка Лида появилась опять.

— Пошли, пошли! Аня, Валя, обязательно приходите!

Аня и Валя Ивановы обычно не ходили на школьные сборы: ведь в детском доме своя пионерская организация. Но они знали, что сегодня будет очень интересный сбор, и решили остаться.

Галя защёлкнула портфель и крикнула «Мухам»:

— «Мухи», подождите, мы идём!

Ей было неловко уйти без Светланы.

А Светлана не торопилась. Не поднимая глаз, перекладывала что-то у себя в пенале, учебники ещё лежали на парте.

— Пойдём, Светлана!

Светлана тихо сказала:

— Не жди меня, ступай. Я не пойду.

— Как не пойдёшь? — испуганно зашептала Галя. — Почему? Ох!.. Ты без галстука!.. Забыла, да? Или у тебя нет ещё?

Вожатая подошла к ним.

— Это новенькая ваша? Светлана Соколова? Что же ты, Светлана, идём!

— У неё галстука нет, — вмешалась Нюра Попова, которой до всего было дело.

— Ничего, — сказала Лида, — пойдём так. Для первого раза прощается, — и взяла Светлану за руку.

Светлана стояла, то поднимая, то опуская крышку парты.

— Я не пионерка.

— Как же так? — удивилась Лида. — Ах, да! Ведь ты... Всё равно пойдём, посидишь с нами, а в ноябре дашь торжественное обещание и будешь настоящей пионеркой.

Светлана ответила страдальческим голосом:

— Нет, я не хочу.

— Как?! Пионеркой не хочешь быть?

Туся Цветаева насмешливо сказала:

— Она в оккупации жила, её фашисты распропагандировали, вот она и не хочет!

— Замолчи, — строго сказала Лида.

Светлана, сжав кулаки, метнулась к Тусе. Вожатая с трудом удержала её.

— Девочки, уйдите! Все уйдите! Идите в пионерскую комнату и ждите меня там!

— Не смеет! Она не смеет говорить так! — кричала Светлана. — Моя мама коммунисткой была, они её убили за это! Никто не смеет мне так говорить!

Вожатая крепко держала её за обе руки.

— Ну, успокойся, успокойся!.. Уйдите, девочки!.. Сядь, Светлана, давай спокойно поговорим... Почему ты не хочешь быть пионеркой?

Светлана заговорила уже со слезами на глазах:

— Когда нас в третьем классе всех принимали... я больна была... а потом хотели осенью... а осенью фашисты пришли... Ты думаешь, я не жалела, что у меня галстука нет? Уж я бы его вот как берегла!.. А теперь... что же я... торжественное обещание давать?.. С маленькими?.. С девятилетними?.. Ведь мне уже тринадцать лет! Я лучше через год прямо в комсомол...

Нюра Попова как раз в эту минуту просунула в дверь свой острый носик и удивлённо сказала:

— Тринадцать лет? И только в четвёртом классе учится?!

У Светланы опять начали кривиться губы.

— Вот видишь!

Лида подошла к двери.

— Нюра, уйди!

— Да я ничего! Ты придёшь, Лидочка? — Нюра исчезла за дверью.

Светлана встала.

— Иди к ним, Лида. Они тебя ждут.

Лида обняла Светлану — она знала, что иногда это помогает.

— Как же я тебя одну отпущу — такую расстроенную?..

В коридоре шаги и голоса: это вышли из физического кабинета шестые.

Светлана сказала:

— Вот я с ними и пойду, там наши девочки... Только, Лида, не говори, пожалуйста, никому.

— Хорошо, говорить я никому не буду, а с тобой мы ещё завтра поговорим!

Лида проводила взглядом Светлану... Ничего, как будто успокоилась, идёт вместе со знакомыми шестиклассницами, разговаривает...

А из пионерской комнаты нарастающий гул — там четвёртый «А», предоставленный самому себе. Очень немногие девочки слышали то, что сказала Светлане Туся. Нужно ли говорить о поведении Туси сейчас, на сборе, или лучше с ней одной?.. Ведь Светлана просила не рассказывать никому... Ей будет неприятно, если весь класс... И Евгении Петровны — учительницы четвёртого «А» — нет на беду: хворает уже вторую неделю!

Лида заторопилась в пионерскую комнату. Если бы эти маленькие девочки знали, как трудно бывает вожатой, когда вот такие непредвиденные обстоятельства!

Вожатая крепко держала Светлану за обе руки: «Ну, успокойся, успокойся!»

На следующий день Светланы в классе не было.

«Муха чёрная», староста, спросила сестёр-близнецов из детского дома:

— Аня — Валя, а где Светлана? Почему не пришла?

Эти девочки всегда ходили вместе, и звали их через тире: «Аня—Валя»,—как будто это было одно двойное имя.

— Она пришла,—ответила Аня, она всегда отвечала за обеих,—только она теперь будет не у нас, а в четвёртом «В», её перевели.

Евгении Петровны сегодня опять не было, её опять заменяли учителя из других классов. Первый урок был арифметика. Ивану Ивановичу сказали, кто отсутствует и почему. Гале показалось, что он пожалел о Светлане. В конце урока, закрывая журнал и обводя взглядом класс, он вдруг сказал:

— Пасмурно что-то у вас сегодня, и даже Солнышко в тучах...—Он посмотрел на Галю Солнцеву.—Что, без подружки своей скучаешь?

Галя действительно уже привыкла к своей соседке за эти несколько дней.

На перемене она расспрашивала Аню—Валю, что было вчера в детском доме.

— Мы ничего никому не рассказывали,—сказала Аня.—Светлана велела не говорить.

Галя вздохнула. Должно быть, Светлана сама попросила перевести её в другой класс.

— А у вас в детском доме знают, что Светлана не пионерка?

— Знают. Ей вожатая ещё раньше говорила, что её примут в ноябре.

— А Светлана?

— Она тогда ничего не ответила.

На большой перемене Галя вместе с «Мухами» поднялась на самый верхний этаж—внизу был только их класс—четвёртый «А». В четвёртом «В» они почти никого не знали: этот класс был целиком переведён из другой школы.

— Вы кого ищете?

— Соколову.

— Она в учительскую пошла, за картами.

Спустились в учительскую, а там сказали, что Соколова только что понесла карты наверх, должно быть, по другой лестнице.

Опять поднялись наверх, заглянули в четвёртый «В». Карты уже лежали там, их развешивала незнакомая круглолицая девочка, но Светланы в классе не было. А тут звонок...

В коридоре они столкнулись с вожатой Лидой, которая тоже разыскивала Светлану. Лида очень огорчилась, узнав, что Светлана будет в другом классе.

— Как нехорошо получилось, девочки, ведь, должно быть, она сама просила её перевести!

Галя увидела Светлану только в раздевалке после уроков. Светлана стояла уже одетая в стороне, с каким-то задумчивым и отчуждённым видом. Она поджидала Аню—Валю: в её новом классе попутчиков из детского дома не было.

Галя подошла к ней.

— Как жалко, что тебя перевели!—сказала она.—У нас все очень жалеют... и Лида тоже.

— Что же делать,—коротко и даже как будто враждебно ответила Светлана. И сейчас же отвернулась:—Аня—Валя, пошли!

Уже во дворе их перегнал Иван Иванович.

— Соколова, как на новом месте центнеры поживают?—добродушно окликнул он.

Светлана, вся вспыхнув, ответила:

— Ничего...

Когда они подходили к детскому дому, Светлана повелительно сказала Ане—Вале:

— Вы у нас никому не говорите, что я в другом классе!

И Аня—Валя покорно молчали...

Иван Иванович преподавал математику в старших классах, а арифметику—только в галином классе, временно заменяя заболевшую учительницу. На следующий день он спросил руководительницу четвёртого класса «В»:

— Как у вас Соколова с именованными числами справляется?

Учительница ответила даже несколько удивлённо:

— Соколова?.. Хорошая девочка. Я её как раз сегодня спрашивала, очень толково отвечала.

Иван Иванович одобрительно кивнул головой:

— Ну, ну!

Как раз в это время Галя опять разыскивала Светлану на верхнем этаже. Одна, без «Мух». Она боялась, что Светлана опять посмотрит враждебно и скажет какую-нибудь резкость,—пускай уж лучше ей одной скажет!

И опять, как вчера:

— Соколова в буфете...

А в буфете Светланы нет.

— Она в библиотеку пошла.

И там не видно Светланы.

Казалось, что Светлана играет с Галей в прятки.

Несколько раз на лестницах, в коридоре, в буфете Галя видела вчерашнюю круглолицую девочку и встречала её удивлённый взгляд.

И всё время перед глазами стояло светланино грустное лицо, такое, как было у неё вчера в раздевалке,—отчуждённое, даже как будто враждебное.

Три перемены, включая и большую, Галя потратила на поиски. Даже на уроках думала только об этом, даже «Мухам» отвечала невпопад... «Мухам»-то ещё полбеды—Ивану Ивановичу ответила невпопад. Он посмотрел сурово: затуманилось Солнышко или нет, а на уроках должна быть полная ясность!

Наконец на последней перемене Галя опять поднялась наверх и решила ждать у двери четвёртого «В» до самого звонка, с риском опоздать на географию. Почему-то она была уверена, что в классе Светланы не будет. Гале уже начинало казаться, что школа совсем не школа и вообще что все эти лестницы, все эти поиски и таинственные исчезновения Светланы—просто обыкновенный страшный сон, когда кого-нибудь ищешь, входишь в комнату — и вдруг всё оказывается совсем не то, ничего и никого не узнаёшь, всё незнакомое...

— Ты опять Соколову ищешь?—остановили её в коридоре девочки.—Она только что в класс вошла, цветы поливает.

Галя открыла дверь. Пустой класс. Открытые окна. Светланы нет. С маленькой лейкой в руках стоит круглолицая девочка и поливает цветы.

Галя испуганно смотрела на круглолицую девочку, а круглолицая девочка—на Галю... И тоже начала немножко пугаться, даже порядочно воды пролила на пол.

— Кого ты ищешь?—спросила она наконец.

— Соколову из вашего класса.

Круглолицая девочка неожиданно улыбнулась.

— Так Соколова—это я!

А у Гали всё захолодело внутри, как будто она попала в заколдованное, сказочное царство, где худенькая Светлана прямо почти на глазах превратилась в незнакомую круглолицую девочку.

VIII

Дома Галя обедала и ужинала без аппетита, вечером на папины и мамины расспросы тоже отвечала невпопад. Мама даже пощупала губами галин лоб, но жару, разумеется, не было.

— Что с тобой?—спросила мама.—Ответила неудачно?

— Да,—сказала Галя,—Ивану Ивановичу.

— Сколько же он поставил?

— Он у себя в книжечке, я не видела.

— Ну ведь не двойку же? Да ты, Галочка, не огорчайся так: исправишь.

Гале стало совестно, что мама беспокоится из-за предполагаемой двойки, и она сказала с тяжёлым вздохом:

— Да я не потому.

Мама и папа переглянулись. Потом папа взял газету, а мама стала убирать посуду в буфет.

А Галя ходила от окна к окну и пощипывала узкие зелёные листья у пальмочек — даже оторвала один; мама и папа сделали вид, что ничего не заметили. Потом Галя остановилась посредине комнаты и проговорила совсем трагическим голосом:

— Ну вот, скажите: если я знаю, что кто-то делает что-то нехорошее, нужно сказать или нет?

Папа сейчас же отложил газету, а мама закрыла буфет.

Папа спросил:

— Кому сказать?

— Ну... учителям!

— Может быть, сначала постараться, чтобы этот человек сам перестал делать нехорошее?—осторожно сказал папа.

— Меня не послушает. Скрывается от меня и от всех. Убегает. Видела его вчера и сегодня только в раздевалке. Сегодня, как только я вошла, вышел и ушёл с Аней—Валей! Помоему, даже подозревает меня уже и ненавидит!

— Кто ушёл с Аней—Валей? Кто ненавидит? — в один голос спросили папа и мама.

— Этот человек.

— Ты бы рассказала, Галочка, всё,—посоветовал папа.—А то мы с мамой ровнёшенько ничего не понимаем.

Галя спросила:

— Даёте слово, что никому никогда про этого человека не расскажете без моего разрешения?

На этот раз папа и мама ответили невпопад.

Мама сказала:

— Даю.

— Я такого слова не даю,—сказал папа.

— Почему не даёшь?

— Потому что, раз слово дал, полагается его держать, а может быть, окажется, что этот человек—разбойник или вредитель какой-нибудь, тогда я сразу иду к телефону и набираю «0-2». А что мама будет делать со своим честным словом?

— Я сказала не вообще, а без моего разрешения.

— А вдруг ты разбойника пожалеешь и не разрешишь?

— Это не разбойник, а девочка.

— Девочки тоже иногда бывают порядочные разбойницы... А ну-ка, Галочка,—папа пересел с кресла на диван и по дороге прихватил с собой Галю,—сядем мы с тобой рядком да поговорим ладком... Рассказывай про свою разбойницу.

Теперь Галя сидела между папой и мамой и видела совсем близко их внимательные глаза. Галя подумала, как страшно важно для папы и мамы всё, что её занимает и волнует, и как хорошо, когда можно всё, что тебя занимает и волнует, кому-нибудь рассказать! И не нужно никаких особых честных слов, потому что у папы и мамы все слова честные.

Потом Галя подумала о Светлане, что некому ей рассказать про свои обиды и огорчения и никому про её огорчения неинтересно слушать.

У Гали затряслись губы и поехали вниз...

Когда она кончила рассказывать, папа спросил, вставая:

— Где этот детский дом?

Галя тоже вскочила с дивана:

— Папа, ты что хочешь делать? Ты хочешь туда идти?

— Для начала хочу позвонить по телефону. Даёшь разрешение?

— Папа, если ей что-нибудь будет из-за меня!..

— Честное, благородное слово, Галочка, я буду говорить так, как будто та разбойница — моя собственная разбойница!

— Ну, тогда звони.

— По-моему, лучше не по телефону, — сказала мама.

— Так я же только сговориться, когда придти.

В детском доме ответили, что директора нет, просили позвонить утром или прямо зайти. Говорила дежурная воспитательница. Папа положил трубку и вопросительно посмотрел на маму и на Галю.

— Лучше бы прямо с директором... — нерешительно проговорила мама.

— Хорошо, — сказал папа, — в таком случае отложим до утра.

IX

В это утро тётя Мариша в школьной раздевалке как представитель власти выслеживала правонарушителя.

С молниеносной, почти автоматической быстротой, принимая и размещая на вешалках пальто девятиклассниц, она успела сказать между двумя ныряниями в тёмные глубины раздевалки:

— Вот эта девочка уже второй день: придёт, пальтишко снимет вместе со всеми, а повесить мне не даёт. Постоит немного... подружки в класс, а она оденется опять и уходит. А чуть звонок — опять в школу, прямо с улицы. Стоит у двери и подружек ждёт.

— Какая девочка? — спросила Лида Максимова.

— Вон — чёрненькая, кудрявая, в красном берете... Первый раз я думала, может, она забыла что, домой опять побежала. А теперь вижу, не в этом дело. Подозрительно мне её поведение...

— Да где же, где она? — сама удивляясь своему волнению, спрашивала Лида.

— Там, там, в уголке, за скамейкой...

Но красный берет был уже в тамбуре, между двумя стеклянными дверями.

— Светлана! — крикнула Лида. — Тётя Мариша, дайте мне скорее моё пальто! Девочки, пропустите, пропустите меня скорее! Это моя!.. То есть не моя, но всё равно — наша!

И Лида исчезла за дверью.

Девочки выбежали вслед за ней на крыльцо: ни красного берета, ни синей лидиной шляпки...

— В чём дело? — спросил Иван Иванович, входя в раздевалку вместе с руководительницей четвёртого класса «В». — Почему такое волнение?

Узнав причину волнения, он спросил учительницу:

— Светлана Соколова? Но ведь она была вчера на уроке? Вы спрашивали её вчера!

— Наташу Соколову, — возразила та, — в четвёртом «В» ни одной Светланы нет!

Тогда Иван Иванович потребовал у нянечки обратно свои калоши, а руководительница четвёртого класса «В» пошла прямо в кабинет директора и сообщила таким голосом, будто предупреждала о могущем быть землетрясении:

— Иван Иванович просил предупредить, что он может опоздать на урок!

Маленький сад между двумя высокими домами. Лёгкой спиралью кружит ветер на дорожках осенние листья. Одна скамейка совсем в стороне, ниоткуда её не видно за широким стволом дерева — можно посидеть здесь, как вчера.

В саду никого нет. Дошколятам ещё рано гулять, а те, кто во вторую смену учится, встают, не торопясь, будут готовить уроки. А кто в первую смену, уже входит в класс...

Вчера здесь был слышен, правда, очень слабо, но всё-таки был слышен школьный звонок...

Из подъезда вышла женщина с кошёлкой. Хозяйка отправляется за покупками. Кошёлка огромная, да ещё зелёная авоська на руке висит... Большая, должно быть, семья у этой женщины!

А другая женщина, наоборот, вошла в ворота. Заглянула в сад, присела на скамейку. Потом мимо всех подъездов прошлась, даже в закоулок посмотрела между домом и соседней каменной стеной.. То ли квартиру чью-нибудь ищет, то ли думает, что двор проходной...

А другого выхода нет, вот она и уходит. Нет, не ушла, остановилась на улице за воротами... Немножко похожа на Галю Солнцеву, в особенности в профиль. Вот такой же вид бывает у Гали, когда она очень волнуется, жалеет кого-нибудь и не хочет этого показать, хочет всё поскорее уладить и не уверена, рассердятся на неё или нет. Хорошая девочка Галя Солнцева!.. Только не смей ты меня жалеть и не вмешивайся не в свои дела, а то рассержусь!

Галя сейчас уже за партой сидит, вынула тетрадь по арифметике... Вместе со звонком войдёт в класс Иван Иванович.

Школа вдруг представилась Светлане очень сложной, хорошо налаженной машиной со множеством зубчатых колёс, вроде как у часов. Одно колёсико цепляется за другое, все в движении, каждая минута значительна. А Светлана, как колёсико со сломанным зубцом: выпало оно, валяется, ненужное, в стороне — и никому до этого дела нет! Ну, и пусть никому дела нет, нарочно само в сторону укатилось, а всё-таки обидно, что никто не заметил сломанного колёсика!

Женщина у ворот поджидает кого-то. Вот увидела, помахала рукой.

Чудеса! Иван Иванович идёт, и не в школу, а совсем в другую сторону... Не может быть... Ведь сейчас звонок будет... Слабый звон донёсся из-за каменной стены. Свершилось невероятное: Иван Иванович опоздал на урок!

Светлана даже привстала со скамейки и, притаившись за деревом, в тревоге смотрела на улицу.

Иван Иванович подошёл к воротам... А из переулка, откуда ни возьмись, Лида Максимова — пальто внакидку, бежит запыхавшись...

Они знают женщину, похожую на Галю... Должно быть, это галина мама, вот и всё! Подойдя к ней, они как-то сразу успокаиваются и смотрят в сторону площади, откуда идёт через улицу мужчина в коричневом пальто под руку с Натальей Николаевной.

Одно зубчатое колёсико цепляется за другое, всё приходит в движение. И вдруг Светлана увидела себя в самом центре.

Вот и кончился её наивный обман... И как быстро!

зал на свои часы, приподнял шляпу, не то здороваясь, не то прощаясь, и помчался к трамвайной остановке.

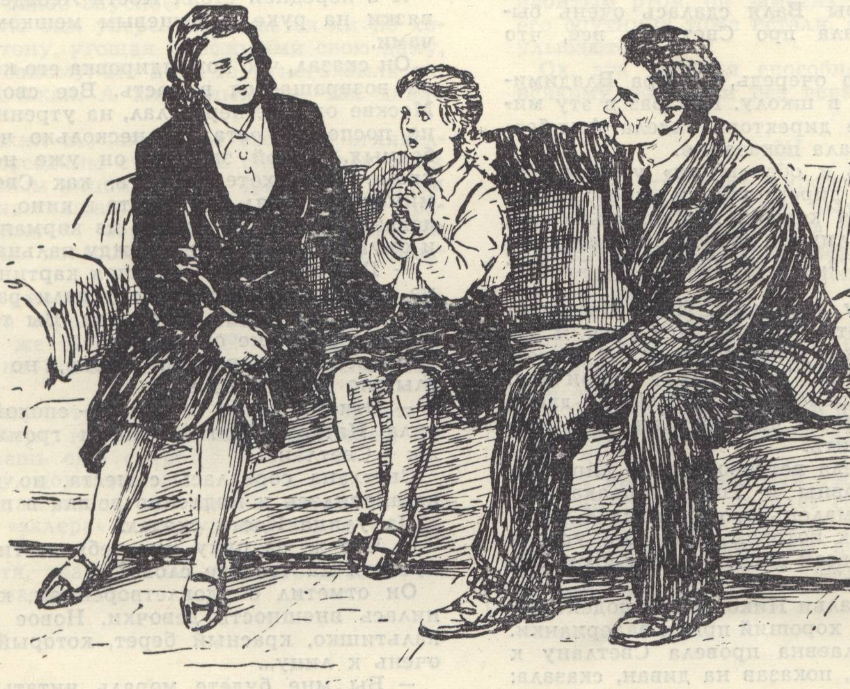
Потом Лида с Иваном Ивановичем пошли налево, в сторону школы, а предполагаемая галина мама — направо. У ворот осталась одна Наталья Николаевна. Она знала, где нужно искать, она шла прямо к светланиной скамейке...

Светлана молча встала ей навстречу.

Лицо Натальи Николаевны не было таким спокойным, как всегда.

— Как ты напугала нас, девочка!

Она крепко обняла Светлану, тоже, должно

Теперь Галя сидела между мамой и папой.

быть, знала, что это помогает! Это помогает почти всегда! Но Светлана ещё не хотела сдаваться...

Первой мыслью было спрятаться в одном из подъездов. Они были, как тёмные норы, — пускай не очень надёжное, но всё же укрытие. Нет, теперь уже поздно: от ворот будет видно, как она побежит.

Светлане вдруг вспомнилось, как однажды с ребятами она ловила ёжика в лесу. Застигнутый врасплох, он метался по дорожке, топал и хрюкал сердито: отстаньте, мол, некогда мне, какое вам до меня дело? А норка была далеко, до неё не добраться. Тогда ёжик прибегнул к последнему средству самозащиты: свернулся клубком и выставил все свои колючки.

Наталья Николаевна подошла к воротам...

Можно себе представить, что делается сейчас в школе и в детском доме! Сейчас они войдут во двор все вместе... Раздув ноздри, Светлана снова села на скамью и стала ждать. Ежик свернулся клубком и выставил все свои колючки. Но мужчина в коричневом пальто, не дойдя до ворот, отчаянным жестом пока-

Они сели на скамейку.

Маленькие дошколята, неведомо откуда появившиеся вдруг в саду, окружив скамейку, смотрели любопытными глазами. Наталья Николаевна встала.

— Пойдём, Светлана.

Светлана ответила горячим шёпотом:

— Наталья Николаевна, я в школу больше никогда не пойду!

Наталья Николаевна взяла её за руку.

— Я тебя в школу не зову. Пойдём домой.

X

А дома, то есть в детском доме, было большое волнение.

Уходя, Наталья Николаевна строго-настрого распорядилась ребятам ничего не говорить, не устраивать суматохи.

Но пришла воспитательница Тамара Владимировна, её не успели предупредить. А тут позвонили из школы, спросили, не вернулась ли в детский дом Светлана Соколова, которая убежала куда-то и уже два дня не ходит в класс.

Когда что-нибудь случалось в отсутствии Натальи Николаевны, Тамара Владимировна всегда терялась. По её репликам в телефон ребята поняли, что Светлана куда-то пропала.

А тут ещё Аня—Валя были разлучены в этот день кашлем. Они всегда болели вместе, но Валя уже успела начать кашлять, Аня ещё не успела, поэтому Аня пошла в школу, а Валя осталась дома.

Под натиском Тамары Владимировны, без поддержки сестры Валя сдалась очень быстро и рассказала про Светлану всё, что знала.

Теперь, в свою очередь, Тамара Владимировна позвонила в школу. Как раз в эту минуту в кабинете директора сидела Аня-без-Вали и тоже давала показания.

Галя Солнцева и обе «Мухи» узнали, что Аню «повели к директору», и, превозмогая естественный для каждой школьницы страх перед этим святилищем, добровольно явились к дверям кабинета. Но это были уже показания защиты.

Потом в школу вернулись Иван Иванович и Лида, в четвёртом «А» начался урок, и всё стало понемножку успокаиваться. А в детском доме нянечка Тоня вдруг закричала: «Идут! Идут! Нашлась! Отворяйте!»—И дверь распахнулась раньше, чем Наталья Николаевна успела позвонить.

Светлана увидела встревоженные лица Тамары Владимировны и Тони, заплаканную Валю-без-Ани и маленького Славика с льняными волосами, к которому она уже успела привязаться. Из всех дверей в переднюю выглядывали ребята.

Появление Натальи Николаевны подействовало на всех, как хороший приём валерианки.

Наталья Николаевна провела Светлану к себе в кабинет и, показав на диван, сказала:

— Посиди здесь.

А сама вышла—восстанавливать нарушенный порядок. На этом диване Светлана провела свою первую ночь в детском доме.

Диван широкий, коричнево-зелёный, приветливо-мягкий—даже странно было на нём спать с непривычки.

А рядом в кресле сидела Наталья Николаевна, сидела до тех пор, пока Светлана не заснула...

Может быть, теперь Светлану выгонят из этого детского дома? Кажется, есть такие специальные детские дома для трудновоспитуемых детей... Может быть, отправят в такой детский дом? Тогда прощай, диван!

Светлана прижалась щекой к пёстрому валику.

Наталья Николаевна вернулась в кабинет: должно быть, нарушенный порядок уже восстановился...

Нет, ещё не совсем восстановился порядок в детском доме. Звонок. Голоса в передней. Шаги и опять какая-то суматоха...

Наталья Николаевна молча прислушалась.

Стук в дверь. Нянечка Тоня вошла в кабинет с испуганным лицом:

— Наталья Николаевна! Светланин лейтенант пришёл и вас спрашивает!

Наталья Николаевна вышла в переднюю, оставив дверь кабинета открытой.

Первым движением Светланы было вскочить и мчаться в переднюю. Но она сейчас же опять села на диван. Ведь она не знала, зачем Наталья Николаевна сказала: «Сиди здесь!»—просто чтобы всё, наконец, успокоилось или в наказание. Если Наталья Николаевна посадила её на диван в наказание, Светлана была готова сидеть на диване, пока не умрёт от голода и жажды!

А в передней стоял Костя Лебедев, без повязки на руке, с вещевым мешком за плечами.

Он сказал, что командировка его кончилась, он возвращается в часть. Все свои дела в Москве он уже переделал, на утренний поезд не поспел, и осталось несколько часов свободных. Домой заехать он уже не успеет, кроме того, хотел узнать, как Светлана, а мимоходом взял два билета в кино. Как бы в доказательство он вынул из кармана билеты и смущённо вертел их между пальцами.

— Говорят, очень хорошая картина и можно детям... Но... мне уже успели рассказать, что она тут у вас натворила. Вы теперь её, должно быть, не отпустите?

Светлана не видела Костю, но ей было слышно каждое слово.

— Отчего же не отпущу? — спокойно ответила Наталья Николаевна и громко позвала: — Светлана!

Светлана сорвалась с места, но в дверях остановилась и медленно вошла в переднюю.

На улице Костя сказал:

— Что ж, за руку мне тебя вести или отпустить на честное слово?

Он отметил с удовлетворением, как изменилась внешность девочки. Новое драповое пальтишко, красный берет, который был ей очень к лицу...

— Вы мне будете мораль читать? — спросила Светлана.

— Обязательно. Была бы ты в моём взводе, суток десять получила бы, никак не меньше! Вот уж не думал, что Наталью Николаевну таким сокровищем награжу! Главное, не ожидал, что ты сможешь с такой хитростью людей обманывать!

— По-вашему, обманывать нехорошо?

— Не только нехорошо, а очень плохо!

— А вы меня сами обманули.

— Я — тебя?!

— Да. Вы. Меня. Обещали писать,—не написали. Обещали заходить...

Костя постучал себя в грудь:

— А это кто: я или не я?

— Да уж... перед самым отъездом. Капитан-то ваш, небось, спросит, как вы меня устроили!

— Ну, знаешь! — Костя даже приостановился от удивления и не сразу нашёлся, что ответить.— Ты что же думаешь: меня в Москву послали, чтобы я с визитами расхаживал?

В фойе играла музыка. Костя сказал:

— Зайдём в буфет. Что тебе взять?

Светлана вдруг ахнула:

— Ой, Костя! Смотрите: пирожные!

Пирожные, настоящие, прямо, как довоенные пирожные, были тогда новинкой и для москвичей, продавались без карточек и стоили ещё очень дорого. Даже те, кто их не покупал, радовались, на них глядя.

— Не надо, не надо, Костя! Смотрите, какие они дорогие!

Но Костя уже расплачивался с буфетчицей.

— Костя, это «наполеон», моё любимое!..

Светлана, у которой на щеках уже появились белые сахарные усики, забыв обо всех огорчениях и тревогах этого дня, наслаждалась минутой.

— Костя, а вы сами что же не берёте? Костя, оно такое вкусное!

Костя не был уверен, полагается ли по хорошему тону, угощая пирожными свою даму, есть их самому. Но дама-то у него была такая маленькая. А пирожных он так давно не ел!

На всякий случай Костя всё-таки огляделся... За соседним столиком сидел полковник с бронзовым лицом, весь в орденах, а рядом с ним настоящая, взрослая и весьма красивая дама. И оба ели пирожные, причём полковник поглощал их с завидным аппетитом.

Костя, уже не сомневаясь больше, положил к себе на тарелку «наполеон».

— Что же ты? Бери ещё! — сказал он.

Светлана прошептала со счастливым вздохом:

— «Эклер» — тоже моё любимое! — и стала есть «эклер», но уже гораздо медленнее.

— Хочешь ещё ситро?

— Хочу, пожалуйста!..

Светлана выпила полстакана, отломила ещё кусочек «эклера» и вдруг сказала с отчаянием:

— Костя, знаете, я не могу его доесть!

Костя засмеялся:

— Не можешь, так не ешь. Что же делать!

У девочки был виноватый и умоляющий вид.

— Костя, я его не кусала, я его просто разломила пополам... Костя, может быть, вы... Что же ему зря пропадать-то!

Костя не сомневался, что доесть пирожное с тарелки своей дамы — поступок, явно противоречащий хорошему тону. Но Светлана так серьёзно огорчалась... К тому же «эклеры» были тоже его любимые. Сейчас начнётся сеанс, люди потянулись в зал. Никто не обращает внимания... Небрежным жестом Костя переставил тарелки и взял оставшуюся половинку «эклера». Когда он вставал с набитым ртом, он заметил, что полковник и его спутница тоже встали, смотрят на них и улыбаются.

Ох, эта ребячья способность краснеть по всякому поводу и без всякого повода!

XI

Когда потух свет, пирожные были забыты. Картина действительно была хорошая. Светлана и Костя вполголоса обменивались впечатлениями. Светлана смеялась именно там, где нужно смеяться, и очень верно подмечала удачные детали.

Перед последней частью вдруг оборвалась плёнка, и на минуту в зале стало светло.

Девочка осторожно дотронулась до костиной левой руки, лежавшей на ручке кресла.

— Какой у вас большой шрам! Больно ещё?

— Нет! — Костя подвигал пальцами. — Самую чуточку...

— А вы теперь почти уже не хромаете.

— Да, говорят, пройдёт совсем.

Светлане стало грустно и страшно за Костю. Отсюда прямо на вокзал... И увезёт его поезд навстречу пылающему закату, навстречу войне...

— Костя, а вы сами что же не берёте? Оно такое вкусное!

Опять потемнело в зале, осветился экран. Картина была интересная, но Светлана не могла уже с такой непосредственностью волноваться за судьбу героев фильма. К тому же было ясно, что у них-то всё кончится хорошо.

— Ты что скучная такая? — спросил Костя, когда они выходили из зала.— Может, не понравилось?

— Очень понравилось. Спасибо вам!

— Так в чём же дело? Боишься, что тебе попадёт за все твои подвиги?

— Костя, а вы сейчас прямо на вокзал?

— Как же я могу прямо на вокзал? А обещанная доставка на дом? Ничего, Светлана, не робей, как-нибудь обойдётся... Это что, школа твоя?

— Нет, здесь мальчики учатся, а наша вон там, в переулке.

— Как вашего классного руководителя зовут? Иван Иванович?

— Нет, он не руководитель, он у нас только по арифметике, пока Евгении Петровны нет...

В переднюю из всех дверей высыпали ребятишки — удивительно, сколько поместилось их на такой небольшой сравнительно площади,—и все желали Косте счастливого возвращения.

Поскольку Костя поцеловал Светлану, пришлось поцеловать ещё нескольких мальчиков и девочек — из тех, которые стояли поблизости. В заключение его самого поцеловала Наталья Николаевна.

Костя вышел во двор, обернулся — во всех окнах торчали тёмные и светлые головы, маленькие руки махали ему вслед.

Теперь самое время было ехать к Наде в институт, но, поровнявшись со школой, Костя невольно замедлил шаги... В конце концов это займёт только четверть часа!

В пустой раздевалке сидела маленькая, сухонькая старушка и вязала чулок.

Она строго сказала:

— Нельзя в шинели, товарищ лейтенант, у нас в верхней одежде входить не разрешается.

И вдруг отбросила чулок и, схватив колокольчик, оглушительно зазвонила — к окончанию пятого урока. Казалось странным, что она, такая маленькая и степенная, производит весь этот шум.

— Сейчас побегут,—улыбаясь, сказал Костя, когда наконец затих оглушительный звон.

Тётя Мариша, принимая от него шинель, с достоинством возразила:

— Не побегут, а пойдут!

Растворялись двери классов, аккуратными линеечками выходили в раздевалку и спускались по лестницам с верхних этажей маленькие ученицы. Никакого беспорядка, никакой суеты.

«Ого! Дисциплинка!» — с уважением подумал Костя.

Ему казалось, что именно в эти годы ребята должны были бы разболтаться. Но, наоборот, порядка в школе было, пожалуй, даже больше, чем до войны. Да, нелегко Светлане так сразу втянуться в эту налаженную, размеренную жизнь.

Узнав, что директора сейчас нет в школе, а Иван Иванович в учительской, и уже подходя к двери, Костя вдруг сунул руку в карман:

— Ох, что же я наделал! Совсем забыл!

Через несколько минут Иван Иванович вышел из учительской в коридор вместе с Костей и сказал, пожимая ему руку с неожиданной силой:

— Прямо на вокзал поедете?

— Нет, я ещё должен зайти... Меня будет провожать... то есть будут провожать...

Костя с трудом сдерживал своё нетерпение, шагая рядом с учителем. Тот вдруг остановился и, озорно улыбнувшись, проговорил скороговоркой, переходя на «ты»:

— Вот что, дружок, беги по коридору, никто не увидит, вторая смена ещё не пришла. Только в раздевалке полегче, тётя Мариша у нас строгая!

XII

— Лида, я в школу не пойду, я всё равно учиться не буду!

— А он совсем и не для того зовёт, ему нужно тебе что-то передать. Какую-то твою вещь...

Светлана только-только успела пообедать — без особого аппетита, принимая во внимание подавленное настроение, «наполеон» и половину «эклера».

Валя-без-Ани только-только успела покаяться ей в своём предательстве. И вдруг новое волнение. Явилась вожатая Лида с просьбой от Ивана Ивановича отпустить Светлану в школу, он будет ждать её в кабинете директора.

Наталья Николаевна разрешила идти... Что-то уже Лида успела ей сказать, перед тем как вызвали Светлану.

Нет, невозможно идти в школу после всего этого позора!

— Лида, я ничего не забывала в школе! Наталья Николаевна, я не пойду!

Лида возразила терпеливо:

— Не ты забыла, тебе забыли передать. Сейчас к Ивану Ивановичу кто-то заходил, какой-то военный.

— Сейчас? Вот сейчас?

У Светланы заколотилось сердце... Нет, не может быть, чтобы Костя ради этого рисковал опоздать на поезд, то есть ещё не на поезд, но всё равно!

Иван Иванович сидел за столом и проверял тетради, беспощадно отмечая жирной красной чертой каждую ошибку.

В этой комнате тоже был диван... ещё один диван... только неприветливый, кожаный... твёрдый, должно быть!

— Вот что, Светлана,— сказал Иван Иванович, в первый раз называя её не по фамилии.— Ко мне сейчас заходил Костя Лебедев и просил передать тебе вот этот шарф. Он сказал, что это для тебя очень дорогая вещь, и просил поблагодарить тебя за него.

Светлана взяла обеими руками шарф... Должно быть, костина мама так заботливо выстирала и выгладила его...

— Да ты сядь. Что же ты стоишь!

Светлана присела на самый край... Нет, диван оказался мягче, чем можно было подумать с первого взгляда.

Она положила шарф себе на колени и ласково провела по нему рукой.

— Он только для этого и приходил? — спросила она.

— Нет, не только для этого. О шарфе он вспомнил уже здесь.

Иван Иванович закрыл тетрадь, а так как разговаривать и сидеть на одном месте он не мог, то и стал шагать по маленькому кабинету — ровно три шага получалось — от стола и до стенки.

— Костя приходил, чтобы рассказать мне, как он с тобой познакомился. Между прочим, рассказал, что говорил один фашистский мерзавец про наших детей... Помнишь это?

Светлана глухо ответила:

— Помню. Я всё очень хорошо помню.

— А если ты такая памятливая, так запомни раз и навсегда, что нам ты очень нужна и что к нам относиться, как к своим врагам, ты никакого права не имеешь! Понятно?

Он неожиданно сел на диван. А диван оказался таким неожиданно мягким, что Светлану качнуло назад. Нужно было или совсем встать или сесть гораздо глубже, чем она сидела.

Светлана села поглубже и сказала дрожащим голосом:

— Я к вам не отношусь, как к врагам!

— Если врагов нет, значит, всё в порядке! Иди домой, узнай у девочек, что задано, и садись готовить уроки. Особое внимание на именованные числа обрати, я тебя завтра буду спрашивать, не посмотрю, что ты прогуляла два дня!

— Как же вы будете спрашивать, когда меня из школы, наверное, уже выгнали!

— Никто тебя из школы не выгонял. Наоборот, таких, как ты, учить да учить! Светлана, твоя мама учительница была? Да?

— Да...

— Я думаю, она тоже хотела, чтобы ты училась, правда?

Светлана долго молчала, поглаживая рукой полосатый шарф.

— Как же я буду... в четвёртом классе... такая большая?

— Эх, ты! — Иван Иванович похлопал её по маленькой руке. — Большая!

Он встал и опять зашагал по комнате. Потом остановился перед Светланой.

— Стыдно тебе, по крайней мере?

Она ответила, вся просияв:

— Стыдно.

— Это хорошо, значит, совесть у человека есть. А на глупых девочек ты не обращай внимания, у вас в классе и умные тоже попадаются. Ты с Галей Солнцевой, кажется, дружишь?

Светлана мрачно сказала:

— Нет. Это как раз галина мама, должно быть, меня во дворе выслеживала!

— Что, что? — переспросил Иван Иванович. — Экий у тебя характер континентальный!

— Почему континентальный?

— Жаркое лето, суровая зима. Ты уж как-нибудь умерь температуру или устраивай людям демисезон, а то рядом с тобой простудиться можно. Имей в виду, что Галя Солнцева как раз в этом самом кабинете изо всех сил тебя защищала.

— А я не хочу, чтобы меня защищали!

Иван Иванович передёрнул плечами и повернулся к окну:

— Форточку разве закрыть? Прямо будто на сквозняке стою!

Светлана подошла к нему сзади.

— Иван Иванович! Вы меня извините, пожалуйста.

Он положил руку на тёмные волосы девочки.

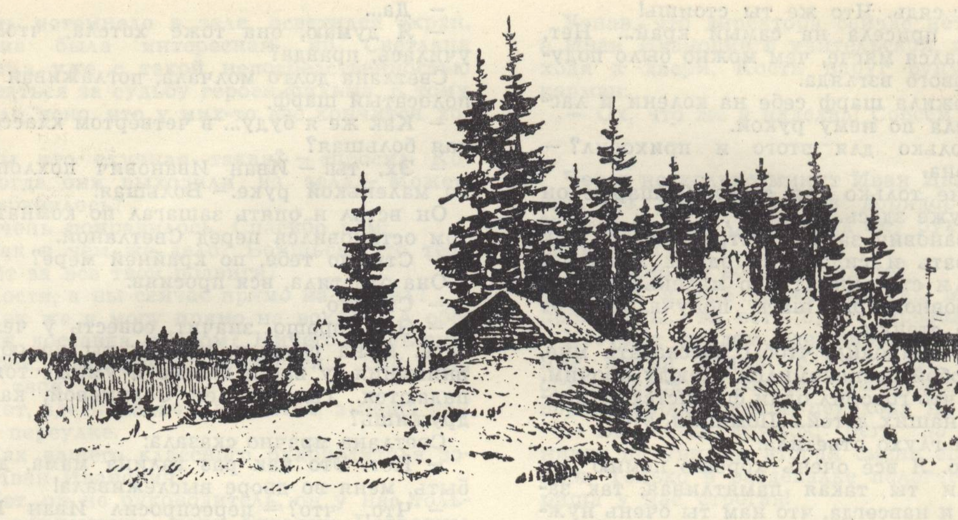
— Вот с этого нужно было начинать, дружок!

ОСЕНЬ

Рашид Рашидов

Горят рябин осенних кисти.
Ушли ребята на урок.
И, словно змей,
в опавших листьях
Шуршит холодный ветерок.
Исчезли бабочки и осы,
Гусей умчался караван.
Клубясь,
цепляясь за утёсы,
К дождю сгущается туман.
И постоянный житель здешний
С подругой маленькой своей
В освободившейся скворешне
Квартиру занял воробей.
Уж скоро ляжет снег на пашни.
И в ожиданьи холодов
Петь стали глуше и протяжней
Литые струны проводов.
Но улыбается весёлый
Шофёр по имени Расул.
Он на полуторке
для школы
Привёз дрова сейчас в аул.

Перевёл с даргинского
Я. Козловский.

В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ

РАССКАЗ

Семён Пасько

Рисунки Ф. Глебова.

Однажды осенью я охотился близ села Коряки, что стоит на быстрой Карайге. Днём бродил по лесу, а ночь проводил в маленькой лесной сторожке. Сторожка была ветхой, брёвна поросли зелёным мхом, крыша прогнулась и съехала набок, окна глубоко вросли в землю, одно из них было наглухо забито фанерой. При первом взгляде казалось, что домик ухарски сбил набок шапку-крышу и бодро подмигивает: «Ничего, мы ещё держимся. Мы ещё поживём!»

Но время немилосердно гнуло его к земле. Он хирел и опускался на глазах. В стенах домика поселились бурундуки — красивые полосатые лесные зверьки. Проделав вдоль брёвен ходы и соединив их поперечными ответвлениями, они превратили стены домика в сплошной лабиринт. Жилось им здесь привольно.

В стенах зияли небольшие круглые отверстия. Всякий раз, когда я просыпался, мне приветственно ухмылялось несколько озорных рожиц: прямо над нарами усатая мордочка старой бурундучихи, чуть подальше и на одно бревно выше — рожица молоденького, вечно что-то жующего бурундучонка. Он совсем недавно проделал себе это оконце и теперь живыми, бойко бегающими глазами созерцал незнакомый ему мир. По утрам я часто видел, как мелькала в отверстии его жёлто-белая красивая шубка. А однажды, причёсываясь, я увидел сразу двух грызунов. Словно подражая мне, они старательно чистили рыженькими лапками свои усы.

Но в общем я жил сносно.

Однако спустя некоторое время наши отношения стали портиться. Как-то раз, проснувшись, я увидел, что неспокойные поселенцы прогрызли дыру над столом, целым выводком высыпали на него, опрокинули чернильницу, отпечатками лап испортили всю чистую бумагу и на прощанье утащили, как трофеи, три исписанных листа — всю первую главу рассказа, который я только что закончил. Утрата не стоила того, чтобы горевать о ней: мне казалось, что восстановить рассказ будет легко. Но, взявшись за перо, я убедился, что это не совсем так. Всё, что рождалось вновь, выходило серым и скучным. А главное — мне не удалось просто и хорошо рассказать об Иннокентии Фёдоровиче Слободчикове.

Он, этот умный, старый охотник и натуралист, был замечательным человеком. Всю жизнь он прожил бобылём. Блуждая по звериным тропам, Слободчиков хорошо познал лесную жизнь. Он часами расска-

зывал мне о повадках животных, о своих скитаниях по тайге и горам. Я поражался глубине и обширности его познаний. А сколько выдумки, сколько искрящегося смеха было в его разговорах! Рассказывая о жизни зверя, он вдруг начинал говорить такие вещи, что диву, бывало, даёшься и не сразу отличишь, где правда, где выдумка.

Как-то раз, рассказывая разные побасенки, Слободчиков стал учить меня, как лучше всего охотиться на зайцев.

— Главное в этом — простота, — говорил он. — Выбери какой-нибудь ольховник или осинник и крепко посоли снег между деревьями. Солёное заяц вот как любит! На соль их набегут тысячи. Вот тут и глуши их. Или возьми и посыпь снег табачком,— самым серьёзным тоном говорил он. — Которые понюхают, на них такое чиханье нападает, что с места не сойдут. Твоё дело — успевай подбирать.

И если случалось, что неопытный новичок, пленённый лёгкостью такой охоты, верил и собирался в ближайшем будущем осуществить эту затею, Слободчиков был рад, как ребёнок, и хохотал до слёз:

— Только табачок-то турецкий!

Много и других небылиц жило в его голове: медведь без печёнки, нерпа, гуляющая по лесу под руку с молодым сивучем, сетка особого плетения, в каждую ячейку которой попадает сразу по три рыбины.

...После двух часов бесполезной работы я бросил писать, сходил в село, принёс оттуда молоток, гвозди, фанеру и принялся за дело: начал забивать отверстия. Вырезав нужного размера дощечку, я накладывал её на дыру и вбивал на углах по гвоздю. От каждого удара дом вздрагивал, внутри стен что-то осыпалось.

Управившись с этим делом, я отправился в лес, а когда вечером вернулся, снова увидел озорные, ухмыляющиеся мордочки бурундуков. Теперь мне показалось, что их было вдвое больше. Над печкой, над окнами, вдоль стен — всюду появились новые оконца.

— Нет, я не сдамся! — сказал я и опять забил все дыры.

К концу третьего дня на стенах не осталось ни одного живого места — везде белели свежие заплатки да блестящие шляпки гвоздей. Но и бурундуки не уступали мне в трудолюбии и настойчивости. Дыр с каждым днём становилось всё больше и больше.

Наконец я понял, что побеждён, и сложил оружие. А со стен, сменяя друг друга, невинно глядели на меня десятки пар бурундучиных глаз.

И вот однажды совершенно неожиданно зашёл ко мне Слободчиков. Мы не видались больше года, и я обрадовался его приходу. После долгих взаимных приветствий Слободчиков окинул взглядом сторожку и сочувственно покачал седой головой:

— Бедствуешь?

— Бедствую.

— Тебя ещё не трогают, не кусают?

— Нет. А что, и это будет?

— Будет. Всё будет. Они, брат, озорные. Осмелеют — на людей кидаются.

И дальше Иннокентий Фёдорович начал рассказывать такие страхи, что мне стало не по себе. А старик, заметив это, вкрадчиво спросил:

— Хочешь, выживу их? В три дня их не будет.

— А раньше нельзя?

— Можно, да домой возвращаться не хочется. На охоту ведь иду. — Слободчиков лукаво подмигнул. — Ладно уж, не хмурься! Чего для друга не сделаешь?! Пойду.

Через час он явился ко мне с клеткой, в которой сидела живая крыса с маленьким колокольчиком на шее. Открыв дверцу, старый охотник взял двумя пальцами крысу за загривок. Крыса, извиваясь, норовила цапнуть старика за руку, а он добродушно убеждал её:

— Дурёха, чего злишься? Радуйся: сейчас на волю выпущу.

Иннокентий Фёдорович осторожно поднёс крысу к отверстию в стене. Крыса тут же нырнула в него, прощально махнув голым хвостом. По тонкому, едва слышному звону колокольчика мы угадывали её путь. Она прошла вдоль одного бревна до угла, потом медленно стала взбираться зигзагами к потолку. Колокольчик замер и вдруг, заливаясь, покатился с сумасшедшей быстротой. Он то падал к самому полу, то взлетал выше окон, а впереди него что-то пищало, скреблось в безумном беге. Домик ожил, зашевелился. Из отверстий полетела дымчатая пыль.

— Ага, продирает! — торжествующе закричал старик и кинулся к окну.

Я подбежал вслед за ним и увидел удивительное зрелище: бурундуки опрометью бежали прочь от моего дома. Он их пугал, он наводил на них ужас.

Сколько было бурундуков, сказать трудно. Во всяком случае, не меньше полусотни. Они бежали врассыпную от домика и скрывались в лесной чаще.

Наконец стало тише. И только крыса с колокольчиком ещё долго носилась по лабиринту нор в стремительном беге, надеясь удрать от дикого звона. Потом и она убежала в лес. Там где-нибудь встретит другую крысу, та перегрызёт ей верёвочку, и заживут они привольно.

— Вот и всё, — самодовольно разглаживая усы, сказал Иннокентий Фёдорович.

— Спасибо! — сказал я без всякой радости.

И в самом деле, как-то скучно стало в сторожке без этих красивых полосатых зверьков.

С ФОТОАППАРАТОМ В ЛЕСУ

В лесу, в полях, на берегах озёр и рек идёт своя, невидимая жизнь. Она открывается не всякому.

Пройдёт человек лесной тропой и ничего не заметит. Шум шагов, шорох травы и листьев под ногой, хруст обломанной ветки заставляют утихнуть, притаиться лесных обитателей, застыть в неподвижности, стать невидимками. А становиться невидимками они мастера. Для этого у них пёстрые шкурки, и серенькие пёрышки, чуткие носы и уши, докладывающие о приближении незваного гостя задолго до того, как он заподозрит близость лесных жителей.

Но если у человека внимательный глаз, лёгкая поступь, осторожные движения, он увидит то, чего другой не увидит.

Вот фотография, которую сделал такой умелый наблюдатель. Можно десять раз пройти мимо этой тёмной ямы под корнями и не догадаться, что здесь волчье жильё: волк и волчица уйдут на охоту, а волчата, притаившись, будут чутко прислушиваться к каждому лесному звуку. Молчание и неподвижность — защита от врага для всех зверят.

Но всё же малыши — это малыши. Глупые, любопытные, шаловливые, они иной раз непрочь нарушить лесные законы. Поверив обманчивой тишине, волчата вышли на волю поиграть. Должно быть, долго и терпеливо подстерегал в засаде фотограф такую минуту. Прицелился фотограф, щёлкнул затвором, и вот шалуны пойманы врасплох. Доказательство — этот цветной фотоснимок. А теперь переверните страничку, и вы увидите милого оленёнка. Если бы он зачуял врага, заподозрил опасность,— он сразу бы лёг на землю, прижал к ней голову и шею и показался бы вам красноватым пятном оголённой глинистой земли с круглыми бликами солнечного света, пробившегося сквозь зелёную листву деревьев.

А вот важные, неторопливые аисты на заросшем, глухом озерке даже не повернулись, когда их снимали. Они продолжали свои дела: шарили длинными клювами по илистому дну, вылавливали лягушек, улиток и другую лакомую водяную живность.

Впрочем, если бы и заметили фотографа аисты, всё равно не стали бы прятаться. Аисты давно приспособились к человеку и не боятся его. Они и гнёзда-то свои вьют у человеческого жилья. В украинских сёлах то и дело видишь большое аистиное гнездо на крыше хаты, а на краю гнезда — длинноногого аиста. Стоит, словно часовой, и время от времени стучит клювом, отбивает барабанную дробь.

Е. Владимирова

ВОЛЧАТА ОКОЛО НОРЫ. Фото Н. Немнонова.

АИСТЫ.

ОЛЕНЁНОК. Фото Н. Немнонова.

Почему и Отчего

Дорогая редакция! Я прочитал в журнале «Пионер», что гигантский носорог индрикотерий жил около двадцати миллионов лет назад. Меня интересует: как узнают, когда жили те или иные вымершие животные, если в то время и людей-то не было?

Ефим Хайкин,
ученик 4-го класса школы № 2,
с. Безенчук, Куйбышевской области.

Геология, наука, исследующая строение и историю земной коры, делит прошлое Земли на эпохи, периоды, эры. Это огромные промежутки времени в миллионы и десятки миллионов лет, за которые появлялись и исчезали древние моря, гигантскими складками вырастали горы, изменялся растительный и животный мир.

В различных пластах земной коры учёные давно находили отпечатки, окаменелые остатки и даже целые скелеты различных животных и растений. Чем древнее пласт, тем проще организмы, остатки которых в нём заключены.

В самых древних слоях находят остатки одних лишь беспозвоночных животных. В следующих за ними слоях уже появляются рыбы. Дальше начинают встречаться земноводные и пресмыкающиеся. И, наконец, в наиболее поздних слоях находят остатки птиц и млекопитающих, самых высокоорганизованных представителей мира животных.

Остатки древних, вымерших существ послужили доказательством того, что не было никакого «сотворения мира», что жизнь развивалась миллионами лет, что живые существа не всегда были такими, как сейчас, а изменялись и совершенствовались от простых к сложным. Геологи могли твёрдо сказать, что слои, в которых встречаются только рыбы, старше, чем те, где найдены кости сухопутных ящеров, и что слои, в которых появляются первые млекопитающие, образовались ещё позднее. Но учёным хотелось точно знать, когда это произошло, сколько тысяч, сколько миллионов лет назад.

Разными способами высчитывали геологи возраст геологических пластов. Но самый точный способ был получен, когда химики открыли необычайные свойства урана и других радиоактивных веществ. Большие и тяжёлые атомы этих веществ постепенно, один за другим, разрушаются и после ряда превращений становятся атомами обыкновенного свинца. Радиоактивный распад идёт очень медленно. В ста граммах урана один грамм свинца образуется за шестьдесят пять миллионов лет.

Находя урановую руду в каком-либо пласте, геологи смотрят, много ли в ней свинца, и вычисляют, сколько миллионов лет понадобилось для его образования. Так с помощью «урановых часов» узнают точный возраст пласта, а значит, и время, когда жили животные, остатки которых заключены в нём и в других подобных же пластах.

Б. А. Трофимов,
научный сотрудник Палеонтологического музея Академии наук СССР.

Дорогая редакция!
Прошу вас ответить мне, как действует барометр.

Вова Козубский,
ученик 4-го класса школы № 4,
г. Лиепая, Латвийской ССР.

Ты спрашиваешь, Вова, как действует барометр.

Барометры бывают двух видов: ртутные и анероиды. Вероятно, тебя интересует анероид, который ты мог видеть в школе или у когонибудь из знакомых, а может, и у тебя дома есть такой.

Наша Земля окружена атмосферой — слоем воздуха толщиной в сотню километров. Воздух имеет вес и своей тяжестью давит на земную поверхность, на всё, что находится на Земле. Это давление такое, как если бы на каждый квадратный сантиметр поверхности была положена гиря в 1,0033 килограмма.

Но атмосферное давление не всегда и не всюду одинаково. Оно меняется от разных причин. Эти-то изменения и показывает барометр. Внутри барометра-анероида есть небольшая плоская коробочка, из которой воздух выкачан. Атмосферный воздух давит на стенки коробочки, и от этого прикреплённая к ним стрелка движется по круглой шкале с делениями, показывающими величину давления. Разному атмосферному давлению соответствует различная погода, поэтому против делений шкалы сделаны надписи: «Ясно», «Дождь», «Переменно», «Ветренно», «Буря». Стрелка, показывая давление, предсказывает погоду.

К. Кондратенко

ГОЛОСА МОРЯ

Кирилл Андреев

В древнегреческих легендах о чудесных странствованиях хитроумного мореплавателя Одиссея рассказывается о том, как он не поддался чарам сирен, обитавших на одном из островов Средиземного моря. Тело этих дев-чудовищ оканчивалось рыбьим хвостом, покрытым сверкающей чешуёй. Расчёсывая свои зелёные кудри золотыми гребнями, морские девы пели песни, сводящие с ума мореходов. И всякий, кто слышал чарующее пение сирен, обезумев, бросался к ним в морские волны.

Чтобы избежать этой опасности, Одиссей приказал своим товарищам-корабельщикам залепить уши воском, а себя накрепко привязать к мачте. Услыхав дивное пение сирен, он рвался броситься в пучину, но не смог освободиться от пут. Так, говорит легенда, Одиссей, один из всех живущих на земле людей, не поплатился жизнью за то, что слушал чудесное пение морских волшебниц.

Пение мифических сирен было для древних народов единственным объяснением тех странных голосов, что иногда доносились до людей из моря. Ведь в те времена океанские глубины считались страной вечного молчания, населённой немыми обитателями.

Прошло две тысячи лет. Родилась новая наука — океанология. И учёные узнали, что море совсем не немо, что оно говорит тысячами голосов: громких, вкрадчиво-тихих или даже вовсе не слышных для человеческого уха. И всем, кто может понять этот язык, голоса моря рассказывают правдивую повесть о жизни подводных глубин.

Когда водолаз, не надевая тяжёлого медного шлема, лишь с одним кислородным прибором для дыхания спускается на дно, то подводный мир совсем не напоминает ему заколдованную страну вечной тишины. Шум прибоя не умолкает под водой, но усиливается во много раз. Водолаз слышит грохот камней, трущихся друг о друга, шорох ползущего по дну песка, гулкие удары

волн. И когда он работает под водой, звонко, как и на берегу, стучит его молоток и скрежещет пила.

Вода, оказывается, очень хорошо передаёт звуки, лучше, чем воздух.

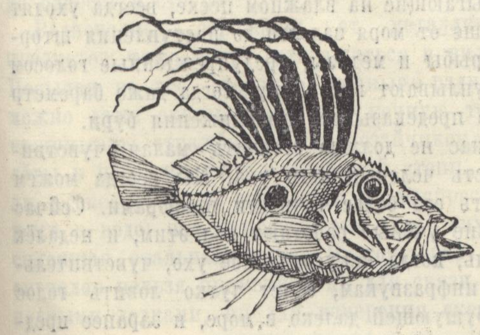
Учёные проделали много опытов. И они убедились, что тяжёлый колокол, весом в полтонны, звенящий под водой, слышен за тридцать пять километров и звон его доносится почти в пять раз скорее, чем по воздуху!

Но для того, чтобы слушать звуки подводного мира, учёным совсем нет надобности становиться водолазами. В наши дни уши есть не только у людей, но и у кораблей. Эти огромные металлические приборы — гидрофоны — гораздо чувствительнее человеческих ушей. С их помощью водители судов отыскивают путь в тумане и темноте, а учёные-океанологи могут слушать голоса моря, находясь на палубе корабля.

Гидрофон рассказывает моряку и учёному о многом. Отдалённый грохот волн, приглушённый расстоянием, напоминает о невидимом подводном рифе, опасном для мореплавателей. Настойчиво раздаётся в ушах звон подводных колоколов, установленных на пловучих маяках у входов в бухты и в устьях судоходных рек. Звучным шорохом отдаётся в гидрофоне звук работающего корабельного винта,— быть может, подводной лодки, плывущей глубоко под волнами,— и глухими вздохами — качание лежащего на дне затонувшего корабля.

Человек легко определяет направление звука, потому что у него два уха. Звук справа доносится до правого уха раньше лишь на тысячные доли секунды, но этого достаточно, чтобы при помощи нашего тончайшего слухового устройства установить, откуда пришёл звук.

У кораблей тоже два «уха» — гидрофона — и специальное, очень сложное приспособление для улавливания направления звука. Поэтому водители кораблей легко определяют, где находится опасный камень, откуда доносится звон подводного колокола, куда держит путь невидимый в тумане корабль.

Рыба-солнце.

Но когда наушники, соединённые с гидрофонами, надевают учёные-океанологи, их внимание привлекают иные голоса моря: странный, словно металлический, скрежет, глухой шелест, похожий на шум леса при сильном ветре, громкое щёлканье и чириканье, напоминающее щебет молодых птенцов.

Морской конёк.

Это голоса обитателей моря. Оказывается, совсем неверна поговорка: «Нем, как рыба». Очень многие подводные жители издают различные звуки.

Живущие в Индии крабы при помощи клешней с особыми зубцами стрекочут, словно кузнечики; морские коньки довольно громко хрюкают; морские петухи испускают протяжный свист; тропические дорады щёлкают своим плавательным пузырём, как заправские барабанщики, а огромная океанская рыба-солнце глухо стонет и скрежещет зубами, когда её вытаскивают из воды.

Дельфины во время охоты стаей пересвистываются между собой. Но их свист так тонок, что его улавливает далеко не всякое человеческое ухо. Слепые рыбы, обитающие в пещерах, также «переговариваются» при помощи недоступных нам звуков.

Рыбаки Южно-Китайского моря, например, умеют различать подводные голоса. В каждой ловецкой артели есть специальный слухач, хорошо изучивший голоса морских обитателей. Он плывёт впереди своих товарищей в маленькой лодочке, время от времени погружает голову в воду и прислушивается. И когда нападает на след большой рыбьей стаи, делает знак рукой, что можно ставить сети.

Опытные морские слухачи умеют узнавать по силе и характеру звука не только величину стаи, но даже породы рыб.

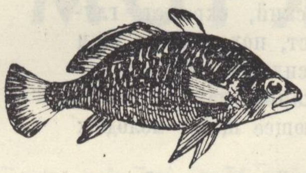
Одни рыбы, по словам слухачей, ворчат, другие — чирикают, как птицы. Сардины шумят, как прибой в тихую ночь, кильки гудят, словно ветер. У серебряного леща, по мнению слухачей, неприятный голос. А иные рыбы слывут у них совсем немыми. «У них нет голоса,—утверждают рыбаки,— они не умеют говорить».

Встречаются рыбы, издающие музыкальные звуки. Голоса некоторых обитателей китайских морей звучат, словно гуденье органа, походят на колокольный звон или напоминают аккорды арфы.

Лучшими «певцами» слывут сцены — маленькие рыбки Средиземного моря. Они издают слабые мелодические звуки, похожие на отдалён-

ное пение. Может быть, отсюда и родилась древняя легенда о морских девах-сиренах?

Но действительно ли рыбы «разговаривают» между собой? Что такое эти подводные голоса:

Сциена.

сигналы или непроизвольные звуки? Слышат ли рыбы под водой эти голоса?

Из всех обитателей океана только раки-щелкуны совсем глухи. Для устрашения своих врагов они издают звуки, напоминающие щелчки, с силой выбрасывая из клешней струйки воды, но сами не слышат своих щелчков.

Рак-щелкун.

Морские звери — киты, дельфины, тюлени, моржи — хотя и живут в воде, но по устройству своего организма очень мало отличаются от сухопутных животных. Ведь их отдалённые предки жили сначала на суше и лишь потом переселились в море. Поэтому и уши у них устроены так же, как у сухопутных животных, только ушные отверстия закрываются, когда животные ныряют. Но это не мешает этим зверям очень хорошо слышать под водой. Недаром инженеры-конструкторы смогли построить чувствительные гидрофоны только после того, как внимательно изучили ухо тюленя.

У рыб нет настоящих ушей, и воспринимают они, вернее, «чувствуют», звуки кожей, точнее, мелкими порами кожи возле головы. Но и они довольно точно разбираются в звуках: удалось даже приучить рыб являться на сигналы, по которым им давали корм.

Даже простейшие морские организмы, лишённые органов слуха, способны каким-то образом, нам пока неизвестным, воспринимать звуковые колебания. Люди, наблюдавшие трубчатых червей, живших в аквариуме, заметили, что, как только начинал играть духовой оркестр в соседнем парке, черви втягивали свои щупальца и не расправляли их до тех пор, пока не прекращалась музыка.

Но среди голосов моря есть звуки, не уловимые человеческим ухом, не слышимые нами.

При научных исследованиях атмосферы в воздух выпускаются небольшие воздушные шары-зонды, наполненные лёгким газом. И вот учёные уже давно заметили, что человек, приблизив к такому шару голову, испытывает боль в ухе. Это довольно неприятное ощущение появляется только на берегу моря или на корабле. Если же мы будем проводить опыт где-нибудь на суше, вдали от моря, человек не ощутит боли в ушах.

Советские учёные исследовали это удивительное явление и установили, что шар собирает особые звуковые волны, недоступные нашему слуху, но болезненно действующие на барабанную перепонку.

Звук — это колебания воздуха, то быстрые, то медленные. В толстых трубах орга́на, где воздух колеблется медленно, рождаются густые, низкие звуки, а в тонких трубках — высокие, созданные быстрыми колебаниями. Густой бас гудка океанского парохода создаётся лишь несколькими десятками колебаний в секунду, а тончайший комариный писк — многими тысячами. В природе существуют звуки и более низкие и сверхвысокие, но человеческое ухо неспособно их слышать.

Если число колебаний меньше пятнадцати в секунду, то в воздухе рождаются неслышные звуки — так называемые инфразвуки. Они создаются, например, сильным ветром, когда он скользит между гребнями морских волн. Инфразвуки летят над океаном во все стороны, проносятся тысячи километров, проникают даже в закрытые помещения. Но эти звуки возникают при десяти колебаниях в секунду, и поэтому мы не можем их слышать.

Инфразвуковой голос моря, летящий быстрее, чем самый сильный ураган, доносится до берегов гораздо скорее, чем доходит породившая его буря. Он сообщает всем, кто может его слышать, о приближении непогоды. И, повидимому, многие обитатели моря способны его улавливать. Маленькие рачки, так называемые морские блохи, прыгающие на влажном песке, всегда уходят подальше от моря задолго до наступления шторма. А рыбы и медузы, предупреждённые голосом моря, уплывают в глубину, когда даже барометр ещё не предсказывает приближения бури.

Но нас не должна огорчать малая чувствительность человеческого уха. Мы всегда можем заменить его более точными приборами. Сейчас советские учёные работают над этим, и недалёк тот день, когда искусственное ухо, чувствительное к инфразвукам, будет чутко ловить голос бури, бушующей далеко в море, и заранее предсказывать её появление.

Кроме этого неслышного инфразвукового голоса моря, существует ещё морское эхо, тоже неслышное.

Есть старинный рассказ об одном чудаке, который страстно любил эхо. Не жалея средств, он по всей стране скупал эхо, вернее, те места, где оно было слышно особенно хорошо. В конце концов у него собралась удивительная коллекция: было эхо, повторявшее лишь последнее слово, было семикратное эхо и эхо «загробное», говорящее глухим, замогильным голосом, и, наконец, эхо, хором отвечавшее на заданный вопрос.

Чудак немало гордился своей оригинальной коллекцией, а соседи потешались над ним. Им и в голову не приходило, что эхо можно заставить служить науке и человеку.

Учёные сумели использовать эхо во многих научных приборах. Ведь эхо — это отражение звуковых волн от разных предметов. Значит, с помощью эха можно измерять расстояние: ведь мы знаем скорость звука и легко можем высчитать, сколько времени летел звук до предмета и обратно.

Эхо может помочь и в измерении океанских глубин: на мелком месте эхо вернётся очень быстро, а на больших глубинах запоздает. Зная скорость звука в воде, легко вычислить расстояние до дна.

Было проведено множество опытов: звонили в тяжёлые морские колокола и слушали, когда откликнется эхо; взрывали патроны и гранаты под водой, придумывали специальные подводные свистки и трещотки. Но вначале дело никак не шло на лад. Звук рассеивался в воде, расходился во все стороны, эхо было слишком слабым, и его легко можно было спутать с другими звуками моря.

«Не попробовать ли вместо звуковых какие-нибудь другие волны? — решили учёные. — Вот, например, обыкновенный световой зайчик — ведь это тоже эхо, отражение световых волн».

Но свет плохо распространяется в воде, он распадается на лучи разного цвета и быстро поглощается морской водой. На глубине всего лишь тридцати метров свет самого сильного прожектора слабеет в сто раз!

Радиоволны, отражаясь от металлических предметов, тоже могут возвращаться в виде эха. Посылая во все стороны мощные радиолучи, можно даже сквозь туман и ночную темноту нащупывать отражённым «радиозайчиком» самолёты в небе, машины в открытой степи, корабли в океане. Но и радиолучи не распространяются в воде; она непроницаема для них, как сплошная стальная стена. Поэтому эхо радиосигналов нельзя применить ни для связи с подводными лодками, ни для измерения океанских глубин.

Единственным зондом, способным пробить толщу морской воды, оказался мощный ультразвуковой луч.

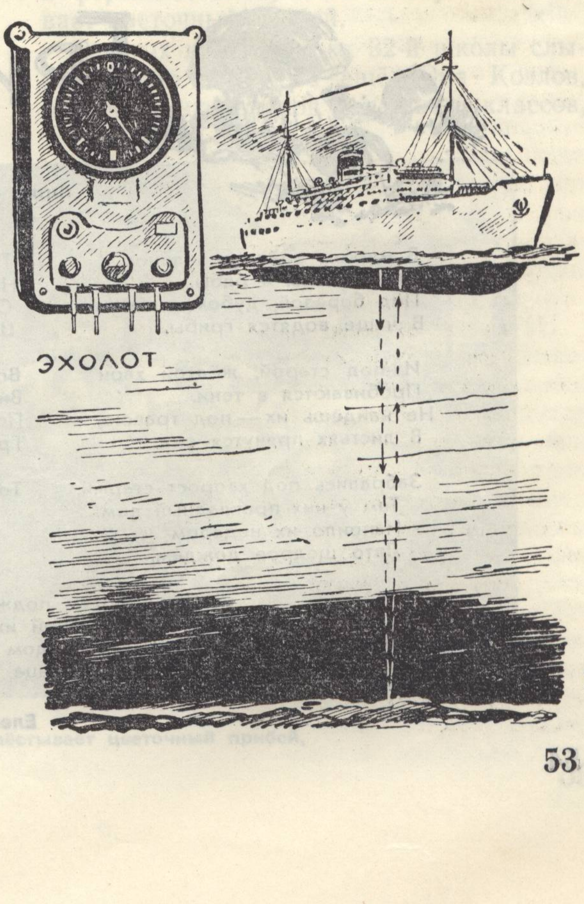
Прибор, который посылает неслышные для человеческого уха сигналы и ловит их отражения, изобретатели назвали эхолотом, от слов «эхо» и «лот» — старинный морской прибор для измерения глубин.

Уже построив эхолот, учёные узнали, что ультразвуковым эхом умеют пользоваться и некоторые животные.

Как летучие мыши находят дорогу в темноте? Как они ловят на лету ночных насекомых? Эти вопросы давно интересовали натуралистов. Быть может, летучие мыши способны видеть во тьме, или они обладают удивительным обонянием, или способны осязать предметы, даже не прикасаясь к ним?

Чтобы разрешить эту загадку, учёные проделали такой опыт. В совершенно тёмной комнате были протянуты в разных направлениях верёвки, увешанные маленькими колокольчиками. Затем в комнату впустили летучую мышь с глазами, залепленными воском. И слепая мышь совершенно беззвучно порхала по комнате, не задевая за верёвки. Колокольчики ни разу не звякнули.

Тщетно ломали голову исследователи над этим загадочным явлением. Тайна разъяснилась лишь тогда, когда появились приборы, способные улавливать ультразвуковые колебания.

Оказалось, что во время полёта летучая мышь всё время попискивает, двадцать — тридцать раз в секунду, но этот тончайший писк не улавливается человеческим ухом. Ультразвуковые волны отражаются всеми предметами, лежащими на пути животного, а мышь своими огромными ушами улавливает неслышное эхо и совершенно безошибочно находит дорогу в полной темноте.

Конечно, такая «звуковая локация» очень несовершенна, и человек со своими ультразвуковыми приборами далеко превзошёл природу: он может улавливать неслышное эхо не за сантиметры, а за десятки километров.

Современный эхолот испускает звуки с частотой колебаний в сорок тысяч раз в секунду. Такой мощный, но неслышный ультразвук не распространяется во все стороны, не рассеивается бесполезно в воде, а мчится вперёд узким пучком, как сильная струя воды или луч прожектора. Его направляют прямо вниз, и, отразившись ото дна, ультразвуковой луч возвращается назад в виде эха, тут-то его и ловит специальное «ультраухо».

Наблюдателю нет надобности при этом делать утомительные подсчёты. Приборы эхолота мгновенно определяют глубину под кораблём, и перед судоводителем в окошечке сразу появляется либо кривая, вычерченная на ленте самопишущим пером, либо цифры.

Но ультразвуковой луч можно направлять не только прямо вниз. Специальный прибор для прощупывания пути перед кораблём и окружающего пространства называется гидролокатором, или асдиком.

«Звуковой глаз» асдика, вращаясь под дном корабля, осматривает подводный горизонт и сообщает на палубу обо всём, что видит вокруг. Его сигналы можно либо наблюдать на экране, либо прослушивать в специальных наушниках, где беззвучная речь ультраэха превращается в слышимые звуки.

Гидролокационные приборы позволяют кораблям отыскивать дорогу в тумане и темноте, предупреждают о появлении айсбергов — пловучих ледяных гор — и встречных судов. Спасательные суда прощупывают дно в поисках затонувших кораблей.

В последнее время эхолоты стали применять и для «разговоров» с обитателями океана: рыболовные суда отыскивают в глубине косяки рыб и прослеживают их путь.

И слабые голоса рыб и могучий голос бурь, неизвестные раньше людям, всё громче звучат в металлических «ушах» приборов, созданных нашими учёными. С каждым годом всё больше узнают советские люди о морских глубинах.

ГРИБЫ

Фриц Вейхельт

В мягком войлоке зелёном,
Разноцветны и рябы,
Под берёзой, дубом, клёном
В чаще водятся грибы.

Из-под старой, жёлтой хвои
Пробиваются в тени.
Не найдёшь их — под травою,
В листьях прячутся они.

Забрались под хворост старый,
Там у них прохладный дом.
Напоило их недаром
Лето щедрое дождём.

Тёплой влагой понемножку
Насыщаясь день—другой,
Стала сильной, крепкой ножка,
Шляпка — плотной и тугой.

Вот они. Нагнись пониже,
Видишь, ждут тебя, грибник,
Подосиновик и рыжик,
Груздь, маслёнок, боровик!

Тот в коричневом уборе,
Этот вон какой толстяк!
Хочешь, режь ножом под корень
Иль бери их просто так.

А потом поджарь к обеду
И сметаной их заправь —
И в твой дом ворвётся лето,
Запах солнца, леса, трав...

Перевели с немецкого
Елена Николаевская и Ирина Снегова.

ЮНЫЕ САДОВНИКИ

Л. Воронкова

ПЕРВАЯ КЛУМБА

На тихой окраинной улице Костромы среди маленьких домиков, похожих на деревенские, стоит большое здание средней школы № 32. Белые стены, огромные солнечные окна, а кругом зелень сада и радостный пёстрый ковёр цветников. Весной около белых стен цветут яблони, а как только отбушует метель яблоневых лепестков, начинают раскрывать свои яркие венчики цветы-летники: бесхитростные петуньи, бархатные лепестки анютиных глазок, колокольчики душистого табака... А там зацветают и многолетники: поднимаются стройные гладиолусы нежнейшей раскраски, пышными шапками распускаются белые, розовые и светлолиловые флоксы, мощные георгины, будто стараясь друг перед другом, раскрывают свои яркие щедрые цветы разных колеров, оттенков и форм... К концу лета школу захлёстывает цветочный прибой.

О юных натуралистах 32-й школы слышно давно. Когда-то ещё Юра Козлов, один из школьников младших классов,

К концу лета школу захлёстывает цветочный прибой.

ездил на слёт юннатов в Мичуринск. Из Мичуринска Юра привёз множество интересных сведений по части садоводства и цветоводства и бесконечный запас рассказов о том, что делают юннаты в других городах страны. Школа встрепенулась, оживился юннатский кружок. Захотелось и самим что-то посадить, что-то вырастить... Тут-то и подхватила эту живую мечту Ольга Константиновна Савинкова, умная, любящая по-настоящему своё дело учительница биологии, хороший друг юннатов. Помогал ей в этом весь дружный коллектив учителей.

Но юннатская работа требует много терпения и времени. И немало прошло месяцев и даже лет, пока зазеленел и зацвёл пришкольный участок. Пусто и печально было здесь раньше — ямы, пустыри, картофельные участки, принадлежащие жителям соседних домов... Ямы юннаты засыпали, бугры сравняли. Директор школы Николай Иванович Сидоров распорядился привезти удобрений для участка. Вскоре первые яблоньки развернули свои робкие листочки на школьном дворе. А затем появились яблоньки и в маленьких двориках возле домов, где живут ученики этой школы. Теперь уже никто из ребят-школьников не залезет в чужой сад, не сломает ради озорства плодоносящую ветку — они узнали, сколько труда и заботы требует каждое деревцо, пока оно вырастет и принесёт плоды.

Потом перед школой появилась цветочная клумба. Небольшая клумба, и цветы незатейливые—ноготки, маргаритки, анютины глазки... Но это была первая школьная клумба в Костроме!

ПИСЬМО В ГАЗЕТУ

На следующий год по примеру 32-й школы появились клумбы и около других школ. Но юннаты 32-й школы не хотели уступить первенства — возле прошлогодней клумбы поднялась маленькая аллея цветущих флоксов. А в 1950 году школьники и учителя 32-й школы через «Комсомольскую правду» обратились ко всем школьникам Советского Союза с призывом: «Украсим родную школу цветами!»

После такого призыва взялись за цветоводство всем школьным коллективом. Тут уже не отступишься, надо показать пример другим, надо выполнять обязательства!

Ребята довольны: флоксы уже раскрыли свои пышные султаны.

Ранней весной на окнах классных комнат появились ящики с землёй, в них была посеяна цветочная рассада. Во всех классах ребята с любопытством и радостью следили за всходами: вот наклюнулся росток, вот он приподнялся, сложив листики, будто крошечные ладошки, вот эти листики раскрылись — и у каждого цветка они разные... Живые уроки ботаники проходили перед глазами ребят. Рассады выросло столько, что и себе хватило и с другими школами поделились. На школьном дворе в том году раскинулся богатый цветник. Тут были и георгины, и флоксы, и гладиолусы, и астры, и всевозможные летники — всего пятьдесят два вида различных цветов. Кроме того, ребята посадили цветы в центре города, на Пролетарской улице. Весёлые розовые петуньи раскрылись около горячего серого асфальта, сразу украсив улицу, а в сумерках белые звёзды душистого табака разливали свой аромат. И прохожие, любуясь цветником, с благодарностью говорили:

— Это всё ребята из тридцать второй школы вырастили. Своими руками посадили!

Сначала у школы было мало земли, всего восемь — десять соток. Постепенно стараниями директора участок этот расширился. Николай Иванович Сидоров добился, чтобы землю, окружающую школу, отдали школе, нашёл средства, чтобы приобрести всё нужное для юннатского хозяйства: грабли, вёдра, лейки...

Может быть, вспоминает бывший юннат Гена Баранов — он сейчас уже в Советской Армии,— как он приходил поливать грядки со своими ведром и кружкой... Кроме всех других юннатских богатств, в школе теперь шестьдесят парниковых рам для выращивания цветочной и овощной рассады. И в глубине сада стоит теплица. Такой теплицы нет ни у одной костромской школы. А земли у школы уже не десять соток, а полгектара и даже чуть побольше.

Нельзя сказать, чтобы все соседи были очень довольны, когда у них отрезали по кусочку земли для школы. Одна владелица картофельных грядок высунулась из окна и кричала через забор:

— Придумали! Воткнули в землю какие-то прутики и говорят: сад!

Но эти прутики очень быстро поднялись, зазеленели, и сейчас пышные кусты смородины разрослись так густо, что совсем заслонили старый, потемневший забор.

Со смородиной особенно усердно работал юннат Женя Самойлюк. Он укоренял черенки, вскапывал и удобрял вокруг кустов смородины землю, прикрывал навозом от холодов...

НА ВЫСТАВКУ

Чудесные цветы, выращенные ребятами 32-й школы, цветут сейчас и в Москве, у Павильона юннатов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Тысячи посетителей, приезжающих со всех концов страны, любуются ими.

Двенадцать учеников этой школы — участники выставки. Есть среди них не только цветоводы, но и огородники и полеводы. Почётное право участвовать на выставке все они завоевали своими делами, своим трудолюбием, своими интересными опытами.

В нынешнем году юннаты 32-й школы получили драгоценный подарок с Дальнего Востока. Цветовод Георгий Евстафьевич Сержант прислал им богатейшую посылку — целый килограмм деток гладиолуса. Это примерно тысячи три будущих новых цветов. И Женя Самойлюк, тот, который разводил смородину, взялся вырастить пятьсот штук к будущему году. Другие ребята тоже взялись за выращивание. Часть деток они посадили пораньше, и пока на улице весна боролась с заморозками да со студёными ветрами, держали всходы в теплице.

Интересно заглянуть в юннатскую теплицу весной. Как же густо она населена! В несколько этажей стоят здесь ящики с рассадой, с тронувшимися в рост клубнями и луковицами, с черенками... Тут выглядывают распикированные сеянцы летников, там черенки георгинов и флоксов тянутся к стёклам, словно просятся на волю, в грунт... Острые, зубчатые листики астр и тоненькие зелёные стрелки гладиолусов поднимаются над стенками ящичков. А в тёплом и влажном затемнённом местечке, под стеклом, тихо творится чудо: из разрезанных на кусочки листьев бегонии рекс прорастают корешки и побеги новых растений...

В школьной теплице.

Сколько здесь интересных опытов, наблюдений, и какой простор выдумке и инициативе пытливых юных натуралистов!

Кто не слышал, не читал о торфоперегнойных горшочках? Как известно, их широко применяют для выращивания овощной рассады.

Однако юннаты 32-й школы подумали так:

если капустная рассада лучше приживается в этих горшочках, то почему бы нам не попробовать выращивать в них и цветочную рассаду? Ведь и цветам при пересадке в грунт туго приходится: и у них часть корешков гибнет!

Юра Суслов в прошлом году много занимался летниками. Он выращивал душистый табак посевами в грунт и рассадой. Двести сорок корней этого прелестного цветка вырастил Юра. В прошлом году он со своим звеном сажал цветник на центральной площади города. И чтобы к наступающему лету его питомцы подготовились пораньше и цвели ярче и богаче, Юра весной посеял петунью в торфоперегнойные горшочки.

Такой же опыт с торфоперегнойными горшочками провёл и Женя Густов, один из самых вдумчивых и трудолюбивых юннатов 32-й школы. Женя посадил в торфоперегнойные горшочки несколько георгинов. Георгины — его давнишняя любовь, ещё с четвёртого класса. Когда зацветут георгины, ему кажется, что в школьном цветнике наступает праздник. Многообразие этих цветов не имеет предела. И простые, и махровые, и полумахровые... Лепестки их то завёрнуты трубочкой, то лежат маленькими атласными черепичками, то торчат круглыми бархатными ушками, то разбрасываются широко и свободно, словно непослушные вихры. А какая гамма красок! Тут и чёрно-пурпуровая «аида» и чисто белый «адлер», будто прохладный ком снега на зелёных ветвях. Тут фиолетовая «синяя птица» и нежнорозовый «фламинго», словно пронизанный сиянием утренней зари. Жёлтые, шарлаховые, красные с белыми полосками, карминные с белым, вишнёво-красные и сиреневые...

Но не все они хорошо растут под холодноватым небом Костромы. Многие — нежные, теплолюбивые — не хотят цвести здесь. И Женя Густов задумал привить красивые, но слишком нежные цветы на не особенно красивые, но выносливые георгины.

Смородина созрела! Идёт сбор урожая.

Есть у него один такой сорт. Лепестки неопределённого ржавого цвета, форма цветка не всегда правильная. Но георгин этот сильный, с мощным корневищем, не боящийся холода. Вот этот-то георгин и взял Женя в качестве подвоя.

Девять разных сортов привил он на кустики своих ржавых георгинов. И каждый раз, как только появлялись бутоны, он ждал: какой же цветок развернётся теперь?

Раскрылись бутоны на первом кустике... Ничего! Те же самые ржавые цветы, не радующие глаз. Раскрылись на втором — то же самое. На третьем, на четвёртом — как будто и не было никакой прививки! Расцвёл последний, девятый — опять грязно-рыжие лепестки... И вдруг, когда юннат решил, что из его опыта ничего не вышло, этот девятый кустик дал ещё три цветка. Они были безукоризненной формы и прелестной окраски: палевые лепестки с белыми кончиками. Прививал он на этот куст яркоалый георгин «Зою Космодемьянскую», а цветы получились не похожие ни на подвой, ни на привой: совсем особые.

В прошлом году у Жени было девяносто восемь георгиновых черенков. В этом году он укоренил уже триста сорок.

Увлекается выведением новых сортов и Юра Желтов. Он выращивал летники — бархатистые цветы львиного зева, богатые разнообразием колеров и обильные в своём цветении. Выращивал также астры — белые, темнокрасные, фиолетовые и голу-

Юннатский цветник на Советской площади.

бые. Эти нарядные цветы, пышно цветущие до поздней осени, всегда украшают цветник и радуют глаз человека.

Потом он решил вывести новый сорт гладиолуса — скрестить светлые сорта с тёмными. Эти стройные, изящные цветы, такие разнообразные в своей окраске и оттенках,— любимцы юннатов 32-й школы.

Саша Акатов сначала разводил душистый табак и собирал его семена. Он собрал этих семян 155 граммов. Чтобы оценить его труд, вспомните, что семена у табака крохотные, с маковое зёрнышко. Сколько же будет цветов!

Потом появилась новая мечта. Летники уж очень недолго живут — лишь от весны до осени.

Совсем другое дело — многолетние цветы. Они не умирают осенью: они с каждым годом всё разрастаются, делаются всё красивее. И Саша стал разводить флоксы.

Весной, лишь только сошёл снег и зазеленели маленькие ростки флоксов, поднявшиеся от корневищ, Саша тщательно проредил эти ростки. Пусть будет меньше стеблей, зато будут крупнее цветы. А удалённые ростки он посадил в ящик, под стекло. Когда они укоренились и подросли, он подкормил их, через две недели подкормил ещё раз. В августе флоксы зацвели, не уступая зимовавшим.

«Флокс» в переводе с греческого значит «пламя». Издали эти цветы со своими пышными шапками действительно кажутся лёгкими, как языки пламени — то снежно-белого, то розового, то огненно-красного... Целые костры цветочного пламени каждое лето бушуют возле 32-й школы.

РАССЕЛЕНИЕ ЦВЕТОВ

Но всё-таки мало земли у юннатов 32-й школы. Ведь школа-то городская! Земли мало, а ребята собирают такое множество цветочных семян, такую массу выращивают цветочной рассады! И тут открывается широкое поле деятельности. Цветы должны быть не только около 32-й школы, они нужны и другим. После того, как был напечатан призыв «Украсим цветами родную школу!», в адрес юннатов 32-й школы полетели письма от школьников из разных концов Союза с просьбой поделиться опытом и прислать цветочных семян. Пришлось ребятам хорошо потрудиться. Теперь уже не только члены юннатского кружка, а вся школа, все семьсот двадцать ребят, от малы-

шей до выпускников, превратились в цветоводов.

Каждый по своему умению участвовал в общем деле: кто копал, кто сажал, кто пикировал. Володя Обозов усердно черенковал и укоренял георгины.

Витя Волков вырастил 650 кустов душистого табака — целый сад! Вадим Предтеченский собрал 352 грамма семян астр. Слава Виноградов и Костя Кузнецов собирали семена душистого табака, астр, пиретрума. Они заботливо сушили их, очищали, ссыпали в мешочки и бережно хранили всю зиму эти будущие цветники далёких школ.

Юные костромичи любовно и заботливо рассылали свои посылки. Особенно хлопотали с георгинами: завёртывали, укутывали, боясь, как бы не помёрзли в пути клубни. И нынче во многих городах и сёлах зацвели цветы костромских юннатов.

Когда народы всего мира поднялись против угрозы новой войны, 32-я школа Костромы обратилась ко всем советским школьникам с призывом:

«Вырастим цветы мира! Пусть эти цветы, посаженные нашими руками, будут символом мира, который так горячо желают сохранить все советские люди, от мала до велика!..»

Живей прежнего закипели дела. Ребята расширили пришкольный цветник, посадили пятьсот новых кустов многолетников, свои подшефные цветники на Советской площади и на Пролетарской улице обогатили новыми цветами, устроили цветники у своих домов, вырастили ещё тысячу кустов георгинов, наделили жителей города рассадой и семенами цветов...

И призыв к ребятам других школ, подкреплённый живым примером, не остался без ответа. Цветы мира, посаженные руками школьников, всё богаче и краше расцветают на мирной советской земле.

СЕРЁЖА ищет карандаш

Геннадий Мамлин

Сегодня в доме ералаш:
Серёжа ищет карандаш.

— Я положил его в буфет.
Кто карандаш мой трогал?
У вас порядка в доме нет! —
Сказал он маме строго.

Вооружился кочергой
Для поисков Серёжа.
И для начала он ногой
Котёнка пнул в прихожей.

Искал в шкафу, вставал на стул,
Ничком ложился на́ пол,
Он под диваны заглянул,
Он с полки вазочку смахнул,
И стол он поцарапал.

Поднялся в доме ураган.
Упал со шкафа чемодан,
И пронеслись под потолком
Подушки, Брема толстый том,
Тетрадки, и газеты,
И прочие предметы.

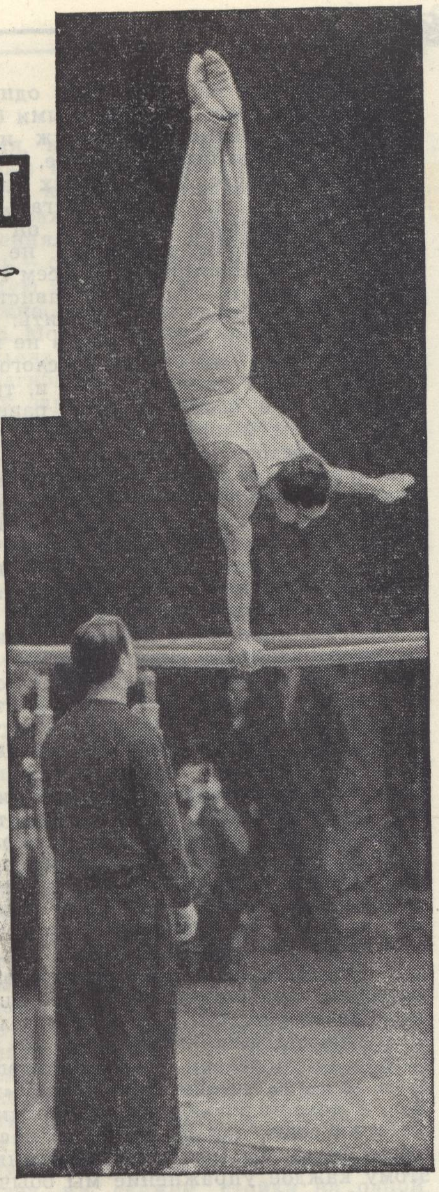
Ворчала бабушка:
— Кидай,
Кидай бельё, проказник.
Прошёл по дому, как Мамай,
Устроил бабке праздник...

Обшарив комнаты, Сергей
Нашёл пропажу всё же
В кармане курточки своей,
На вешалке в прихожей.

— Кто ищет,— гордо он сказал,—
Тот всё найдёт на свете.
Пускай лежит он, где лежал,—
На полочке в буфете.

Похлопав брата по плечу,
Швырнув под шкаф тетрадку,
— Дай срок,— сказал он,—
приучу
Я всю семью к порядку.

ТО, ЧТО ПРИНОСИТ ПОБЕДУ

В. Чукарин,
абсолютный чемпион мира по гимнастике.

В детстве я никогда не думал, что из всех видов спорта самым любимым для меня станет гимнастика. Гимнастикой по-настоящему я стал заниматься очень поздно — в семнадцать лет. А до этого увлекался греблей, коньками, плаванием и, как большинство мальчиков, футболом. Я и увидел-то гимнастов в первый раз, когда мне было лет пятнадцать.

Наша футбольная команда играла в День физкультурника на городском стадионе с другой детской командой. Перед игрой были показательные выступления гимнастов. И так это было интересно, что на следующий же день мы взялись сооружать в нашем дворе турник. Очень хотелось самим повторить понравившиеся упражнения: «солнце», стойку. Сделать это мы, конечно, не смогли, пришлось удовольствоваться упражнениями, значительно менее сложными. Но гимнастика с того времени стала меня очень интересовать, особенно когда я поступил в техникум. В техникуме ребята тоже очень увлекались турником. Он стоял во дворе, перед зданием техникума, и каждую перемену вокруг него толпилось много студентов: все старались показать своё искусство. А Ваня Петров, лучший мой приятель, так крутил «солнце», что я не выдержал: когда была запись в спортивные секции, я пошёл в гимнастическую.

И тут, к моему удивлению, я довольно быстро добился успеха: через год сдал нормы на третий гимнастический разряд, потом на второй, на первый, а через четыре года — и нормы мастера. И что было самое, на мой взгляд, странное,— ребята, которые раньше, до техникума, занимались гимнастикой, увлекались ею ещё в школе и ни о чём другом слышать не хотели, эти ребята стали от меня в гимнастике отставать.

Теперь-то я понимаю, в чём было дело. Мои разнообразные и круглогодичные занятия спортом — футбол, гребля, плавание, коньки — дали мне хорошую подготовку, дали, как мы говорим, общее физическое развитие. А ведь для любого спорта это самое главное.

Я разговаривал с тренерами по хоккею, по лыжам, по футболу. Из ребят, которые с детства выбрали себе какой-нибудь один вид спорта и занимались исключительно только им, редко получаются хорошие спортсмены. У них однобокое развитие. Вот, например, волейбол. Хорошая игра, но что получается, если ребята увлекаются только волейболом? У них хорошо развиты кисти рук, хорошая «прыгучесть», точность удара — вот и всё. Этого, может быть, достаточно, чтобы неплохо играть с командами средней силы, но чтобы стать мастером, играть так, как играют наши лучшие команды, нужно гораздо больше. Нужна выносливость, которую дают лыжи, хорошая координация движений, которую даёт гимнастика, нужна быстрая реакция и ещё десятки вещей, которые хорошо развиваются другими видами спорта, особенно, если заниматься ими с детства.

Вот так же и в гимнастике. Гимнастикой обязательно надо заниматься всем ребятам без исключения. Но нельзя заниматься только одной гимнастикой. Я очень люблю её, но отдавать всё своё свободное время только гимнастике я не могу. Прежде всего скучно так ограничивать себя, да и не полезно, как я вам уже говорил. Кроме гимнастики, я занимаюсь греблей, плаванием, лыжами, коньками, тяжёлой атлетикой. По всем эти видам спорта я сдал нормы и получил спортивные разряды. Почему я так сделал?

Потому, что всякое дело приносит пользу только тогда, когда выполняешь его как сле-

Звание чемпиона мира по гимнастике завоевали два советских гимнаста — Виктор Чукарин и Валентин Муратов; они получили равное число очков. На фотографии вы видите, как безукоризненно выполняет В. Муратов опорный прыжок через коня.

дует, а не как-нибудь. И мне важно было проверить, действительно ли я хорошо выполняю то, за что взялся.

Некоторые ребята обманывают себя, думая: «Я сдал нормы на значок БГТО и занимаюсь на уроке физкультуры. Для общего развития этого достаточно». БГТО и уроки в школе, если заниматься как следует, — это, конечно, очень много. Но вы часто сдаёте нормы, не особенно заботясь о том, чтобы выполнить их как можно лучше.

Обязательно делайте в полную меру своих сил всё, за что берётесь. Именно всё, а не только то, что любите, что хорошо получается.

Нельзя увлекаться чем-то одним и в занятиях гимнастикой. У меня раньше был такой грех. Я очень полюбил упражнения на брусьях, и получались они у меня лучше остального. В других снарядах я отставал. И поэтому мне хотелось как можно больше заниматься брусьями. Но, конечно, пока я не взялся всерьёз за все снаряды, настоящего гимнаста из меня не получилось. Мы состязаемся в двенадцати различных видах упражнений, ни один из наших снарядов не сходен с другим, но надо равно хорошо владеть ими всеми. Гимнаст должен быть многоборцем. А новички обычно обращают весь свой пыл на что-нибудь одно. У мальчиков чаще всего излюбленными бывают силовые упражнения. Очень уж им хочется, чтобы мускулы были большие.

Бывают, знаете, у некоторых такие огромные бицепсы, что даже двигаться трудно. Окликнешь такого силача, а он из-за своих мышц головы повернуть не в состоянии, разворачивается к тебе всем туловищем. Такие бицепсы — предмет зависти многих мальчиков. Должен их огорчить: в детстве, как ни старайся, таких шаров не наживёшь. Это возможно лишь для взрослого человека, потому что он уже не растёт и, тренируясь, развивает не весь организм равномерно, а лишь объём мышц. Так что это украшение вы приобретёте лишь в том случае, если остановитесь в росте. Вообще, на мой взгляд, трудно придумать что-нибудь более бессмысленное, чем подобное занятие: развивать мускулы ради самих мускулов. И тем, кто любит гимнастику, кто хочет ею успешно заниматься, надо знать, что гимнасту такие неповоротливые мускулы не нужны.

Сила-то, конечно, гимнасту нужна. Гимнастика и развивает силу и требует её. И мы были очень удивлены, узнав, что среди гимнастов есть и такие, кто считает, что физическая сила не имеет значения. Эта точка зрения преобладает за рубежом. Шведские гимнасты, немецкие, французские виртуозно владеют техникой, а физическую силу ставят ни во что. Каждый гимнаст старается выполнить упражнение так, чтобы затратить как можно меньше сил. Ну, например, большие обороты на перекладине — «солнце» — можно сделать с прямой спиной, а можно — прогнувшись назад. Шведские гимнасты делают с прямой спиной: так легче.

Я убеждён, что надо искать экономные, выгодные движения. Но это не значит, что сила не нужна. Мы тоже часто делаем большие обороты, выпрямив спину. Но мы совершенно легко делаем их и прогнувшись, при этом меньше устаём, чем наши «противники», и делаем последнее упражнение с такой же точностью, как и первое. У нас большой запас силы, мы можем не скаредничать, поэтому каждое упражнение мы обычно повторяем большее число раз, чем зарубежные спортсмены.

Гимнасту необходимо иметь «резерв мощности». Вот, например, упражнения на коне. Маленькая потеря равновесия, всего на два — три сантиметра отклонишься больше, чем надо, — и летишь со снаряда на землю. Удержаться можно только значительным усилием мышц. Трудный снаряд — гимнастический конь. Не любит он слабых людей. И хоть это не специально силовой снаряд, работать на нём можно уверенно, только если у тебя хороший запас сил.

Наши гимнасты много работают над тем, чтобы развить физическую силу. Я, например, поднимаю гантели, растягиваю резиновый эспандер, сделал дома специальную планку для подтягивания и других силовых упражнений, занимаюсь акробатикой, прыгаю по утрам со скакалкой для развития мышц ног. Очень советую и вам прыжки и

подтягивания, неплохо также выжимать по нескольку раз гири, только не очень тяжёлые, не более килограмма весом.

Но эти упражнения не надо делать по утрам. Утренняя зарядка преследует совсем другую цель — она развивает не физическую силу, а общую подвижность.

Сила должна сочетаться с гибкостью, с подвижностью. Моя утренняя гимнастика целиком направлена на растягивание мышц: сгибание и разгибание корпуса, мост, шпагат. После такой зарядки я весь день чувствую себя бодрым. И если мне не удаётся иногда выполнить её, то целый день тело кажется мне неповоротливым, мышцы какими-то одеревенелыми. А у гимнаста они должны быть послушными.

Очень советую вам делать утреннюю зарядку, но только, конечно, не такую, как я, а просто вольные упражнения БГТО. Они прекрасно развивают гибкость.

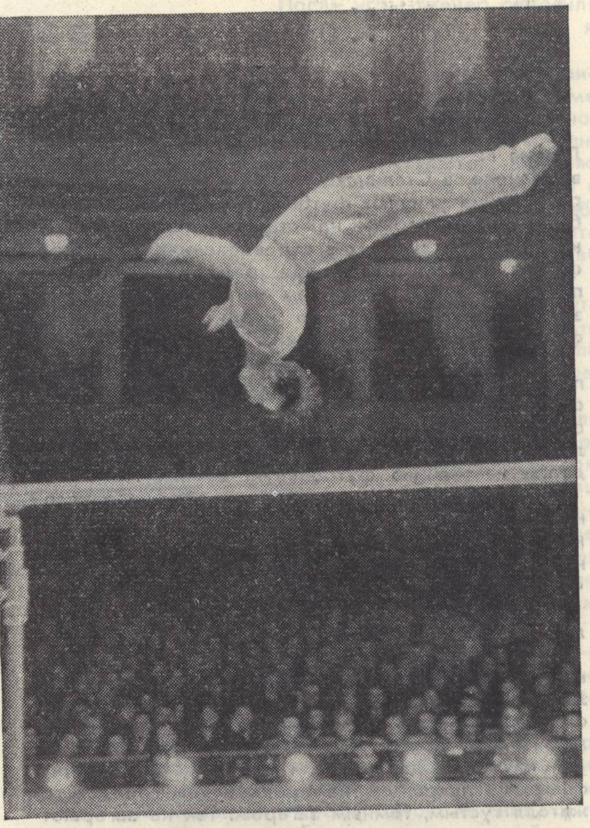
Почему я не советую свою зарядку? Потому что делать по утрам мосты и шпагаты может только взрослый спортсмен. А ребятам этими упражнениями особенно увлекаться не следует: это может развить сутулость, некрасивый прогиб спины, сделать движения расхлябанными.

Гибкость обязательно надо развивать, но нельзя злоупотреблять этим. Упражнения должны быть разнообразными. И тогда никакой сутулости не получится. Вы разовьёте разные группы мышц, в том числе и те, которые держат спину, не дают некрасиво выгнуться.

Вот сейчас начался учебный год, каждую неделю вы занимаетесь физкультурой на уроках, сдаёте нормы БГТО, начали тренироваться в секциях. Мне хочется, чтобы вы с самого начала знали, что для победы в спорте обязательно нужно воспитывать в себе определённые моральные качества: настойчивость, решительность и умение всё делать как следует, до конца.

Есть трудные упражнения, которые не даются сразу, ну, скажем, стойка на одной руке. А делать плохо, «грязно», как говорят гимнасты, нельзя и не хочется. Вот и бьёшься тренировку за тренировкой. Зато какое получаешь наслаждение, когда одолеешь трудное!

Я и вам советую: решили выучить понравившееся вам упражнение — разучивайте его до тех пор, пока не сделаете хорошо. Только не торопитесь. Постепенно подводите себя к выполнению сложного упражнения. Вот, например, как я разучивал сальто над брусьями. Это упражнение я никогда не видел, только знал, что сделать его можно. Надо сделать стойку, оторвать от брусьев руки, перевернуться через голову и снова встать в исходное положение. Трудное упражнение. И даже решиться на него было как-то жутковато. Я начал с небольшого: кульбит, сальто на

Виктор Чукарин выполняет одно из труднейших упражнений — сальто над брусьями. Вы видите заключительный момент. Сейчас гимнаст вернётся в исходное положение, в стойку на кистях.

земле, сальто назад с вышки в воду. И только когда отработал это до автоматизма, перешёл к сальто над брусьями.

Первый раз, когда я делал это сальто, я ничего не понимал: где потолок, где пол. Уж на что, кажется, владеешь своим телом, чувствуешь любое движение, а при новом трудном упражнении это чувство исчезает, исчезает и уверенность в себе, просто по-настоящему делается страшно. Но тут ни в коем случае нельзя отступать. Страшно — не страшно, а делай! Ведь таких людей, которые бы совсем ничего не боялись, не бывает. Тут важно другое: умение одолеть свой страх в самых тяжёлых обстоятельствах. И гимнастика вырабатывает это качество.

Я знаю, что если вам будет даже страшновато сделать первый раз какое-то упражнение или будет трудно выучить его как следует, вы всё-таки одолеете свой страх и добьётесь победы над собой, над собственной слабостью. И в этом — самая важная победа спортсмена. Без неё никакие победы невозможны.

Команды выходят на поле

А. Хмелик

Новость принёс во двор дома № 1 по улице Лакина вездесущий Миша. Он слышал, что у них в Иванове, в Сталинском районе, проводятся соревнования уличных футбольных команд, что ребят пускают играть на стадион и что у всех команд, участвующих в соревнованиях, есть своя форма. По правде говоря, ребята не очень-то поверили Мише. Слишком непохоже было всё это на трудную, полную неприятностей жизнь футболистов с улицы Лакина.

Но вскоре слух подтвердился. И ребята даже побывали на стадионе, когда там происходила финальная встреча детских команд на первенство Сталинского района. Вот после этого-то Валерка Ермаков и предложил организовать во дворе настоящую футбольную команду.

И, конечно, не нашлось среди ребят ни одного, кто возразил бы против валеркиного предложения. Но тут же возникло и множество недоуменных вопросов. Хорошо, организуем команду, а что потом? С кем играть? Где? Что изменится?

— Давайте зайдём в пионерский клуб,— предложил Миша. — Может, что-нибудь посоветуют.

Клуб пионеров занимает несколько просторных комнат в первом этаже дома № 1 по улице Лакина. В клубе работают разные кружки, но футболисты раньше заходили туда редко: для любителей спорта там было мало интересного.

В клубе ребята увидели худощавого мужчину с лицом, покрытым необычным для городского жителя густым, тёмным загаром. Так не загорают на даче или на пляже, так можно загореть только в походе, на ветру. Миша сразу узнал Василия Михайловича Купоросова. Он не раз его видел до этого в городском детском парке. Там, в парке, ребята говорили, что Василий Михайлович — неутомимый путешественник. Словом, ясно было, что это настоящий спортсмен, и ребята подошли к нему. Оказалось, что Василий Михайлович — как раз тот человек, который может помочь им. Он новый заведующий клубом. Выслушав рассказ ребят об их злоключениях, он сказал:

— Принесите завтра список команды. Да не забудьте указать, у кого какой размер обуви.

— А про обувь зачем? — удивился Миша.

— Как зачем?! Бутцы вам нужны? Нужны.

Ребята принялись за работу тут же. Оказалось, составить списки команды не так-то просто. В команду надо было включить лучших игроков. Но играть хотелось всем. Каждый доказывал, что он, во всяком случае, футболист не хуже других и его обязательно надо включить в список.

Примирил всех Василий Михайлович.

— Если у вас так много хороших игроков, составьте не одну команду, а две или три.

А через несколько дней Василий Михайлович принёс в клуб одиннадцать футболок красного цвета, одиннадцать — синего и бутцы.

— Вот вам подарок от Меланжевого комбината,— сказал он.— В понедельник начинаем тренировки. Тренироваться будете три раза в неделю на стадионе комбината под руководством Николая Августовича Бестиани.

О Николае Августовиче ребята не раз слышали как об одном из лучших спортсменов города. Заниматься под его руководством — это было здорово.

Начались тренировки. И тут стали выясняться неожиданные вещи. На одном из первых занятий тренер сказал, что он требует, чтобы все ребята приходили на стадион без опозданий и ни в коем случае не пропускали тренировок. Ребята удивились: разумеется, они и не собираются пропускать игру в футбол! Но вскоре Борис Попов пошёл в кино и опоздал на тренировку. А потом как-то Миша засиделся у речки и вообще не пришёл на стадион. Ведь во дворе ребята играли, когда вздумается, каждый приходил и уходил, когда хотел. А теперь обоим мальчикам пришлось просить извинения у команды.

Довольно много дней прошло, прежде чем все ребята поняли, что дисциплина нужна в спорте, как в любом другом деле, и привыкли к ней.

На одной из первых тренировочных игр обнаружилось и другое неожиданное обстоятельство. Оказалось, что в команде один вратарь, один защитник и девять нападающих.

— Это что-то новое в футболе,— улыбнулся тренер, увидев, как они играют.

А ребята привыкли играть так. Кому охота стоять в защите! Хочется бегать по полю, атаковать, забивать

Это был трудный мяч, он шёл в верхний угол ворот. Посмотрите, как снижает его вратарь «Звезды», чтобы затем взять в руки.

Игроки нападения борются за мяч. Сейчас от них зависит, к чьим воротам перейдёт игра, какая команда захватит инициативу.

После игры тренер спросил:

— Вам понятно, почему я не позволил ругать Рому?

Долго объяснять не пришлось. Ребята поняли, что Роме самому было очень неприятно, и если бы в тот момент команда его разругала, он, возможно, махнул бы на всё рукой и допустил ещё не одну ошибку. После этого случая ребята никогда не пререкаются во время игры.

Многому научились ребята на тренировках. И в эти дни им по-настоящему стало ясно, что раньше они не играли в футбол, а гоняли мяч.

И у ребят появилась новая мечта. Хотелось иметь своё собственное поле. Совсем рядом с домом был пустырь, на котором вполне можно было устроить хорошее поле. Но вот беда: на пустыре были такие бугры, что, глядя на них, ребята только вздыхали:

— Сюда шагающий экскаватор нужен.

И опять ребят выручили их старшие друзья — рабочие Меланжевого комбината. Однажды на улице Лакина послышался шум мощного мотора, и на пустырь дома № 1 выехал бульдозер.

Так началась стройка. В тот же день на пустырь пришли ребята с носилками, граблями, лопатами.

И вот однажды по свистку судьи на поле вышли две команды. Игроки одной из них были одеты в красные футболки с пятиконечной звездой на груди, у игроков другой команды на синих футболках красовалось изображение летящей птицы. Это были команды «Звезда» и «Сокол» — футболисты с улицы Лакина.

голы. Тренер всё это прекрасно понимал, но, тем не менее, решил, что Гене Мурашову и Вале Попову лучше перейти в полузащиту, а Рому Захарова, Славу Пушкарёва и Виталия Балана поставить защитниками. Тут же, на поле, он начал с ребятами разговор о том, что одиннадцать человек на поле — это ещё не команда. Надо, чтобы каждый из одиннадцати хорошо знал своё место, понимал свою задачу в игре, чтобы все действовали слаженно, дружно.

Футболисты с улицы Лакина всегда гордились своими нападающими. Но как они играли? Тот же самый Миша Калинин, получив мяч, рвался напролом к воротам противника. Даже когда его атаковали двое защитников, он всё равно старался сам их обвести. Немногим отличалась от мишиной и игра Валерия и Бориса. Но теперь, когда ребята вместе с тренером придумывали различные комбинации на поле, такая игра нападающих не вызывала одобрения.

Один случай заставил ребят серьёзно задуматься об отношении друг к другу во время игры.

Как-то Рома Захаров увлёкся игрой, бросил своё место защитника и помчался к воротам «противника». Он получил мяч, когда находился в двух метрах от пустых ворот, — вратарь выбежал навстречу Славе Щегулеву. Рома ударил, мяч прошёл высоко над верхней штангой. Ребята накинулись на Рому. Но тренер строго оборвал их:

— Прекратить разговоры на поле!

Рома ушёл на своё место. А через несколько секунд он спас ворота от верного гола.

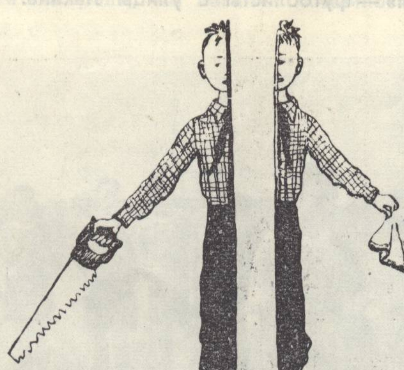
По спортивному обычаю капитаны команд перед состязанием всегда обмениваются рукопожатием. Это приветствие значит: «Мы рады встретиться, игра будет честной и корректной».

Андрейка Врушкин на утреннике

Рисунки **О. Зотова.**

Однажды у нас весь оркестр заболел,
Но я заменить его тут же сумел.
За всех я играл: на трубе, на баяне,
На балалайке и на барабане.

Я музыкант и хороший артист,
К тому же я ловкий иллюзионист.
Известного Кио заткнул я за пояс
И разом предстал перед всеми, раздвоясь.

В другом отделенье умело и споро
Блеснул я, ребята, искусством жонглёра.
На скользком мяче я стоял на весу,
А весь ширпотреб — у меня на носу.

Почему львы из пущи убежали

ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА

Рисунки А. Брея.

Не помню, в какой деревне была у крестьянина лошадь. Много лет работал крестьянин на этой лошади. Но вот пришла пора, лошадь состарилась. Жалко было крестьянину отдать её живодёру, и решил он отпустить лошадь на все четыре стороны. Так он и сделал. Вывел лошадь за околицу и сказал на прощанье:

— Теперь сама себя корми.

— Дай мне хоть стальные подковы,— взмолилась лошадь,— ведь я работала на тебя двадцать пять лет.

У мужика было доброе сердце, и он исполнил желание лошади — подковал её стальными подковами.

Побрела лошадь в зелёную пущу, в самый сосняк и можжевельник. Идёт она, идёт, а навстречу ей страшный лев с громадной гривой и острыми когтями. Завидел лев лошадь, оскалил клыки и злобно зарычал:

— По какому такому праву ты не кланяешься мне? Ведь я твой король!

Но лошадь не испугалась.

— Не заметила я тебя, потому и не поклонилась. А королём в пуще будет тот, кто сильней. Давай померяемся силами!— отвечала лошадь.

— Хорошо, — согласился лев.

— Видишь этот камень? — спросила лошадь.— Кто добудет из него огонь, тот и будет королём.

— Согласен,— молвил лев,— только начинай ты!

Ударила лошадь копытами по камню — искры так и посыпались.

— Теперь ты попробуй,— пригласила лошадь льва.

Хлопнул лев лапой по камню — хоть бы что. Ударил ещё раз, другой, третий— никакого толку. Только лапу покалечил.

— Не король я, стало быть, раз ты сильнее меня, — сказал лев лошади, поник головой и ушёл в чащу.

Шёл он, шёл и повстречал волка.

— Бью челом пану королю всемилостивейшему! — приветствовал волк льва.

— Не король я больше, — отвечал лев. — Король теперь — лошадь: она сильнее меня.

— А вот я пойду и задушу этого короля,—похвастал волк.

— Ты разгляди сначала хорошенько эту лошадь. Давай я приподниму тебя повыше.

Обхватил лев волка передними лапами, хотел поднять, но невзначай так крепко сжал, что задушил насмерть.

«Ишь ты, только увидел лошадь — и дух вон», — подумал лев.

Опечалился лев ещё больше и, ещё

ниже опустив голову, побрёл дальше. Вдруг навстречу ему ёж.

— Бью челом пресветлому пану королю,— встретил ёж льва.

— Не король я, ступай прочь! — вскричал в гневе лев.

— Ну, если ты не король, так давай играть вместе — пробежим наперегонки.

— Хорошо! — воскликнул лев и рванулся вперёд. Но ёж успел ухватиться за львиный хвост.

Домчался лев до условленного места и стал смотреть, далеко ли ёж отстал.

— Ты ищешь меня, а я давно здесь! — воскликнул ёж.

— Вот видишь,— говорит лев,— что толку в моём королевском звании, раз всякий меня опережает! Ноги моей не будет больше в пуще.

И ушёл лев в иные места, в далёкие края, где никто его одолеть не может. А за ним ушли и другие львы.

Поэтому и не стало с тех пор в пуще львов.

Обработала Э. Лемперт.

Мартышка и сверчок

ИСПАНСКАЯ СКАЗКА

Жил-был сверчок. Однажды утром ему страшно захотелось есть. Вот он и вышел из дому посмотреть, не попадётся ли что под руку. В это время мимо скакала мартышка и пихнула его ногой. Сверчок храбро выпрямился во весь свой рост и сказал:

Однако сверчок не замолчал.

— Послушайте,— сказал он,— если вы такая храбрая, то я вызываю вас на бой.

— Бой между нами? Да знаешь ли ты, что я уничтожу тебя одним взмахом пальца? — захихикала мартышка.

— Ничего,— ответил сверчок,— при-

— Хороший подарок я получил от вас, сеньорита! Нечего сказать! Воображаете себя, наверно, хозяйкой всей земли?

Мартышка, увидев, что с ней говорит такой малыш, фыркнула:

— Как ты смеешь, негодный, обращаться ко мне в таком тоне? Замолчи сию же минуту! Или я уложу тебя одним щелчком!

ходи завтра на это место с твоими бойцами, а я приду со своими.

И они расстались.

Мартышка нашла несколько волков, лисиц и львов, рассказала им о предстоящем бое и наметила план боевых действий.

Сверчок также бросился искать себе соратников. Всех оводов, ос и пчёл, каких

ему удалось встретить, он выстроил в ряд и отправился во главе их к тому месту, где была назначена встреча.

Пришла мартышка и закричала во всё горло:

— Где ты, крошка, я тебя не вижу?

Сверчок вышел вперёд и сказал с достоинством:

— Мы все в сборе и давно ждём. Где твои солдаты?

Мартышка закричала своим солдатам:

— Вперёд! Уничтожить сверчка и всю его мошкару!

Сверчок закричал своим:

— Осы, пчёлы, оводы, вперёд! Вперёд, вперёд! Жалить!

Налетели осы, пчёлы и оводы, уселись на спины волков, лисиц и львов и принялись их жалить. Те побежали. Мартышка, державшаяся позади всех, громко закричала:

— Спасайтесь скорее!

Сверчок заорал во всё горло:

— Сдаёшься?

Мартышка жалобно пропищала:

— Ради бога, сеньор сверчок, скажи своим товарищам, чтобы они хоть меня в покое оставили.

Она опрометью помчалась к реке и бросилась в воду. Там уже сидели волки, львы и лисицы. А оводы, осы и пчёлы полетали-полетали, пожужжали-пожужжали и во главе со сверчком, напевая марш победы, разлетелись по домам.

Перевела и обработала
Е. Штейнберг.

Слон и мышонок

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА

Я отважен и силён!
Ножкой топну лишь одною —
Убежит в испуге слон,
Если встретится со мною.

Давным-давно жил да был маленький мышонок. Этот мышонок вообразил себя великаном. Что и говорить! Мышонок видел одного лишь себя и кроме себя не признавал никого на белом свете. По утрам этот «великан» степенно, с важным видом сидел в своей маленькой норке, тщательно причёсывая и разглаживая свои щегольские усики. Потом он медленно вставал с места, принимал надлежащую позу и начинал усиленно топать о землю своими крохотными мышиными ножками... Проделав это, мышонок низёхонько наклонялся к земле, прислонял к ней своё ухо и прислушивался.

И знаете, для чего он всё это проделывал? Он надеялся вызвать... землетрясение. Уверенность мышонка в его собственном могуществе и величии не знала границ. Он возомнил себя самым храбрым, самым могучим зверем на всём белом свете.

Как-то к мышонку в норку забежал его дядя:

— Здравствуй, племянничек! А я к тебе с новостями. Говорят, что слон на тебя сердится. Уж больно ты зазнаваться стал! Смотри!

Маленький мышонок не на шутку рассердился.

— А что мне этот ваш слон? И знать его не желаю! Попадись он мне только на глаза, я дам ему такого жару... я покажу ему, кто я такой!

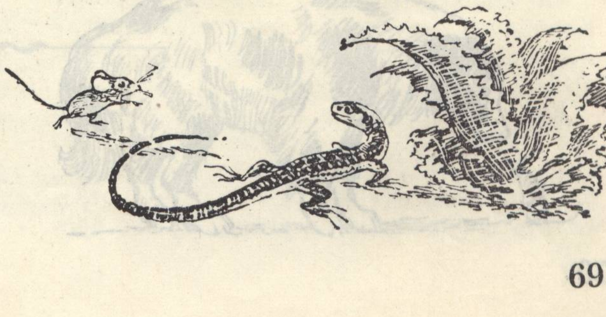
Дядя, немало повидавший на своём веку, только посмеялся над хвастливыми словами племянника и молвил так:

— Слон — это самый большой зверь на земле. Живёт он в лесу. Ещё не нашлось пока на белом свете зверя, который не побаивался бы слона... А больше, племянничек, мне сказать тебе нечего.

Услышав эти слова, мышонок расхохотался, да так громко, как только мог.

— Слон? Ха-ха! Слон! Что мне он? Вот погодите, я дам вашему слону такого жару, что он...

И решил мышонок во что бы то ни стало отыскать слона. Много-много дней шёл мышонок по горам и по лесам — всё слона искал. Наконец вышел мышонок на зелёную лужайку и увидел ящерицу. Мы-

шонок никогда ещё в жизни не видывал ящерицы. Он грубо окликнул её:

— Эй, ты! Как тебя там? Не тебя ли зовут слоном?

— Нет! Я только ящерица. А что?

— На сей раз тебе повезло. Была бы ты слоном, я бы с тобой разделался, я бы тебе дал жару!..

Долго-долго смеялась ящерица над словами мышонка. Рассердился мышонок, топнул о землю своей мышиной ножкой! И, как на грех, в эту минуту в небе ударил гром, да такой сильный, что всё вокруг задрожало: и земля, и небо, и ящерица, которой показалось, что этот страшный гром был вызван мышонком. Испуганная и дрожащая ящерица поспешно уползла в кусты.

А мышонок после бегства ящерицы ещё сильнее уверовал в своё собственное величие и могущество... Он снова двинулся в путь. Шёл он, шёл и встретил по дороге жука. Жук полз куда-то, занятый своим делом.

— Эй, ты! Приблизься сюда! Не слон ли ты?

Услышав эти слова, жук оторопел:

— Слон?! Нет, какой я слон! Я только жук!

— А, жук?! Ну, в таком случае благодари аллаха, что тебе повезло! Будь ты слоном, я бы разорвал тебя на куски!

Жук только удивлённо прожужжал что-то, смеясь над словами мышонка.

Услышав, что жук смеётся, мышонок не на шутку рассердился и изо всех сил топнул о землю своей мышиной ножкой. Но

ни грома, ни даже малейшего шума на сей раз не последовало.

— Странно! — удивился мышонок.— Почему нет грома? Земля, что ли, рыхлая?!

Жук пожужжал и уполз, а мышонок пошёл своей дорогой. Наконец, он встретил четвероногого зверя. Зверь шёл медленно, не торопясь. Он показался мышонку печальным и озабоченным.

«Это, наверно, сам слон»,— подумал мышонок и сказал громко:

— Ну, конечно, это слон! Он увидел меня и сразу понял, что ему не сдобровать теперь... Вот почему он такой печальный и озабоченный!

Но четвероногий зверь, услышав мышиную речь, рассмеялся в ответ:

— Нет, я не слон, а собака — друг человека... Человек — хозяин всей земли.

— Благодари аллаха, что ты не слон... А то бы я тебе показал! И возьми свои слова обратно! Тоже мне ещё нашёлся... друг хозяина земли! Я — вот кто единственный хозяин и властелин на земле! И не смей больше никогда забывать об этом! Поняла?

Собака решила подшутить над мышонком.

— О властелин земли! — сказала она.— Ты глубоко прав, говоря такие слова! Ведь даже сами люди работают на тебя. Это ведь они, люди, изготовляют сыры и колбасы, которыми ты лакомишься по ночам!

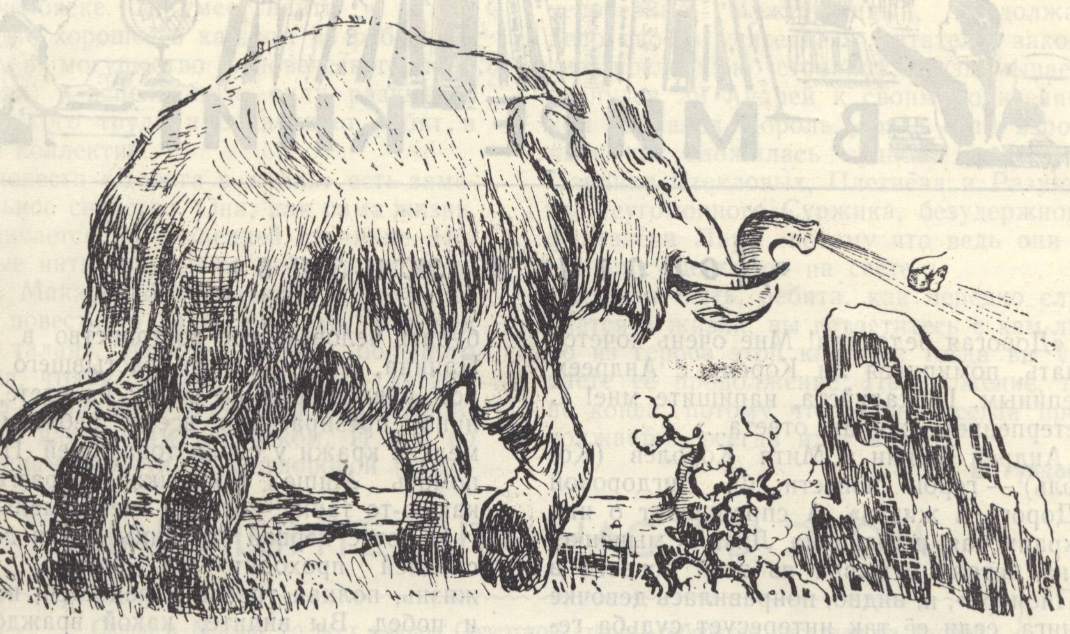
Мышонок сильно рассердился на собаку. Собака же не обратила на это ни малейшего внимания. Она пошла своей дорогой. И мышонок пошёл своим путём-дорогою.

И вот настал день, когда мышонку всё же довелось встретиться со слоном. Видит мышонок: издали прямо на него движется какая-то гора; ноги у слона словно стволы огромных деревьев. Впереди ноги, сзади ноги да ещё целых два хвоста... Ну и диво! А передний хвост большой-большой, во много раз длиннее заднего!

«Интересно, что это за зверь такой?» — подумал мышонок и, подойдя к слону, крикнул изо всех сил:

— Эй, ты! Остановись-ка! Уж не ты ли сам слон?

Слон оглянулся вокруг, но никого не увидел. Он сломал дерево, вырвал с корнем весь кустарник и только тогда наконец заметил маленького мышонка, кото-

рый стоял на огромной скале, как на пьедестале. И, хотя мышонок стоял на такой огромной скале, всё равно слон оказался выше его. А мышонку пришлось очень сильно кричать, чтобы слон расслышал его писклявый голосок.

— А, это ты! — прокричал мышонок слону.— Это ты говоришь обо мне такие недостойные вещи?! Кто ты такой, а? Кто тебе дал право так говорить обо мне?

Мышонок топнул о землю своей мышиной ножкой, но опять ни грома, ни даже малейшего шума не последовало.

Могучий слон не посмеялся над маленьким мышонком. Он просто повернул свой длинный хвост в ту сторону, откуда неслись такие хвастливые и высокомерные речи. Ливнем брызнула вода из хобота на маленького мышонка. Подобного ливня мышонок никогда в жизни не видывал. Мощная струя воды швыряла мышонка из стороны в сторону. Он потерял сознание и долго-долго лежал, как мёртвый, на той самой скале, где его застал этот страшный ливень.

Прошло несколько дней, прежде чем мышонок пришёл в себя. Теперь-то и мышонку стало ясно, что есть на белом свете звери более могущественные, чем он. А он, мышонок, среди зверей ничтожен и мал.

После встречи со слоном
Сам себе я цену знаю.
Я был глупым хвастуном,
Больше хвастать не желаю!

Понял маленький мышонок, что он был слишком глуп, и поклялся раз навсегда, что никогда больше не будет таким хвастливым зазнайкой. Он возблагодарил аллаха за то, что могучий слон не растоптал его, маленького мышонка.

Вернулся мышонок домой, сразу же отыскал своего дядю и поцеловал ему лапку в благодарность за то, что дядя говорил ему когда-то разумные слова.

И с той поры маленький мышонок больше никогда не зазнавался.

Перевели и обработали
Э. Мустафаев и А. Сенкевич.

«*Дорога в жизнь*»

«Дорогая редакция! Мне очень хочется знать, помирился ли Король с Андреем Репиным. Пожалуйста, напишите мне! С нетерпением ожидаю ответа...»

Андрей Репин и Митя Королёв (Король) — герои повести Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь». А спрашивает о них украинская школьница Лиза Смыченко. Она читала отрывки из этой повести в «Пионере», и, видно, понравилась девочке книга, если её так интересует судьба героев.

Отвечаем Лизе: Митя Королёв и Андрей Репин помирились. А как это произошло, и Лиза и другие ребята могут теперь узнать во всех подробностях, потому что повесть выпущена Детгизом отдельной книгой.

Хорошая это книга! В ней вы встретите некоторых старых своих друзей, героев «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко.

Но действие повести Ф. Вигдоровой развёртывается в 1933 году, и горячего, упрямого подростка Сеню Карабанова, столько забот, огорчений и радостей доставившего своему воспитателю, вы видите здесь уже взрослым человеком. Теперь его самого, как когда-то Макаренко, волнует судьба нескольких десятков беспризорных ребят, порученных ему, Семёну Карабанову.

Читая книгу, вы видите, как шаг за шагом, изо дня в день выпрямляются искалеченные ребячьи характеры, как умно, мужественно и горячо ведёт Карабанов борьбу за души этих ребят.

«Я должен каждого понять,— говорит Карабанов,— каков он, этот мальчишка? Волевой? Безвольный? Корыстный? Добрый? Скрытный? Прямой?..»

Карабанову нужно направить в полезное русло кипучую энергию и властную силу Короля. Нужно победить холодное, злое высокомерие Андрея Репина и пересилить его влияние на ребят. Нужно пробудить человеческое достоинство в душе Панина, опустившегося, застывшего в тупом равнодушии ко всему на свете, Панина, презираемого всеми ребятами за мелкие кражи у своих товарищей. Нужно помочь Мише Колышкину: разгадать какую-то тайну, которая гнетёт мальчика.

И вот с первой страницы книги до последней проходит эта борьба, течёт жизнь, полная тревог и радостей, неудач и побед. Вы видите, какой враждой и недоверием встретили нового директора ребята, разболтанные, привыкшие быть «себе хозяевами». Вы видите, как они испытывают его, следят за ним, как сперва любопытство, потом настоящий интерес к новым порядкам и новым делам не дают им разбежаться, привязывают к детдому.

Семён Афанасьевич Карабанов, сам в прошлом беспризорник, ученик чудесного педагога А. С. Макаренко, верит в людей,

Иллюстрация Н. Калиты к повести Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь».

верит в то хорошее, что скрыто в каждом человеке. Он умеет найти и затронуть это хорошее в каждом из ребят. Он верит в могущество человеческого коллектива, в исцеляющую силу разумного творческого труда и сплачивает ребят в такой коллектив.

У повести «Дорога в жизнь» есть замечательное свойство. Она, как сама жизнь, не кончается на последней странице. Незримые нити тянутся от неё к прошлому, когда Макаренко за десяток лет до начала повести, в годы разрухи, отдавал свой талант, любовь своего большого сердца, чтобы сделать взятого в детдом прямо из тюрьмы подростка Сеню Карабанова настоящим человеком. И вот по страницам повести Ф. Вигдоровой проходит взрослый Карабанов — благородный, человечный, мужественный, продолжая дело своего учителя. А читатель, закончив последнюю страницу, раздумывает: вернулся ли Андрей к своим родителям, кем сделался Король, когда стал взрослым, как сложилась судьба Серёжи и Павлика Стекловых, Плетнёва и Разумова, неугомонного Суржика, безудержного фантазёра Лиры, потому что ведь они и сейчас существуют на свете.

Может быть, ребята, как нередко случается в жизни, вы встретитесь с кем-либо из героев этой книги, и тогда вы узнаете её продолжение. Продолжение, но не конец, потому что жизнь всегда продолжается, всегда идёт вперёд.

Е. Рубцова

НАПИШИТЕ ДЛЯ НАС ОБ ЭТОМ

Скоро в Москву со всех концов Советской страны соберутся писатели на Второй Всесоюзный съезд, чтобы обсудить свою работу, свои планы, поговорить о том, как лучше и больше хороших книг написать для народа.

Советские люди любят читать и с радостью встречают каждую интересную книгу. С нетерпением ждут новых книг и рабочие, и колхозники, и учёные, и школьники. Вот пожелания писателям, которые высказали ребята, отдыхавшие в пионерском лагере «Горки», Коммунистического района, Московской области.

Люся КЛОЧКО — *Меня интересует вопрос, почему в книгах о дружбе всегда герои — мальчики, а героев девочек нет. Очень хочется прочитать книгу о дружбе в школе, о дружбе, помогающей в работе. Ещё я хотела бы прочитать книги о воспитании, такие, как книги А. Макаренко. Читаешь такие книги и переносишь всё на себя; они помогают воспитывать себя.*

Галя КОНДРАТОВА — *Комсомольцы поехали на целинные земли. Хотелось бы прочитать об их труде, об их жизни, о том, что толкнуло их на эту трудную работу.*

Мало книг научно-фантастических, таких, как книги Жюля Верна, книг о будущем, о машинах будущего.

Яна ГРУШИНА — *Я хочу знать про жизнь детей в других странах, а таких книг очень мало. Как живут дети в капиталистических странах, в Индии, в Африке, как работают, как борются за мир. И хочется, чтобы больше фактов было. В газетах бывают только заметки, а книг о жизни детей за рубежом почти нет.*

Жора ПЕЦУХ — *Почему нет хороших книг о наших советских спортсменах? В нашей стране много спортсменов, много чемпионов мира. Интересно, как прошло их детство, как они добивались успеха, с кем им приходилось встречаться, какие были трудности, как они с ними боролись.*

Тэна ЛЫЧЁВА — *Надо, чтобы больше было научно-фантастических книг, но чтоб писатели не очень фантазировали, а чтобы было ближе к истине. И потом, почему в научно-фантастических романах всегда герои — мужчины, а девушек нет.*

Надо больше интересных книг о растениях и животных, таких, как книги М. Пришвина и В. Бианки.

Повесть о юном художнике

Нет у нас, пожалуй, ни одной школы, ни одного дома пионеров, где бы ребята не пробовали свои силы в художественном творчестве, где бы не занимались они в кружках рисования и лепки, в литературных и драматических кружках. Разумеется, далеко не все юные кружковцы станут в будущем художниками или писателями, скульпторами или артистами. Но приобщение к творчеству полезно для всех: оно воспитывает художественный вкус, любовь к искусству, учит трудолюбию и упорству. Самые широкие возможности предоставлены у нас в стране для развития способностей и талантов. О юном художнике рассказывает новая повесть писателя Льва Кассиля «Ранний восход».

Герой повести Коля Дмитриев — мальчик, проживший короткую, но большую и яркую жизнь. У Коли Дмитриева было поистине богатырское дарование, но черты колиного характера, движения его души, его симпатии и антипатии, его стремления и наклонности были не какими-нибудь необычайными, а, напротив, очень типичными, очень характерными для всего нашего подрастающего поколения. И это хорошо показано в книге.

По картинам художника всегда можно точно угадать его думы, его привязанности, его мечты о будущем. Всем сердцем своим любил Коля Дмитриев родную страну, её просторы, её сёла и города, её леса и реки, её поля и долины... Хочется зажмуриться, словно яркий весенний свет ударяет тебе в глаза, когда смотришь на колину картину «Весенняя улица»: видно, не так давно сошёл снег, блестят ещё не подсохшие тротуары, но солнце уже красит всё кругом в радостные, золотые тона. А какой широкий простор открывается взору, когда смотришь на другую его картину — «Новая Москва»! На фоне подъёмных кранов и высоко поднимающихся новых домов пролетают в чистом голубом небе самолёты и оставляют за собой белую дымчатую дорожку... А вот картина «На заводском дворе». Смотришь на неё, и кажется, слышишь лязг железа, гул машин, чувствуешь горячее дыхание завода-гиганта. И вдруг сразу наступает тишина, только лёгкий шелест травы ласкает ухо — перед нами картина «Раннее утро в поле»...

Лев Кассиль показал нам Колю Дмитриева жизнерадостным, задорным мальчишкой, который умел так живо передавать на полотне краски жизни именно потому, что сам был безудержно влюблён в жизнь. Коля был хорошим спортсменом: он отважно нырял и плавал, не жалея коленок, защищал футбольные ворота, с необычайным увлечением гонял по переулку ледяшку, заменявшую в зимние дни футбольный мяч. И, пожалуй, именно эта любовь к спорту помогла Коле так выразительно нарисовать мужественную фигуру лыжника-спортсмена.

В книге тонко раскрыты благородные движения колиной души, он показан хорошим, горячо любящим сыном, трогательно заботливым братом и внуком, надёжным другом и товарищем.

Некоторые наши ребята-кружковцы наивно полагают, что стать деятелем искусства сравнительно легко, что для этого необходимо лишь сильное желание. А иные ребята после первых, ещё весьма скромных успехов в работе склонны задирать нос и считать себя уже вполне сформировавшимися поэтами или художниками.

Коля был неутомимо трудолюбив и очень скромен. Случалось, что десятки раз перерисовывал он одну и ту же картину. И даже тогда, когда Коля добивался большого успеха, он всё равно был недоволен собой. Он не любил, когда в художественной школе его хвалили, ставили в пример другим. «Противно выделяться!» — говорил Коля отцу.

Талантливый, сердечный, упорный в труде и необычайно скромный в оценке своих успехов — таким был Коля в жизни. Таким пришёл он в книгу. И таким шагает он со страниц книги к сердцам читателей.

Прочитав повесть Льва Кассиля, мы полюбим не только Колю, но и его друзей и старших товарищей, родителей, педагогов, пионервожатых — всех тех, кто помогал возмужанию и расцвету колиного таланта. А ещё мы испытаем чувство большой сыновней гордости за страну нашу, потому что «творчество Коли Дмитриева... является ещё одним убедительным примером того, как богата яркими, молодыми дарованиями наша Родина, как вдумчиво относится она к этим талантам...» Эти слова группы виднейших деятелей советской культуры, которые я прочитал в книге отзывов на выставке работ Коли Дмитриева, могут быть хорошим эпиграфом к правдивой и волнующей повести Льва Кассиля «Ранний восход».

Анатолий Алексин

Друзья книги

Маленький мальчик с большой школьной сумкой поднялся на носки и сказал:

— Мне «Лесную газету» Бианки. Лида говорила, что хорошая.

Библиотекарь голицынской железнодорожной школы № 9 Надежда Алексеевна нагнулась к столику, за которым выдавала книги:

— Ты же ещё маленький!

— Нет, я уже в третьем классе. Лида сказала, я пойму...

Малыш просил «Лесную газету» потому, что Лида, как говорил он, знает все интересные книжки...

С шестиклассницей Лидой Хлюпиной многие ребята советовались, какую взять книгу. Лида прочла больше других и знала, кому что посоветовать и чем кого можно заинтересовать.

Пришла в библиотеку книга «Витя Малеев в школе и дома». Мальчику из 6-го класса «А», который очень любил собак, Лида сказала: «Возьми эту книгу. Там есть про собачку Лобзика. Хохотать будешь».

Легко сказать: возьми! Ведь книг этих две на всю библиотеку. Да ещё две есть у мальчиков из 5-го «Б». Вот Лида и предложила им отдать книги на время библиотеке. Тогда и они сами и другие ребята смогут без задержки получать интересные книги.

С этого началось. Пришло лето, ребята перестали ходить в школу, но весь день поскрипывала калитка дома № 34 по проспекту Луначарского. Здесь живёт Лида Хлюпина. Школьный библиотекарь Надежда Алексеевна Иванкина поначалу выдала ей сорок книг, но их оказалось мало. Тогда Лида взяла свои книги.

Примеру Лиды последовали другие ребята. Читатели приходили теперь к ней не только за книгами, но и приносили свои книги для библиотеки. Сейчас в библиотеке около ста книг. И вот уже стало известно по всему Голицыну: кто хочет прочесть что-нибудь интересное, пусть идёт к Лиде.

Лида выдавала книги три раза в неделю. И всё у неё было, как у Надежды Алексеевны. Она записывала в тетрадку, как настоящий библиотекарь, название книги, кому и когда выдана, на какой срок.

Но книги здесь выдаются с одним условием: чуть надорвалась страничка — подклеить. Истрепался переплёт — сделать уголки. А если совсем стёрлись буквы на обложке,— нарисовать новые. Были ребята, которые говорили: «А я не умею».

— А читать умеешь? — спрашивала Лида.

— Умею.

— Тогда прочитай.— И она протягивала статью, вырезанную из журнала и наклеенную на картон. Статья называлась «Умелые руки». А в ней было сказано, как переплести книгу.

Браться за новую работу не всем хотелось. Но, обновив книгу, ребята получали удовлетворение от того, что любимая книга зажила второй жизнью на радость другим читателям. Бывало и так, что книгу возвращали плохо отремонтированной. Тогда Лида сама показывала, как надо подклеивать и подшивать странички и переплёт.

Теперь каждый голицынский школьник смело может сказать, что у него большая библиотека — несколько сотен книг. За Лидой Хлюпиной пошли школьницы Бойко, Нехаева и многие другие. Теперь и у них — пусть небольшие — отделения школьной библиотеки. Ребята собрали несколько сот книг в своих библиотеках; Надежда Алексеевна просмотрела эти книги, посоветовала, какие книги какому возрасту лучше рекомендовать, и пошли книжки по читателям. Ребята заботятся о книгах, не дают им состариться. Но таких книг, как, например, «Улица младшего сына» Кассиля и Поляновского, и шести экземпляров мало. Эти книги голицынские ребята читают вслух. Соберутся у кого-нибудь — у Хлюпиной, Бойко или Нехаевой,— сядут в кружок и читают. Одна читает — десять слушают. А потом чтецы меняются, чтобы не уставать.

Говорили, что в голицынской железнодорожной школе № 9 больше двадцати друзей книги. Но так было в прошлом году. А сейчас трудно сказать, сколько этих друзей. Все читатели библиотеки — друзья книги. Вот большая пачка читательских дневников. Такие дневники ведут все ребята этой библиотеки. Читательский дневник можно сравнить с альбомом фотографий. Раскроешь через несколько лет такой альбом — и вспомнишь много хорошего, будто вновь встретился с друзьями. Так и с читательским дневником. Тут всё записано: кто написал книгу, как книга называется, что больше всего понравилось в ней, краткое содержание, имена героев. А у некоторых ребят есть в этих дневниках срисованные обложки любимых книг или даже собственные рисунки, иллюстрирующие прочитанное. Перелистать такой дневник на свободе — большая радость. Кажется, что вновь перечитал произведения и встретился с Васьком Трубачёвым, Мересьевым или кем-нибудь другим из своих любимых героев.

Ничего особенного не придумали голицынские пионеры — друзья книги. Но сделанное с любовью всегда приносит пользу.

Т. Ефетова

В библиотеке посёлка Усть-Кабырза. Горная Шория, Кемеровская область.

ИГРОТЕКА ДРУЖИНЫ

Много оригинальных и остроумных приборов, моделей и механизмов прислали ребята на выставку детского технического творчества, которая была устроена прошлой зимой в Москве.

А на стендах Ленинградского и Ивановского дворцов пионеров и Детской технической станции города Кыштыма посетители увидели весёлые и занятные самоделки. Вокруг этих стендов толпились ребята, и многие тут же решили сделать такие же самоделки и устроить у себя в школе в пионерской комнате игротеку.

Почему бы и вам, ребята, не смастерить игрушки для такой игротеки? Здесь мы показываем, как сделать некоторые из них. Книги, которые указаны в конце, помогут вам увеличить свою игротеку.

ХИТРОУМНЫЙ ЗАМОК

На рисунке 1 показаны детали головоломки. Они выпилены из дощечек толщиной 0,8—1 см. Подвижные детали — чёрные; неподвижные — белые. На рисунке 2 показана головоломка, уже смонтированная на куске тонкой фанеры и положенная на стол.

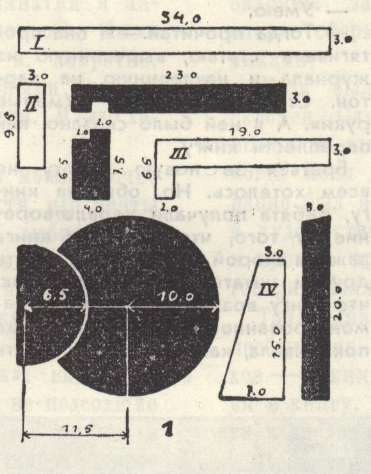
Задача заключается в том, чтобы освободить подвижную планку «Д», не применяя, конечно, силы.

Дощечки для головоломки гладко выстругайте. Потом начертите на них каждую деталь точно по размерам, обозначенным на рисунке 1. Только планку «Г» сделайте длиннее на 3—4 см, а большой диск начертите сначала полностью, без выемки.

При выпиливании следите за тем, чтобы разрезы не уклонялись в стороны от линии. Края выпиленных деталей сгладьте рашпилем.

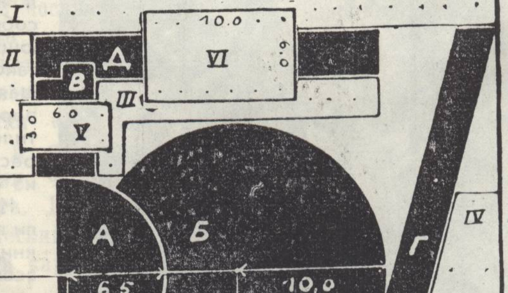
Планки «В» и «Д» должны быть немного тоньше остальных: отшлифуйте эти две детали кусочком стекла, а потом шкуркой.

Рядом с диском «Б» поместите на столе дощечку такой же толщины, а на неё положите диск «А». Центры обоих кругов должны быть на одной горизонтальной прямой на расстоянии 11,5 см один от другого. При таком положении деталей «А» и «Б» обведите карандашом край меньшего круга, заходящий на больший диск. По этой линии выпилите выемку в детали «Б».

1

2

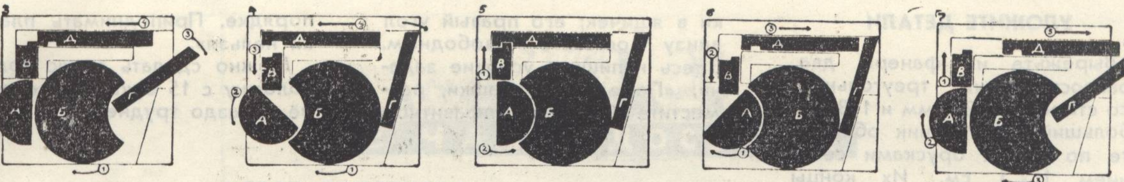

Из фанеры толщиной 3 мм вырежьте квадрат 34 × 34 см. По размеру квадрата свяжите раму из планок шириной 2,5—3 см и толщиной 1—1,2 см, фанеру прибейте к раме.

Окрасьте фанеру и раму в светлокоричневый тон раствором марганцевокислого калия, который можно купить в аптеке. Детали головоломки покройте яркой акварельной краской. Планку «Д» выделите синим цветом.

Начиная монтировать головоломку, проведите карандашом линию поперёк фанерного квадрата в 5 см от его края. Ниже этой линии, вплотную к ней, положите деталь I и прибейте её концы к планкам рамы. Чтобы гвоздики не выходили сквозь раму наружу, их длина не должна превышать 1,8—2 см.

Точно так же прикрепите детали II и IV, наложив их на фанеру там, где показано на рисунке 2.

Чтобы, прибивая, не попортить планки, сначала сделайте в них тонким шилом неглубокие проколы. В каждый прокол вбейте гвоздик примерно на ¾ его длины. Потом, придерживая на шляпке гвоздика стамеску, легко ударяйте по ней молотком. Так загоните гвоздик в дерево до конца.

Из фанеры вырежьте планки (детали V и VI) размером 5×10 см и 3×6 см. Это накладки, которые будут придерживать подвижные части «В» и «Д». По краям сгладьте накладки рашпилем, отшлифуйте их шкуркой и окрасьте в такой же цвет, как остальные детали.

На длинных сторонах большей и на коротких сторонах меньшей накладки сделайте по три прокола, отступив от краёв на 0,5 см. По проколам пробейте фанеру гвоздиками, чтобы они чуть-чуть прошли насквозь.

От тесины шириной 17—20 см отпилите кусок длиной 27 см. Приподнимите раму и подложите этот кусок тесины под фанеру, чтобы она не пружинила. Теперь положите планку «Д» так, чтобы она прикасалась к деталям I и II. В вырез, сделанный в этой планке, вложите зубец детали «В» (рис. 2). После этого можно поместить планку III точно так, как показано на этом же рисунке.

Бóльшую накладку положите краями на планки I и III, а меньшую на планки II и III и с помощью стамески забейте гвозди по самые шляпки. Поднимите рамку, оторвите тесину от гвоздей и срежьте их концы кусачками вровень с фанерой. Тесину сдвиньте немного вниз и снова положите на неё рамку.

Планку «Г» разделите пополам продольной линией, от её конца отмерьте 9 см. Здесь пробейте планку гвоздём насквозь. На 1 см выше детали IV, параллельно её меньшей стороне проведите на фанере черту длиной 6—7 см. Положите планку «Г» так, чтобы она прикасалась к детали IV, а остриё гвоздя приходилось на черте. Затем немного вбейте гвоздь сквозь фанеру в тесину. Конец планки «Г», налегающий на деталь I, отпилите. После этого планка «Г» должна занять положение, показанное на рисунке 2.

Выньте пока гвоздь. Планка «Г» должна вращаться, поэтому её надо укрепить на месте, насадив на ось две шайбы. Это металлические кружки диаметром 12—13 мм и толщиной 2—3 мм, с маленьким отверстием в центре.

Не всякий сумеет сделать настоящие шайбы; их заменят канцелярские кнопки. Возьмите четыре кнопки покрупнее; у каждой отломите остриё. Подберите гвоздь, который по толщине проходил бы лишь в широкую часть треугольного выреза на шляпке кнопки. Нанижите две кнопки на гвоздь, потом пробейте его сквозь отверстие в планке и наденьте ещё пару кнопок. Пропустите гвоздь через дырочку в фанере и подложите под его остриё небольшую чурочку. Потом забейте в неё гвоздь настолько, чтобы его шляпка чуть-чуть прижалась к верхней шайбе. Испытайте, свободно ли планка вращается на оси.

Совершенно так же на оси — гвозде — надо укрепить каждую из деталей «А» и «Б», используя кнопки вместо шайб. Сперва поставьте на место больший диск, а потом меньший (рис. 2). Часть круга «А» должна свободно входить в выемку соседней детали.

На полоске бумаги напишите крупно название головоломки и условие задачи, которую надо решить: «Изменяя положение подвижных деталей, освободите планку синего цвета. Сила для этого не требуется, нужны настойчивость и смекалка».

Бумагу с таким текстом наклейте на фанеру над верхней планкой.

Рисунки вверху страницы показывают, как надо изменять последовательно положение деталей головоломки, чтобы освободить планку «Д».

КЛОУН-ГИМНАСТ

Эта игрушка показана на рисунке 1. Если наклонить фигуру клоуна вперёд, заставив его сделать кульбит через голову, он будет кувыркаться, продвигаясь вперёд. Клоун остановится, когда палка, которую он держит, попадёт в зарубки на концах параллельных брусьев.

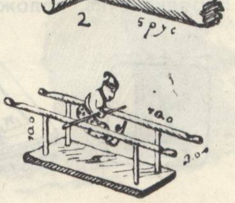
По рисункам легко разобрать, как устроена игрушка. Выпилите фигуру клоуна, скопировав её на фанере, разграфлённой на клетки 1×1 см. Палочка-ось должна туго входить в отверстие на руке фигуры. Вокруг оси сделайте две округлые выемки, которыми она ложится на брусья (рис. 2). Не забудьте ярко раскрасить костюм клоуна.

3

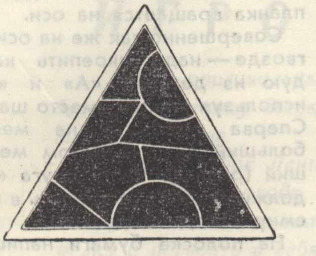

2

УЛОЖИТЕ ДЕТАЛИ

Вырежьте из фанеры два равносторонних треугольника со сторонами 200 мм и 168 мм. Больший треугольник обложите по краям брусками сечением 1×1 см. Их концы срежьте под углом и скрепите гвоздиками. Фанеру прибейте к брускам — получится низенький открытый ящик. Окрасьте его в светлокоричневый цвет.

Меньший треугольник отшлифуйте с обеих сторон шкуркой и разделите линиями на 8 частей, различных по величине и форме. Лобзиком распилите фанеру по линиям, шкуркой отшлифуйте по краям все детали и выкрасьте их, опуская в зелёные или красные чернила.

На один из брусков ящика наклейте сверху узкую бумажную полоску с надписью: «Высыпьте детали на стол и перемешайте их». Внутри ящика на дне поместите другую надпись: «Уложите все детали в ящик, чтобы получился треугольник».

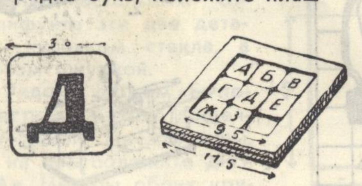
ПО АЛФАВИТУ

Из фанерного квадрата и брусков сделайте открытый ящичек, у которого размер дна внутри 12×12 см. Заклейте дно бумагой. Нарежьте из фанеры 8 одинаковых плашек величиной 4×4 см. Рашпилем округлите их углы и сгладьте края. Ящичек и плашки окрасьте так же, как детали предыдущей самоделки.

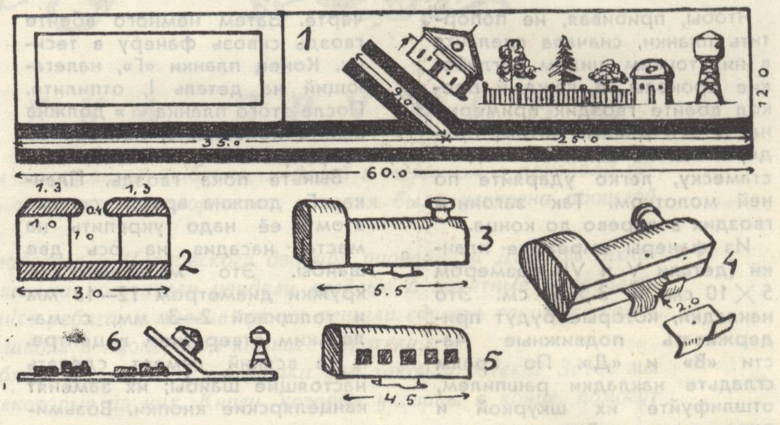
С одной стороны оклейте плашки бумагой и крупно напишите на них буквы: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З.

Не соблюдая алфавитного порядка букв, положите плашки в ящичек; его правый угол внизу оставьте свободным. Здесь напишите условие задачи: «Передвигая плашки, разместите буквы в алфавитном порядке. Приподнимать плашки нельзя».

Можно сделать такую головоломку с 15 буквами; решить её гораздо труднее.

ПРОПУСТИТЕ ПОЕЗД

На линии одноколейной железной дороги влево от станции стоят товарный вагон и паровоз. Ещё левее — пассажирский вагон с паровозом (см. рис. 6), которые надо пропустить вперёд, чтобы они могли уйти со станции вправо.

Как это сделать, если на станции только одна ветка-тупик, такая короткая, что может вместить лишь один паровоз или один вагон?

Если вы не сумеете сами решить эту головоломку, ответ на нее найдёте в этом же номере на странице 80.

Эту головоломку интереснее решать, если сделать паровозы и вагоны, а на куске фанеры проложить колею, по которой их можно передвигать.

Отрежьте фанерную полосу 12×60 см. По её краю проложите параллельно два бруска сечением 1×1 см, на расстоянии 10—12 мм один от другого. Прибейте фанеру к этим двум брускам. Они будут служить «рельсами» главной железнодорожной линии. Под углом отведите от неё ветку длиной 8—9 см. Её место показано на рисунке 1.

Вправо от ветки нарисуйте на фанере станцию, влево — приклейте листок бумаги, написав на нём условия задачи.

К рельсам главной линии и ветки прибейте сверху фанерные полоски шириной 1,3 мм. Между ними останется просвет 4 мм (рис. 2).

Паровозы и вагоны сделайте из чурочек; их размеры обозначены на рисунках 3 и 5. Ввинтите в чурочку маленький шуруп — это труба паровоза. Прибейте к паровозу изогнутую полоску жести — это будка машиниста.

Во всех чурочках сделайте снизу продольные пропилы глубиной 7—8 мм. Отрежьте 4 жестяных квадрата по 2×2 см. С одной стороны квадрата надрежьте жесть на 8 мм и отогните «лапки» вправо и влево. В пропил чурочки вставьте квадрат неразрезанной стороной и закрепите его гвоздиком (рис. 4). Такие «лапки» приделайте ко всем чурочкам.

Паровоз товарного поезда окрасьте в чёрный цвет, вагон — в красный, пассажирский состав — в зелёный.

Посмотрите на рис. 6 и поставьте на линию паровозы и вагоны так, чтобы «лапки» проходили под фанерными полосками, прибитыми к «рельсам».

На концах главной линии и ветки прибейте к брускам фанерные полоски.

Много интересных самоделок для игротеки вы найдёте в книгах: Г. Мамаев **«После уроков»**. «Молодая гвардия», 1950; Сборник **«500 игр и развлечений»**. Госкультпросветиздат, 1950; И. Чкаников **«Игры и развлечения»**. Детгиз, 1953.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ТРИ ИЗ ЧЕТЫРЁХ

1. Киев, Ленинград, Будапешт, Минск.
2. Волга, Дунай, Днепр, Днестр.
3. Таймыр, Новая Земля, Бузачи, Флорида.
4. «Руслан и Людмила», «Лебединое озеро», «Князь Игорь», «Декабристы».
5. «Гроза», «Обломов», «Отелло», «Вишнёвый сад».
6. «Утро стрелецкой казни», «Рожь», «Переход Суворова через Альпы», «Боярыня Морозова».

Из четырёх названий, напечатанных в каждом горизонтальном ряду, выделите три названия, объединив их каким-либо общим признаком. По отношению к каждому ряду сделайте это два раза, объединяя названия то по одному признаку, то по другому.

И. Чкаников

ЖОНГЛЁР

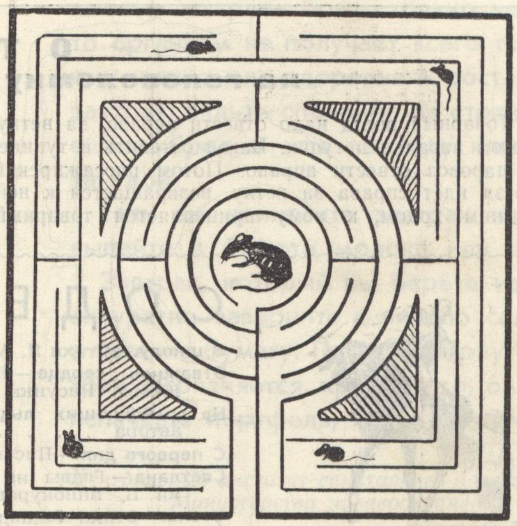

Вот какой ловкий этот клоун-жонглёр! Большой полосатый мяч не только держится на конце его жонглёрской палочки, но ещё и вертится.

Попробуй быстрыми, короткими движениями вращать этот рисунок перед глазами, и ты увидишь, как быстро вертится мяч.

ЛАБИРИНТ

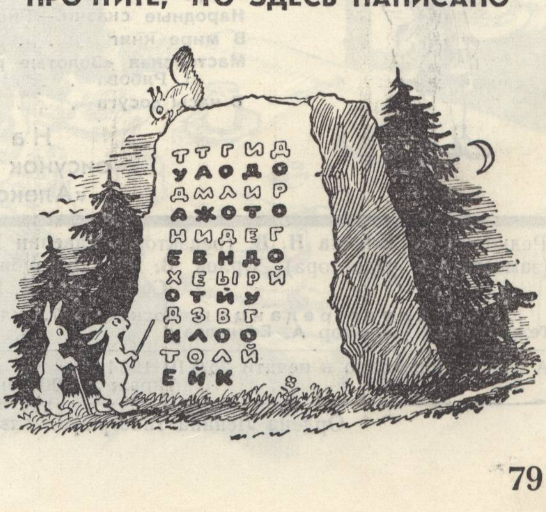

На рисунке изображён лабиринт, в середине его сидит одна мышка, а по коридорам бегают ещё четыре. Мышки очень испуганы, так как возле лабиринта их стережёт кошка.

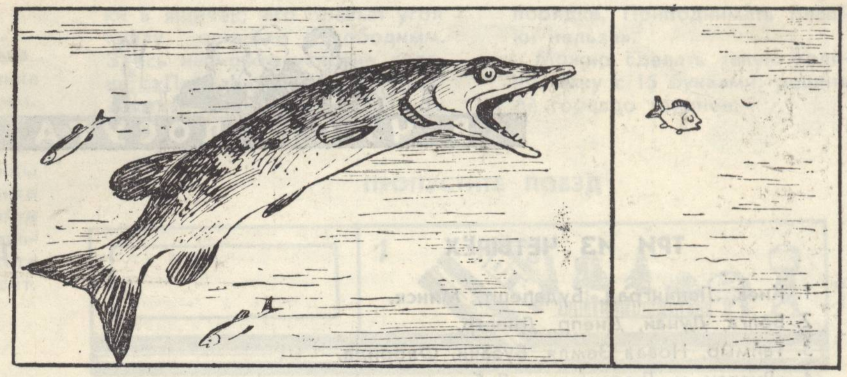
От испуга мышки не могут найти выхода из лабиринта. Возьмите карандаш и попытайтесь найти правильные пути для всех мышек.

ПРОЧТИТЕ, ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО

ПРОЖОРЛИВАЯ ЩУКА

Глядя внимательно на линию, проведённую между щукой и карасиком, быстро поднеси журнал к носу так, чтобы почти коснуться им линии. Прожорливая щука тотчас же проглотит карася.

ОТВЕТ
на головоломку „Пропустите поезд“

Товарный поезд надо отвести вправо, за ветку, потом назад и в тупик. Вагон оставить в тупике, а паровоз отвести вправо. Потом пассажирский поезд идёт справа за ветку, возвращается к ней задним ходом, к нему прицепляется товарный вагон, выводится из тупика. Весь состав после того отодвигается влево, а товарный паровоз отводится в тупик. Теперь, отцепив товарный вагон, пассажирский поезд может свободно уйти со станции.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
рисунок Петра Павлинова
«Александр Невский».

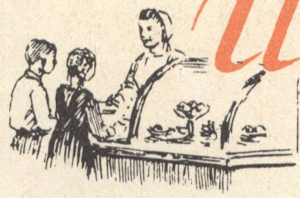
Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А.**, **Кассиль Л. А.**, **Маркова С. Е.**, **Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И.**, **Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П.**, **Сотник Ю. В.**, **Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова. **Рукописи не возвращаются.**

А 06225. Подписано к печати 25/VIII 1954 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 704. Зак. 2382.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Школьный завтрак

Раздаётся звонок, и школьники выбегают из классов. Начинается большая перемена.

Что купить в буфете? За стеклом выставлены разные блюда. Ребята раскупают их и усаживаются за столиками.

Один мальчик на все деньги купил конфет.

А другой с независимым видом прошёл мимо, позванивая монетами в кармане. Родители и не подозревают, что он копит деньги, которые ему дают на завтрак, а на уроках ему хочется есть, немного кружится голова, он невнимательно слушает. Не удивительно, что у него появились плохие отметки. Денег скоро хватит на футбольный мяч, но здоровье и учение пострадали.

Надо непременно поесть перед тем, как идти в школу, и на большой перемене. В школе лучше всего покупать в буфете винегрет, кислую капусту, кашу, молоко, простоквашу, кисель. Если вместо завтрака брать только конфеты, то организм не получает всего того, что ему нужно для здоровья и роста. Купив завтрак, сядьте спокойно за столик и поешьте. Вредно есть на ходу или читать за едой.

Если вы приносите завтрак из дома, выпейте в буфете молока или чаю.

Завтрак, который вы берёте из дома, аккуратно заверните в чистую салфетку, а затем в бумагу. Плохо завёрнутый завтрак загрязняется, кроме того, он может испачкать портфель, книги и тетради.

Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

Цена 2 р. 50 к.

ЦВЕТЫ. Мозаика.

Лукьянов Саша,
изостудия Дома культуры
Автозавода имени Сталина.

МОСКВА, ЮЖНЫЙ ПОРТ. Акварель.

Иванов Слава,
изостудия Дома культуры
Автозавода имени Сталина.